Преображенский

ЗАКАТ КАПИТАЛИЗМА

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕГ135
П878

Е. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

ЗАКАТ КАПИТАЛИЗМА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1931

Е. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

ЕГ135
П878

ЗАКАТ КАПИТАЛИЗМА

ВОСПРОИЗВОДСТВО и КРИЗИСЫ ПРИ ИМПЕРИАЛИЗМЕ и МИРОВОЙ КРИЗИС 1930—1931 г. г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1931 ЛЕНИНГРАД

К.

ЕГ135
П878

Сдано в производство 14 июля 1931 г.
Подписано к печати 7 октября 1931 г.

Редактор Л. Аллавердова.
Техн. редактор Ю. Шгром.

ОГИЗ С—1—12 № 391. Уполномоченный Главлита № Б—10154. Тираж 10.000 экз. Формат бум. 62 × 94/16 × 10 1/2 печ. лист. (в листе 48000 знаков).

Отпечатано в тип. газеты „Правда". Москва. Тверская, 48. Заказ № 1858. Октябрь 1931 г.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

~~36~~
~~8900~~

(842/31)

~~2777/36~~ с1.

1062372

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа представляет собой часть большого труда о современном империализме и его гибели. Я предупреждаю об этом читателей прежде всего потому, чтобы к содержанию этой книги не предъявлялись требования, которым она не может удовлетворить в силу распределения материала между отдельными частями.

Работа моя о современном империализме распадается на следующие основные части:

1. Историческая характеристика империализма как целого. (Производственные отношения раннего капитализма, классического капитализма и капитализма на стадии империализма. Эволюция форм буржуазного государства: феодально-буржуазная форма государства, бонапартизм, буржуазная демократия, фашизм. Эволюция всей надстройки капитализма.)

2. Производственные отношения послевоенного империализма. (Изменения в структуре, связанные с монополизмом. Изменения в воспроизводственном процессе и в характере кризисов. Теория воспроизводства и кризисов Маркса и ее приложение к современности. Исследование кризиса 1930 — 1931 гг. Изменения в системе обмена и в системе кредита. Противоречия империализма как целого и вся система в целом.)

3. Характеристика важнейших капиталистических стран и их роль в мировом хозяйстве после войны. Анализ основных явлений конкретной истории мирового хозяйства после войны. СССР и капиталистический мир. Предпосылки организации социалистического хозяйства Европы и социалистической экономики мира.

Ввиду очень большой актуальности вопросов, относящихся к современному мировому экономическому кризису и к кризисам при империализме вообще, я выделил из всей работы и спешно обработал части, в которых идет речь о воспроизводственном процессе, хозяйственном цикле и кризисах при свободе конкуренции и при империализме, а также очерк исследования современного мирового кризиса. Иными словами, я выделил несколько глав из экономической части работы. Кроме того из исследования об эволюции форм буржуазного государства я взял главу о фашизме и отчасти тему о взаимоотношениях СССР с капиталистическим миром. Таким образом совместно с первой главой, содержащей общий вводный очерк, составилась настоящая книга. Вследствие такого деления материала читатель не найдет в книге ни общесоциальной характеристики империализма, ни анализа в с е х его противоречий, а также анализа системы кредита, денежного обращения, динамики мировых цен и многого

другого, что занимает важное место во всей работе, но что можно было исключить в настоящем издании, дабы не затягивать появления его.

Я считаю небесполезным выпуск этой книги вот почему.

Недавно не только нашей философии, но и нашей экономической науке довольно серьезно угрожала опасность превратиться в скелет из методологических костей. Эта опасность пока устранена, но есть опасность впасть в другую крайность: по крайней мере в огромном большинстве работ, посвященных мировому кризису и связанным с ним общетеоретическим экономическим проблемам, груды статистических данных механически складываются с двумя-тремя десятками одних и тех же цитат из наших учителей, при неумении по-научному использовать эти цитаты для понимания новых фактов и при поразительной бедности новых исследований в центральных вопросах, как вопрос о характере воспроизводственного процесса при империализме и вопрос об изменении хозяйственного цикла при империализме в сравнении с эпохой свободы конкуренций. Разумеется, то, что напечатано на эту тему, еще не характеризует всего того, что находится в работе и подготовляется к печати нашими экономистами. Я знаю, что действительная наука есть весьма трудоемкая культура с весьма длинным «рабочим периодом». Но, с другой стороны, и жизнь сейчас идет слишком быстрым темпом. Торопиться приходится во всех областях работы. Вот почему и я решил поторопиться и дать на обсуждение читателей и исследователей кое-что из моей большой работы о послевоенном империализме. В этой книге, наряду с другими указанными выше проблемами, отсутствует и полемическая глава, где я выступаю против ряда ошибок в вопросах, касающихся экономики империализма, некоторых наших экономистов, начиная с т. Бухарина, где я, с другой стороны, рассматриваю работы Штереберга, Гроссмана, Отто Бауэра, Каутского, Фрида и других. Там же я говорю и о недостатках беглых заметок об империализме в моих собственных работах.

Во избежание чисто терминологических недоразумений замечу, что слово монополизм я употребляю иногда вместо экономической структуры империализма, впрочем в полном согласии и с терминологией Ленина, который называл монополизмом империализм, взятый со стороны его экономической характеристики.

Е. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРАХ КАПИТАЛИЗМА

Характерной чертой послевоенной капиталистической экономики являются огромные размеры неиспользованного основного капитала и чудовищные размеры абсолютной безработицы. С развертыванием мирового экономического кризиса размеры бездействующего капитала и количество безработных рабочих достигли чудовищных размеров. Пред каждым экономистом, который хочет понять, что совершается в капиталистической системе, стоит один коренной вопрос. Почему капитализм, на теперешней стадии его развития, или вернее гниения, не в состоянии обычными рыночными методами, т.-е. на основании регулирующего действия закона ценности, всосать в производственный процесс эти незанятые рабочие силы и эти втуне лежащие средства производства? Что случилось в самом механизме капиталистического общества, вследствие чего капитализм не может уже переходить от одного цикла расширенного воспроизводства к другому, как это было в эпоху свободной конкуренции?

Буржуазная экономическая наука доказала свое полное банкротство при решении этой проблемы, она даже оказалась не в состоянии поставить самый вопрос. Крупнейшие светила ее провалились со своими прогнозами, оказавшись неспособными объяснить причины теперешнего кризиса. В настоящее время они упорно молчат относительно ближайшего будущего, опасаясь осканда́литься второй раз.

На поставленные выше вопросы правильные ответы может дать лишь марксистская экономическая наука.

Опираясь на теорию воспроизводства Маркса и на ленинскую теорию империализма, а также подвергая анализу условия расширенного воспроизводства при монополистическом капитализме, я попытаюсь дать ответ на поставленные выше вопросы, а также дать теоретический анализ причин современного мирового кризиса.

В каждой системе общественного воспроизводства существует специфическая форма связи между производительными силами, которым она дает достаточный простор, и между всей совокупностью производственных отношений данной формации.

Одна из специфических особенностей капиталистической системы заключается в том, что, как общее правило, отдельные капиталистические предприятия должны или производить и закреплять за собой, либо должны получать путем перераспределе-

ния всей прибавочной ценности всего класса капиталистов такую долю ее, чтобы предприятию была обеспечена средняя норма прибыли. Если прибыли не будет, то существование капиталистического предприятия, именно как капиталистического, теряет свой смысл, независимо от того, нужно ли это предприятие для общества или нет и даже независимо от того, выгодно или нет существование этого предприятия для всего класса капиталистов. Здесь есть существенное различие между капиталистическим предприятием и, например, между натуральным помещичьим хозяйством. Натуральное помещичье хозяйство может держаться, пока ему обеспечена хоть какая-либо часть прибавочного продукта крестьянина, если феодальная эксплоатация дает хоть какие-нибудь результаты. Наоборот, для капиталистического предпринимательства, для эксплоатации капиталистического типа нужны гораздо более сложные предпосылки. С этой точки зрения можно утверждать, что капиталистическая система хозяйства хотя является гораздо более эластичной, чем феодализм, во всех других отношениях, однако в этом пункте, в пункте зависимости реального использования наличных производительных сил общества от определенных размеров прибыли для каждого среднего предприятия, эта система является более уязвимой. На определенной ступени развития производительных сил капиталистического общества и при усилении неблагоприятных процессов для такого развития в системе капиталистического распределения, именно в этом пункте образуется та пробка, которая приостанавливает все экономическое развитие общества.

Апологеты капитализма, в том числе его апологет Каутский, не видят никаких экономических преград для развития капиталистического производства. В своей работе «Materialistische Geschichtsauffassung» т. II Каутский заявляет, что не видит тех причин, вследствие которых капитализм мог бы оказать в тупике и войти в период всеобщего хронического кризиса. Он подвергает сомнению и считает недоказанным знаменитое положение Маркса о том, что на определенной стадии развития капиталистическая монополия на средства производства превращается в препятствие для развития производительных сил общества и должна будет взорваться.

То, что сейчас происходит в масштабе всего мирового капиталистического хозяйства, есть самая яркая, самая кричащая иллюстрация к этому положению Маркса. Давно прошли те времена, когда кризисы были лишь низшими точками на поднимающейся кривой капиталистического производства. Прошло то время, когда резервная армия промышленности служила запасом рабочей силы на случай большого циклического развертывания промышленности, и при наступлении подъема почти без остатка втягивалась в производственный процесс. Прошло то время, когда и резервы основного капитала служили также главным образом этой цели: они давали возможность капитализму быстро покрыть возросший спрос в период оживления, не прибегая к постройке новых предприятий, продукцию которых можно было бы ожидать быть может уже после окончания периода подъема. Другая цель этих резервов заключалась в том, что они позво-

ляли легче преодолевать диспропорции между отдельными отраслями производства, избегая часто о перенесения капитала из одной отрасли в другую, поскольку этот капитал уже был увязан в определенной натуральной форме.

В указанных выше пределах и резервная армия рабочей силы и резервы основного капитала были функционально необходимы для капитализма, развитие которого шло вперед скачкообразно. Теперь же капитализм создает не резервную армию рабочей силы, а армию безработных, навсегда вытолкнутых из производственного процесса, т. е. абсолютную безработицу, которая означает омертвление все растущей части рабочих сил общества [1].

Как далеко подвинулся весь этот процесс, можно видеть из следующих цифр, касающихся размеров неиспользованного оборудования в черной металлургии [2].

Англия — из 427 доменных печей работали в июне 1928 г. 141, а в июле 1930 г. — 105.

САСШ — из 343 доменных печей в июне 1928 г. работало 130,

Германия — из 170 доменных печей в июне 1928 г. работали 103, в августе 1930 г. — 74.

Эти цифры показывают, что капитализм уже до кризиса своей структурой загородил дорогу к использованию не только потенциональных, но уже реально существующих производительных сил общества. Если уже перед развертыванием теперешнего кризиса капитализм имел неиспользованной значительную часть производственного аппарата и рабочих сил общества и особенно расширившегося за время войны производственного аппарата тяжелой промышленности, то теперь, в момент кризиса, он увеличил омертвление капитала до совершенно неслыханного процента и больше 30 млн. рабочих надолго выбросил из производственного процесса.

Возникает вопрос, почему капитализм, на основе нормального действия всего капиталистического механизма, не может занять эти 30 млн., которые создавали бы огромное количество новой прибавочной стоимости, а вместе с тем огромный добавочный рынок как для средств потребления, так и для производственного спроса самой промышленности, сельского хозяйства и транспорта.

Тот факт, что Каутский даже не ставит этого вопроса (в упомянутой книге), говорит о его полном банкротстве как теоретика-экономиста. На протяжении десятков страниц он расписывает нам всем давно известные преимущества капитализма над дока-

---

[1] В третьем томе «Капитала» Маркса есть место, где он говорит о ситуации, в которой может оказаться общество, благодаря росту абсолютной безработицы. Говоря о вытеснении рабочего машиной. он писал, что, если большинство населения выйдет в тираж, оно должно будет совершить революцию.

В настоящее время в тираж идет не только вся растущая часть населения (в конце 1930 г. более 30 млн. безработных в мировом хозяйстве), но и растущая часть средств производства. Это будет продолжаться до тех пор, пока в тираж не пойдет сама капиталистическая система.

[2] Данные за последний год из «Wirtschaft und Statistik», 1930, № 20. S. 812—813.

питалистическими формами хозяйства, но всячески обходит тот вопрос, который стоит как острейшая проблема наших дней, не только перед каждым пролетарием, но и перед напуганными размерами кризиса капиталистическими классами.

Постараемся ответить на этот вопрос.

Для расширения производства капитализм не имеет недостатка в средствах производства, в том числе в сырье, хотя отдельные отрасли находятся здесь не в одинаковом положении. Все средства производства имеются в изобилии, и это изобилие, переходящее в омертвление, как раз и составляет важнейший элемент настоящего кризиса. Что касается рабочих рук, то избыток их далеко превышает те 30 млн., которые сейчас находятся без работы, если иметь в виду многие миллионы потенциальных рабочих сил, которые совсем не были втянуты в производственный процесс вследствие хозяйственного застоя в большинстве капиталистических стран. Точно так же и кредитно-денежная система капитализма до кредитного кризиса была достаточно эластична, чтобы не создавать здесь непреодолимых затруднений, хотя сторонники количественной теории и утверждают противное (без доказательств). В чем же дело?

Обычный ответ таков: для развертывания производства нет достаточных рынков.

Но что такое рынок с точки зрения теоретической экономики?

Рынок это есть совокупность платежеспособного спроса общества на средства производства и на предметы потребления, т. е. совокупность спраса, с одной стороны, всего производственного аппарата хозяйства, с другой стороны—индивидуально-потребительского спроса. Беря весь процесс производства и потребления в целом, Маркс совершенно правильно считал потребление в капиталистическом обществе функцией производства. Он выставил также положение, что в капиталистическом хозяйстве не существует и не может существовать никакого другого спроса, кроме спроса платежеспособного, т. е. спроса, уже предопределенного размерами предыдущего цикла воспроизводства и размерами производительного накопления.

Предположим, капиталистическое общество решило положительно задачу вовлечения в производственный процесс всей теперешней армии безработных и задачу использования всего оборудования, находящегося в состоянии омертвления. Это будет значить, что появится добавочный рынок по предметам потребления со стороны фондов зарплаты нескольких десятков миллионов прежних безработных, а также увеличение спроса со стороны многомиллионной массы мелких производителей, которые теперь будут в состоянии продавать без затруднений свою продукцию капиталистическим странам и и м е н н о п о э т о м у в состоянии покупать как средства производства, так и предметы потребления капиталистического сектора. С другой стороны, работающая с полной нагрузкой сама капиталистическая промышленность предъявит теперь огромный дополнительный спрос на все средства производства. Правда, такой огромный скачок в развертывании производства не мог бы вылиться в прямое ариф-

метическое увеличение продукции всех стран мирового хозяйства. Такой подъем производства привел бы к иной расстановке производительных сил в сравнении с тем, что мы имеем теперь. Одни отрасли оказались бы недостаточно загруженными, другие не справлялись бы с удовлетворением рыночного спроса; одни страны перешагнули бы за самые рекордные годы развертывания хозяйства в прошлом, другие бы не использовали всей своей производственной мощи. Но это уже другой вопрос. Основной же факт заключается в том, что само расширенное воспроизводство по всей линии мирового хозяйства разрешало бы проблему рынка так, как она теперь стоит, хотя бы положение отдельных отраслей производства и положение отдельных стран было бы различно.

Что же мешает мировому капитализму перейти к этой, более высокой ступени расширенного воспроизводства, почему он, имея уже к 1929 г. огромное количество избыточных рабочих сил и неиспользованного оборудования, перешел в 1930 г. не к расширенному воспроизводству, а к катастрофически снижающемуся воспроизводству, которое совсем не похоже на циклическое сжатие производства во время довоенных кризисов?

Совершенно очевидно, что ответ надо искать в структурных особенностях капитализма, как определенной исторической формы производства, и искать их с той стороны, где структура общественной формации или сжимает, или непропорционально медленно развертывает свою пропускную способность в отношении новых производительных сил общества. Ниже мы увидим, что ответ надо искать не столько в этой общей постановке, сколько в исследовании того задерживающего влияния, которое оказывает монополистическая система на развертывание расширенного воспроизводства.

Проанализируем этот вопрос под указанным углом зрения.

Всякое расширенное воспроизводство в новом цикле начинается с распределения добавочных средств производства и новых добавочных средств потребления, идущих для воспроизводства добавочной рабочей силы, между отдельными отраслями и между отдельными национальными хозяйствами. Это распределение в своей первой фазе осуществляется при капитализме через систему капитальных эмиссий. Создаются новые акционерные общества, выпускаются новые партии акций существующих предприятий и объединений, в том числе промышленно-банковских объединений, выпускаются облигации транспортными предприятиями и т. д.

Чем регулируется это движение на рынке капиталов?

Капиталы движутся по направлению, где их ожидает максимальная или прочно обеспеченная прибыль. Капиталы избегают участков хозяйства, где они не могут получить средней нормы прибыли, а тем более, где в данную минуту производство почти не дает прибыли.

Спрашивается теперь, соответствует ли все это движение тем направлениям, по которым должны были бы итти потоки новых капиталов, если бы объективной задачей всего распределения новых инвестиций было бы расширенное воспроизвод-

ство в масштабе всего мирового хозяйства и соответственное расширение в масштабе национальных хозяйств?

Возьмем для ответа один конкретный пример из экономики современной Англии, той страны, которая особенно интересна для нас в данном случае, как страна, где дальше всего продвинулся процесс омертвления основного капитала и рабочих сил хозяйства. Старейшая и важнейшая отрасль тяжелой промышленности Англии—угольная промышленность, весьма отставшая технически, для снижения себестоимости производства и для увеличения добычи угля нуждается в колоссальных капитальных вложениях. Достаточно посмотреть распределение капитальных эмиссий Англии за последние 10 лет, чтобы убедиться, что новые капиталы Англии упорно двигались как раз в обратном направлении[1]. Огромные капитальные вложения в угольную промышленность Англии, абсолютно необходимые и для расширения производства и для конкурентной способности английского угля за границей, невыгодны с точки зрения получения прибыли на сегодняшний день, и поэтому капитал избегает этого участка, куда он должен был бы итти в первую очередь, если бы вопрос решался с точки зрения интересов всего капиталистического класса Англии в целом. Но это доказывает, что сама система распределения новых эмиссий рыночным путем абсолютно устарела, что она препятствует полному использованию производительных сил и их наиболее выгодному использованию даже с точки зрения развития самого капиталистического хозяйства. Для распределения производительных сил теперешнего масштаба и в условиях глубочайшего переплета хозяйственных связей в мировом целом нужна совсем иная, отнюдь не рыночная система распределения накоплений, нужны иные методы концентрации этих накоплений и другое направление для их движения.

Но допустим на минуту нечто нереальное. Допустим, что английский капитализм, по рецепту Мосли и его группы, создает правительство пяти министров с диктаторскими полномочиями в области руководства хозяйством, и что еще более фантастично—это правительство получает возможность располагать всем ежегодно авансируемым капиталом Англии, бросает его в реконструкцию угольной промышленности, не считаясь с частной собственностью углепромышленников, рационализирует производство и делает английский уголь дешевле, чем уголь других стран. Что это даст?

Если в других странах все остается по-старому, это обеспечит новые рынки для английского угля, но приведет к увеличению омертвления капитала и рабочих сил в других угледобы-

[1] Эмиссии новых капиталов равнялись в Англии в 1929 г.—285 239 тыс. фунтов, из каковой суммы в основные отрасли английского хозяйства, т. е. в угольную, железную и машино-строительную промышленность пошло 4 485 тыс. фунтов, т. е. всего 1,57% всех эмиссий, т. е. немногим больше, чем по рубрике отелей и театров, куда пошло 4 011 тыс. фунтов; 107 млн. фунтов пошло в различные государственные займы, т.-е. в огромном большинстве не на производственное назначение. В 1930 г. из 267 млн. фунтов в займы пошло еще больше 190 млн. фунтов, а железо, сталь, уголь и машиностроение получили 1 285 тыс., или всего 0,48%, т.-е. менее полпроцента (см. Statist to February, 1931, п. 47, а также Economist за это же время).

вающих странах. Таким образом мы имели бы здесь лишь иное перераспределение безработицы и не нагруженного капитала в мировом хозяйстве.

А это доказывает, что процесс создания единого мирового хозяйства так далеко подвинулся вперед, что для перехода к быстрому расширенному воспроизводству во всех странах необходим переход к другой системе капитальных эмиссий: капитализм должен был бы перейти к системе планового хозяйства, которое исходит не из эффективности вложений с точки зрения получения прибыли на сегодняшний день, а с точки зрения оптимально возможного развертывания продукции всех стран, производственно связанных друг с другом. Но капитализм и плановое хозяйство — вещи несовместимые. Если капитализм заходит в тупик и начинает нуждаться в плановом хозяйстве, то плановое хозяйство не нуждается в капитализме. Отсюда мы видим, как давно уже созрел капитализм для социалистической революции.

Но что означают противоречия между рыночной системой распределения новых капиталов и уровнем развития производительных сил? Ведь система распределения капиталов внутренне связана со всей капиталистической системой, она составляет лишь одну сторону, один из участков действия закона стоимости, как регулятора общественного производства при капитализме. Если английский капитализм не в состоянии перераспределить рыночными методами прибыли от новых и успевающих отраслей промышленности и прибыли от капитальных инвестиций в колониях в целях финансирования старых отраслей промышленности, то ведь этот тезис можно перевернуть и сказать: такое неблагоприятное распределение диктуется законом стоимости в той форме, в какой он проявляется при монополистическом капитализме. Поэтому указанное противоречие как раз и означает, что мы имеем здесь дело с другим, еще более глубоким противоречием, противоречием между всей системой регулирования через закон стоимости и между теперешним уровнем производительных сил и их распределением в мировом масштабе. Закупорка идет не только с указанного нами конца, но ее можно констатировать и в ряде других пунктов, например: сужение фонда заработной платы, увеличение непроизводительного потребления буржуазного общества и т. д.

Когда мы указываем на противоречия, которые существуют между производительными силами современного капитализма и системой новых эмиссий, мы, если можно так выразиться, мысленно социализируем капиталистическое хозяйство, мы вскрываем это противоречие путем сравнения капитализма с той формой хозяйства, которая должна его сменить и которая может полностью использовать теперешние производительные силы. Важно показать не только причину нерационального осуществления монополистическим капитализмом системы капитальных вложений, но и причину приостановки роста производства и тем самым физического ограничения размеров нового вложения капиталов.

Этот вопрос возникает сам собой. Если на теперешней стадии развития производительных сил, теперешняя форма организации производства и распределения создает непреодолимые

преграды для нового использования этих производительных сил, то на предыдущей стадии развития капитализма, т. е. в период свободы конкуренции, дело обстояло иначе. Спрашивается теперь: в чем заключаются эти новые затруднения, которые монополистический капитализм создает для расширенного воспроизводства? Чем капитализм на стадии империализма отличается в своей структуре от капитализма эпохи свободной конкуренции в смысле влияния на расширенное воспроизводство? Что остается без изменения и что является новым?

Без изменения остается основная структурная особенность капиталистической формы производства, как производство на рынок ради прибыли. Только вульгарные апологеты капитализма могут не видеть, что даже в самые лучшие времена классического капитализма эта его структурная особенность была главным препятствием для развития производительных сил общества и для наиболее рационального использования уже имеющихся в наличности производительных сил. Однако в период классического капитализма эта ахиллесова пята капитализма не давала себя так сильно чувствовать, и ее тормозящее влияние на экономическое развитие смягчалось благодаря двум причинам.

Первая причина заключалась в том, что капитализм был тогда **эластичней и подвижней.** Концентрация капитала была еще сравнительно незначительной. Большинство предприятий еще не было слито в объединения, основание новых предприятий было легче, потому что по уровню тогдашней техники это требовало гораздо меньших вложений капиталов. Особенно велико было прюндерство в период подъема. Это партизанское движение вперед, это движение в сторону непрерывного увеличения производства и в расчете на расширение производства смежных отраслей приводило, правда, к организации многих ненужных предприятий, которые или ликвидировались в периоды кризисов, или не были достаточно загружены, но зато такая форма движения позволяла прощупать очень глубоко (хотя и не до дна) производственные возможности капитализма на данном этапе его развития и лимиты его платежеспособного спроса. Погоня за прибылью, распределение нового капитала, исходя из конъюнктуры сегодняшнего дня и тогда приводили к растрате производительных сил вследствие незнанич рынка и перспектив спроса на длительный период. Но зато основание новых предприятий не встречало больших препятствий и часто нецелесообразное распределение капитала и рабочей силы оказывалось все-таки лучшим, чем совершенное неиспользование ни того ни другого. Если некоторые новые предприятия оказывались потом излишними, то зато они позволяли развернуть производство всех других, зависящих от них предприятий. В этом общем движении в сторону расширения лежал как раз залог того, что предприятие, неполностью загруженное, для сегодняшнего дня или даже временно излишнее оказывалось прочно втянутым в производственный процесс завтра. Резюмируя, можно сказать, что эта легкость возникновения новых предприятий, что все это партизанское движение вперед преодолевало те внутренние структурные препятствия для развития рынка, которые лежат в самой природе буржуазного производства, как про-

изводства ради прибыли, где общественные потребности удовлетворяются не в меру наличия средств производства и рабочих сил, а в меру удовлетворения владельцев капитала определенной нормой прибыли.

Наоборот, на стадии монополизма капитализм является менее подвижным. Основание новых предприятий чрезвычайно затруднено по двум причинам: с одной стороны, вследствие огромного повышения органического состава капитала в наиболее важных отраслях промышленности, с другой стороны, вследствие существования монополистических объединений, которые часто убивают своих конкурентов раньше их рождения. Наличие огромных объединений, перерастающих рыночные методы распределения новых производительных сил и границы обособленных национальных хозяйств, приводит к тому, что регулирование производства на основе закона стоимости сопровождается растущим сжатием положительных сторон этого регулирования и усилением его отрицательных сторон. Если в эпоху свободной конкуренции на рынке создавался дополнительный спрос, это приводило не только к расширению производства существующих предприятий, но и к быстрой организации новых, строители которых так сказать антиципировали будущее расширение всего производства, расширение всех видов производительного и потребительского спроса. Эти новые предприятия и в период постройки и при развертывании своей работы увеличивали спрос для других отраслей и позволяли сделать шаг вперед для всей производственной цепи. При монополистическом капитализме дело ограничивается либо расширением производства существующих предприятий, либо пуском в ход временно законсервированных отсталых предприятий. Таким образом стимулирующее действие растущего спроса на расширенное воспроизводство оказывалось более глубоким в эпоху свободной конкуренции.

Но несравненно более отрицательно монополизм влияет при абсолютном и даже при относительном сокращении платежеспособного спроса. В период свободы конкуренции наиболее резкое сокращение спроса имело место во время кризиса. В этом случае наиболее сильные и жизненные предприятия перестраивались на новой технической базе и приспособлялись к падению цен. В результате та же сумма платежеспособного спроса удовлетворялась большим количеством товаров в натуре, что ослабляло действие кризиса для так называемого второго подразделения, а, с другой стороны, техническая реконструкция задерживала сокращение производства средств производства. В том и другом случае кризисное состояние, т. е. прежде всего сокращение производительно занятых рабочих встречало преграды в самой системе свободной конкуренции. При монополизме сокращение спроса чаще всего вызывает сокращение производства. Приспособление к новой ситуации достигается не снижением цен и сменой основного капитала, а искусственным сокращением предложения, что означает омертвление части капитала и части рабочих сил общества. С этой точки зрения монополизм, при существовании категории прибыли как непосредственного стимула к производству, является постоянным источником закупорки в развитии производительных сил

общества, причем здесь стремление к прибыли все чаще и чаще оказывается стимулом не к развитию производства, а к его сокращению. Такая закупорка не только охватывает те отрасли, где господствуют мощные тресты и синдикаты, но перебрасывается и на все отрасли производства сырья и средств потребления, которые имеют своим главным рынком сбыта крупную промышленность и ее рабочее население. Погоня за наибольшей прибылью на сегодняшний день толкает не к расширению, а к сжатию производства и тем затрудняет для капитализма возможность, путем максимального вовлечения в производство рабочей силы, обеспечить на завтрашний день огромное возрастание прибавочной стоимости для класса капиталистов и увеличение количества производимых продуктов для всего общества. Капиталистическая форма распределения оказывается более чем когда-либо структурным препятствием для движения общества вперед. Именно в этом лежит главная причина загнивания современного монополистического капитализма, именно в этом он полностью изжил себя экономически. Дальнейшее существование капитализма превращается в огромную опасность для человечества, потому что, с одной стороны, он не может овладеть мощными производительными силами современного хозяйства, а с другой стороны, в поисках выхода из тупика, начинает истреблять в военных конфликтах одну часть мирового капиталистического целого для спасения другой его части. Империалистическая политика и империалистические войны с железной необходимостью вырастают из такого положения. Спасти человечество от новых кровавых войн может лишь пролетарская революция, которая одновременно уничтожит необходимость подгонять использование производительных сил к уровню средней нормы прибыли, и поставит эти силы на службу непосредственного удовлетворения потребностей общества. Производство будет лимитироваться тогда не отжившей формой капиталистического распределения, а лишь наличием средств производства, рабочих сил и природных ресурсов земли.

Другое менее важное, но все же существенное отличие условий расширенного воспроизводства в эпоху свободы конкуренции от условий воспроизводства при монополистическом капитализме заключается в том, что все более суживаются те области, на которые могла распространяться капиталистическая экспансия. Роза Люксембург поставила вопрос о различии, которое существует для воспроизводства в условиях чистого капитализма и в условиях капитализма, имеющего широкую периферию мелкого производства. Однако вся ее книга, прекрасная в отдельных частностях, выражала скорее предчувствие проблемы, чем давала правильную постановку самого вопроса. Решение же вопроса она давала совершенно неправильное.

Не останавливаясь подробно на этом пункте в данной связи, я хотел бы отметить здесь следующее. Наличие экономических территорий для новых экспансий не разрешает проблемы реализации в том виде, как представляла себе дело Роза Люксембург с ее идеей абсолютного перенакопления. Мелкие производители, втянутые в товарный оборот, в состоянии покупать, потому что они в состоянии продавать капиталистическим странам сырье и

средства потребления. А если они при этом еще накопляют в денежной форме, что совершенно неизбежно в отношении важиточных слоев мелких производителей, то они продают известную часть своей продукции, не покупая. Новые рынки в сферах вновь втягиваемого в капиталистический оборот мелкого производства были важны в другом отношении. Они делали систему капитализма более эластичной со стороны динамики расширенного воспроизводства, прежде всего потому, что временно смягчали диспропорцию, возникавшую внутри капиталистической части мирового хозяйства. Сама по себе торговля с колониями по ее абсолютным размерам, как это много раз было доказано статистикой мировой торговли, играет несравненно более скромную роль, чем обмен между самими капиталистическими странами. Как раз быстрая индустриализация колоний могла бы создать для тяжелой промышленности капиталистических стран такое огромное увеличение спроса на орудия производства, что такая хозяйственная перестройка колоний рассосала бы всю теперешнюю мировую безработицу; она создала бы вероятно дефицит на рабочие руки даже в такой стране, как Англия. Достаточно только продумать перспективы быстрейшей индустриализации таких громадных стран, как Индия и Китай. Но эта проблема не разрешима для капитализма, ее может разрешить лишь социалистический режим после пролетарской революции, потому что пираты монополистического капитализма в погоне за прибылью сегодняшнего дня и в зверином страхе перед перспективой быстрой индустриализации колоний, которые превратились бы в их конкурентов, отрезаны и отчасти сами отрезают себе путь для решения этой проблемы на капиталистических путях. Тем самым они не могут прорваться на более высокую степень воспроизводства, которой сразу же достигнет социалистический режим, когда установит на новых началах, на началах социалистического сотрудничества, хозяйственные связи со всеми отсталыми странами. Частная собственность на средства производства, при монополистической организации производства, создает непреодолимую структурную преграду для этого процесса.

Поэтому, если открытие для развитого капитализма новых территорий играло роль в вопросе реализации, то не по абсолютному значению этих территорий в капиталистической торговле, а потому, что в конечном счете увеличение рынков в колониях позволяло в несравненнобольшем размере увеличивать рынок для капитализма внутри самого капитализма. Переход всего капитализма на следующую ступень расширенного воспроизводства означал увеличение капиталистического спроса на продукцию капиталистических же стран в размерах, в десятки раз превышающих добавочный спрос вновь открытых рынков. Для пояснения этой мысли я позволю себе такое сравнение. Когда человек, с тяжелым грузом на плечах, поднимается по очень большим ступеням, то ему для перехода с одной ступени на другую бывает важно на одну секунду опереться на какой-либо маленький выступ между ступенями. Он не задержится на этом выступе, он прочно обопрется на обе ноги на следующей ступени лестницы, но при самой динамике перехода этот маленький выступ может

играть большую роль, хотя и чисто вспомогательную. Так же обстояло дело с новыми рынками в отсталых странах в эпоху свободы конкуренции. Они были важны не своими размерами, а тем, что облегчали капитализму протаскивание скопившихся производительных сил на следующую ступень расширенного воспроизводства и тем развертывали несравненно более мощный спрос внутри самого капитализма. Тем самым они смягчали то основное структурное противоречие капитализма, которое разрешает капитализму пускать в ход новые производительные силы лишь с милостивого разрешения средней нормы прибыли.

Наоборот, в период монополистического капитализма, когда весь мир уже поделен, все колонии распределены и все сферы влияния закреплены, огромные трестовские объединения могут вырвать друг у друга лишь наличные рынки и сферы импорта капитала. Их бросовый экспорт есть судорожная попытка опереться на минуту на тот выступ, каким являлось в прошлом столетии открытие новых рынков для капитализма. Но бросовый экспорт капиталистических стран в капиталистические же страны или сферы влияния других капиталистических стран означает, что на этот маленький выступ становится несколько ног сразу. В результате никто не может подняться вверху, и весь грузный производственный аппарат монополистического капитализма снова возвращается на ту ступень, с которой хотел подняться. Более того, если бы даже теперь открывались действительно новые рынки, то отрицательное влияние самой монополистической формы капитализма на расширенное воспроизводство так велико, что это слабое облегчение не могло бы серьезно помочь.

* * *

Подводя итоги нашему сравнению классического капитализма с империализмом в вопросе о механизме расширенного воспроизводства, мы приходим к следующему выводу. Погоня за прибылью была столь же интенсивной полвека назад, как и теперь. Но тогда, т. е. в условиях свободы конкуренции, для достижения этой прибыли наиболее мощные капиталистические предприятия были вынуждены сменять оборудование, а тем самым они могли удерживать более низкие цены, которыми они истребляли более отсталые предприятия своих конкурентов. Теперь же, при монополизме то же самое стремление к прибыли заставляет самые крупные трестовские объединения итти по линии наименьшего сопротивления, т. е. сокращать производство при сокращении спроса, не допускать снижения цен, а в случае роста спроса поднимать цены, не прибегая к реконструкции старых предприятий и часто пуская в ход отсталые и законсервированные предприятия. При этом очень часто новые технические изобретения не используются, так как они не выгодны капиталу. Все это создает закупорку для производительных сил, чрезвычайно затрудняет переход во всем мировом хозяйстве к новому циклу расширенного воспроизводства (что не исключает временно такой возможности для отдельных стран, чаще всего за счет других стран), а в итоге монополистический капитализм по самой своей структуре приводит к растущему омертвлению капитала общества и его рабочих сил, подводя к краху капиталистическую систему прежде

всего со стороны экономического фундамента буржуазного общества.

Апологеты капитализма указывали на тот факт, что за последние годы перед кризисом капитализма превысил довоенные размеры производства. Но для экономиста-марксиста имеет основное значение не это абсолютное увеличение производства, еле поспевавшее за ростом населения, а теперь сорванное кризисом, а именно диспропорция между наличными (и еще более потенциальными) производительными силами общества и между той их частью, которая фактически использовывается капиталистической системой. А достаточно так поставить вопрос, чтобы убедиться, что омертвление капитала и рабочих сил общества в годы после мировой войны, и особенно в период настоящего мирового кризиса, достигает таких размеров, каких никогда не достигало соотношение между работающим и резервным оборудованием, между занятыми и между незанятыми рабочими силами в годы самых больших депрессий и кризисов классического капитализма. А это есть как раз внешний показатель того факта, что капитализм вступил в эпоху своего краха, и капиталистическая оболочка трещит под напором тех сил, которые не могут быть использованы буржуазной системой.

Таково фактическое положение вещей. Рабочие массы переживают огромные страдания. Мелкобуржуазные слои населения мечутся из стороны в сторону и, не видя выхода, бросаются от одного шарлатанского рецепта спасения к другому. Сам капиталистический класс с величайшей тревогой смотрит на свое будущее, не зная, что сулит ему завтрашний день. Разочаровавшись в своих экономистах, которые предвещали ему увеличение «просперити» перед самым крахом, он обращается, как некоторые американские буржуа, к гадалкам, чтобы получить от них информацию на счет того, когда кончится кризис. Охваченный горячкой вооружений капитализм бешено готовится к новой империалистической войне, которая заведомо ничего не даст буржуазному обществу, кроме кровавого отсечения одной части капиталистического тела в пользу другой, если только не вызовет спасительной для человечества пролетарской революции.

Все факты современности неопровержимо доказывают, что капитализм идет по пути доведения до крайности всех своих противоречий, доведения до абсурда всех своих отрицательных свойств. Диалектика знает этот тип развития, имеющий свою внутреннюю железную логику. Всеобщая тенденция капиталистических стран к фашизму, как только они выбиваются из состояния некоторого хозяйственного равновесия, а с другой стороны все более сгущающиеся тучи войны показывают, что капитализм будет сходить с исторической сцены, открывая огонь из всех своих орудий истребления и выпуская против своих могильщиков все удушливые газы, которые скопились в результате его долголетнего гниения. Предстоит борьба неслыханной остроты. Самая большая опасность, угрожающая судьбам общества, состоит в возможной затяжке этой борьбы вследствие слабой организации и недостаточной революционной решимости пролетариатов в ряде стран. (История знала примеры гибели двух борющихся классов

ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

из-за равенства сил. Чтобы этого не случилось, авангарду пролетариата необходимо быть на высоте исторических задач наших дней).

Гарантией того, что такой затяжки борьбы не случится, является то, что кора капиталистической системы уже прорвана на территории СССР, и в предстоящих великих боях международный пролетариат сможет опереться на свой отряд, который уже организовался в государстве.

Вот почему поддержка первого пролетарского государства есть первейшая обязанность не только всех пролетариев, но и всех тех, кто не хочет связывать свою судьбу с обанкротившейся системой.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

ГЛАВА ВТОРАЯ

РАСШИРЕННОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО И КРИЗИСЫ ПРИ СВОБОДЕ КОНКУРЕНЦИИ

Общие замечания

Выше мы формулировали положение, что организационная структура монополистического капитализма создает совершенно специфические затруднения для расширенного капиталистического воспроизводства и что стремление к наибольшей прибыли через расширение и удешевление производства заменяется здесь часто стремлением к максимальной прибыли через сокращение производства и сокращение предложения. Это изменение в ситуации настолько серьезно и имеет настолько важные последствия, что его можно формулировать и в более общей форме; монополистическая структура капитализма настолько суживает — или, может быть, верней будет сказать—настолько извращает действие закона стоимости, что этот закон не может уже так регулировать теперь процесс воспроизводства, как он регулировал его в эпоху свободы конкуренции.

Это положение мы сможем лучше всего доказать на теоретической схеме расширенного воспроизводства в условиях свободы конкуренции и при монополизме.

Возьмем какой-либо числовой пример, рисующий схему расширенного воспроизводства при свободе конкуренции, абстрагируясь от связей данного национально-капиталистического хозяйства с мировым рынком. Допустим, что годовое валовое производство равняется по стоимости 15 тыс., с делением капитала и с условиями эксплоатации в духе известных марксовых схем из II тома Капитала. Мы вводим лишь одно очень важное приближение к действительности по сравнению с марксовыми схемами, а именно: пусть основной капитал амортизируется не в течение года, а в течение 10 лет, вследствие чего кроме C малого мы будем различать еще C большое, в то время, как доля амортизируемого основного капитала будет равна одной трети всего восстанавливаемого за год постоянного капитала. Допустим. Тогда наша схема принимает такой вид при делении производства на 1-е и 2-е подразделения:

1. $10\,000\ C\ 6\,000c\ (4\,000c + 2\,000c) + 2\,000v + 2\,000m = 10\,000$
2. $5\,000\ C\ 3\,000c\ (2\,000c + 6\,000c) + 1\,000v + 1\,000m = 5\,000$

При норме эксплоатации в 100% и норме накопления равной половине всей прибавочной стоимости мы будем иметь такую

картину. В течение года в 1-м подразделении работал капитал, (беря основной капитал в сумме его годовой амортизации) в размере 6 000 + 2 000 = 8 000, во втором подразделении 3 000 + 1 000 = 4 000. В общем из 1-го во 2-е прошло в течение года средств производства, равных по стоимости $V + \frac{m}{2}$, т. е. 2 000 + 1 000, а из 2-го подразделения шло в 1-е средств потребления в размере c — II, т. е. в размере 3 000, в сравнении с исходным годом.

Исходный год

I. 6 00 C + 2000 v + 2000 m

II. 3000 C + 1000 v + 1000 m

Второй год

I. 6750 C + 2250 v + 2250 m

II. 3375 C + 125 v + 1125 m

После года работы в таких пропорциях в I-м подразделении накопляется прибавочная стоимость в 1 000, во 2-м в 500. Если норма потребления капиталов будет возрастать в той же пропорции, как распределются все величины, то новый год будет иметь такое расположение капитала и размеры потребления капиталистов:

I. 10 C (6666 C + 2222 v + 1 111 m фонд потребления капиталистов[1].

II. 5 C (3 3 C + 1111 v + 555 m фонд потребления капиталистов.

Таким образом наш пример иллюстрирует равновесие в процессе расширенного воспроизводства, он является идеальным примером даже для наиболее плавного процесса воспроизводства. Правилом же являются постоянные диспропорции, разной степени силы, приводящие то к депрессивным состояниям отдельных отраслей внутри подразделений, то к более серьезным депрессиям, вызванным большими нарушениями пропорциональности между производством средств производства и производством средств потребления, то, наконец, к таким развертываниям производства в обоих подразделениях, когда обнаруживается диспропорция между всем объединенным производством и общим уровнем потребления общества, т. е. разражается общий кризис.

Представим себе, что происходят большие диспропорции того или иного рода, и кризис разражается со стороны производства средств потребления. В нашем примере это может произойти по ряду причин, в том числе и вследствие того, что при строении капитала во II подразделении более низком, чем в первом, и при увеличении V II, равного в нашем примере 1 000 до 1 500 к размену с I подразделением будет предъявлено средств потребления не на 3 333, а больше, допустим, 3 420, как было бы при капитале II, равном 3 000+1 500 V, при той же норме накопления. Впрочем, причины диспропорции в данном случае для нас еще неинтересны.

Теперь предположим, что кризис перепроизводства во II подразделении развертывается в условиях свободы конкуренции. Как будет выходить из него капиталистическая система?

[1] Здесь мы не делаем дальнейшего шага вперед в направлении увеличения амортизации C большого, исходя из предварительного увеличения цифры основного капитала. Пока это нам не важно.

В результате перепроизводства в II это подразделение предъявит к продаже в течение года в первое подразделение 3 420, при наличии платежеспособного спроса I подразделения на средства потребления в размере 3 333. Перепроизводство будет в этом примере не велико, но это не имеет значения. Первой реакцией на этот факт при свободе конкуренции будет сначала увеличение запасов, а потом снижение цен на предметы потребления. Если это снижение будет носить общий характер, то диспропорция будет рассасываться и внутри II и на стыке связи II подразделения с I. При снижении цен, если платежеспособный спрос остается тот же, теперь внутри II будет продано за ту же цену больше товаров в натуральной форме. Точно так же больше их будет продано за те же 3 333 спроса в 1-ое подразделение.

Каков будет теперь результат с точки зрения застопорки всего процесса расширенного воспроизводства?

I подразделение не пострадает, потому что его предложение будет покрыто добавочным спросом из II, его фонд зарплаты сможет купить больше рабочей силы, фонд потребления капиталистов — больше средств потребления. Таким образом депрессия в II будет иметь вначале даже стимулирующее влияние для расширения производства в I. Самое важное, чтоб не произошло снижение темпа вовлечения в производство новых рабочих, труд которых только и создает новую стоимость и увеличивает размеры реального производства в обществе.

Наоборот, в II обнаруживается невозможность увеличить возрастание *C* в таких размерах, какие соответствуют взятому размаху накопления. Это должно застопорить быстроту расширенного воспроизводства в II. Если диспропорция не слишком высока, обанкротятся более слабые предприятия и наличный спрос сумеют покрыть технически более совершенными предприятиями, которые закрепят за собой рынок и в состоянии будут снизить себестоимость производства улучшением техники. Следовательно, количество рабочих сил в II будет занято относительно меньше, или вернее рост числа рабочих пойдет медленней, после того как реализация продуктов, идущих в I подразделение, наткнулась на препятствие. Но количество произведенных продуктов in natura будет больше в сравнении с тем увеличением их, которое должно было бы произойти без изменения цен и в случае развертывания II с самого начала пропорционально схеме I. Подразделение II потеряло некоторую часть капитала, но не в натуре, а в ценностном выражении, причем эта потеря частично была съедена ростом потребления, если только капиталисты во-время не успели снизить зарплату в уровень с падением стоимости жизни. Частью этот капитал переместился в I, которое может, при тех же размерах номинала *V* нанять больше рабочей силы, и все подразделение I получит за те же деньги больше средств потребления.

Таким образом с точки зрения всего общества, итог получается такой. В I подразделении развитие идет нормально, с тенденцией к еще большему увеличению, чем прежде, вследствие стимулирующего перенесения части ценностей за счет II. В II — темп развертывания замедляется и количество рабочих увеличивается медленней, чем это было бы, если взятый разгон накопле-

ния нашел бы свою поддержку в росте рынка I и росте добавочных средств производства, могущих пойти в II. Здесь относительно меньшее количество рабочих производит то же количество товаров, которое нужно произвести по закону пропорциональности производства с I подразделением.

Следовательно, была диспропорция, она привела к перемещению капитала из II в I, к временному увеличению потребления рабочих, к увеличению тенденции роста призводства в I, к уменьшению темпа роста в II, без уменьшения количества товаров in natura, производимых в II, к снижению цен, к гибели старых предприятий и к подъему техники. При этом погибла некоторая часть ценностей, если они имели такую натуральную форму, которая исключает долгое хранение (скоропортящиеся продукты и т. д.). Реальная потеря для хозяйства состоит в неполном использовании рабочих сил II.

Если такая же депрессия развертывается со стороны I, и I подразделение может продать в II только 3 333 средств производства, а произвело оно, допустим, 4 000, то здесь рассасывание этой диспропорции в условиях свободы конкуренции произойдет таким же образом, лишь с теми изменениями, которые вытекают из другого натурального состава продукции I. И здесь начнется падение цен. Для II это падение цен будет иметь еще более стимулирующее значение, в сравнении с тем, какое имело падение цен в II для I в предыдущем примере.

Если теперь подразделение II предъявит платежеспособный спрос на 3 333, т. е. в размерах восстановления и расширения своего постоянного капитала, то при снижении цен на продукты в I, допустим, в размере 5%, II подразделением будет в состоянии купить за ту же сумму на 5% больше средств производства в натуральном виде. А так как при всяком накоплении на постоянный капитал идет больше, чем на переменный, то такое увеличение средств производства II за счет I, не увеличивая потребления рабочих, как в предыдущем случае, целиком может пойти в фонд расширеного производства II. В самом I произойдет также «чистка» предприятий от слабых и часть средств производства, излишних с точки зрения спроса II, пойдет, если натуральная форма товаров это позволяет—на усовершенствованное оборудование в самом I. И здесь дело не обойдется без замедления темпа развертывания, но, при не очень глубокой депрессии, и здесь дело обойдется лишь относительным сокращением рабочих сил в связи с улучшением техники и увеличения удельного веса более крупных и лучше оборудованных предприятий. И здесь дело может не дойти до сокращения роста производства, не в ценностном, конечно, а в натуральном выражении. Так как перераспределение капиталов между подразделениями через инструмент цен не есть потеря с точки зрения общества, потеря того, что теряют отдельные пострадавшие группы капиталистов из I, то реальная потеря и здесь сводится к гибели кое-каких запасов средств производства (например самовозгорание угля и т. д.) и к недостаточному вовлечению в следующем цикле потенциональных рабочих сил подразделения, изготовляющего средства производства.

Так обстоит дело в том случае, когда, в условиях свободы конкуренции, при наличии данного и более или менее правильно складывающегося отношения между всем уровнем производства и между уровнем потребления (спрос которого в его пределах всегда платежеспособный), средства производства и рабочие силы оказываются неправильно, т. е. непропорционально распределенными между двумя основными подразделениями.

Гораздо серьезней бывает потрясение в том случае, когда оказывается нарушенной пропорциональность между всем производством общества и всем общественным потреблением. Нам не интересно в данном случае, почему это может произойти конкретно. Допустим, дело происходит в эпоху большого нового железнодорожного строительства, в период массового периодического обновления основного капитала промышленности после кризиса или же в результате обеих этих причин. Увеличение спроса на продукцию I, выходящие за пределы увеличения спроса II для возмещения *C* и добавочного накопления *C*, приводит к полной нагрузке всего оборудования I, к стимулирующему увеличению цен, что увеличивает ресурсы денежного капитала в I, к увеличению темпа прироста рабочих и частью к увеличению зарплаты. Сильный подъем в I приводит к новому строительству предприятий тяжелой индустрии и кроме расширения оборотной части постоянного капитала быстро увеличивается новый основной капитал I, т. е. *C* большое. Но вновь строящиеся предприятия в период постройки не дают продукции, хотя предъявляют спрос на строительные материалы, увеличивают транспортные перевозки, а добавочные рабочие I предъявляют добавочный спрос на средства потребления, идущие из II. Это резкое увеличение спроса на предметы потребления провоцирует II подразделение к максимальному расширению производства, которое имеет тенденцию приспособиться к настоящему спросу из I, как к спросу постоянному. Но расширение II есть прежде всего расширение спроса II на средства производства, причем и в II начинается сильное увеличение основного капитала. Таким образом второе подразделение, спровоцированное на расширение со стороны I, само провоцирует I на еще дальнейшее расширение. Когда в I начинают работать новые предприятия, то они в состоянии покрыть и весь добавочный спрос на основной капитал, спрос, который вызвал первый подъем, и весь добавочный спрос, идущий из II. Но когда первый добавочный спрос, от которого пошло оживление, удовлетворен, и основной капитал самого I расширен, то производительный аппарат I оказывается больше, чем это необходимо для обслуживания средствами производства возросшего спроса с II. Тогда в I начинается кризис, во время которого происходит сокращение производства, которое разбухло лишь под влиянием временных причин. Тогда и спровоцированное на расширение II оказывается вышедшим за пределы того, что теперь необходимо для I по части средств потребления и притом тогда, когда II расширилось на удовлетворение длительного возрастания спроса на средства потребления. Начинается сокращение спроса на средства потребления как раз тогда, когда II расширилось на удовлетворение длительного возрастания спро-

са на средства потребления. Дважды спровоцированное на расширение I подразделение резко сокращает спрос на продукцию II и кризис перебрасывается в II.

Как будет протекать весь этот процесс в условиях свободы конкуренции?

Прежде всего в I начинается резкое падение цен, после повышения в период подъема, когда это повышение скрывало действительные размеры расширения производства, т. е. ценностная оболочка разбухала далеко за пределы реального увеличения новых средств производства in natura. Этот рост цен, наряду с притоком капиталов из сфер за пределами I, есть та стихийная форма финансирования нового массового строительства и расширения производства, которое свойственно капитализму. Снижение цен при таком большом расширении уже не решает проблемы выхода из кризиса. Второе подразделение получает теперь в ответ на свой урезанный спрос больше средств производства in natura, но в данном случае это не стимулирует закупок, потоу что II подразделение сокращает производство. Если при прежних вздутых ценах оно получало на свой возросший до 4 000 спрос 4 000 единиц средств производства из I, то теперь, когда ему нужно, допустим, только 3 000 единиц, а цены на продукцию I пали на 20%, оно получает эти 3 000 in natura за 2 400 в стоимостном выражении. Падение цен распространяется и на II и первое подразделение получает ту выгоду, что его $V+\frac{m}{2}$ потребует меньше средств в денежной форме. В общем сокращение производства и рост безработицы будут иметь место в обоих подразделениях. Это сокращение занятых рабочих сил есть первая реальная потеря для общества, которое имеет дело с капиталистической системой. Его вторая реальная потеря заключается в том, что часть основного капитала и других средств производства оказывается бездействующей вследствие конвульсивного характера самого процесса расширения, когда оно вызвано сосредоточением новых больших заказов на основной капитал на промежутке короткого срока времени.

Но при свободе конкуренции это спадение вниз всего уровня производства задерживается на определенной стадии одним важным обстоятельством, благодаря которому сжатие производства, растянутое во времени, может не доходить до полного рассасывания всех излишков производственных масс товаров. Как раз сама бешеная конкуренция между капиталистами в погоне за наличным спросом вынуждает наиболее сильные предприятия технически перевооружаться, в то время, как слабые автоматически выходят из строя. Вот это-то перевооружение для удовлетворения сократившегося спроса при низких ценах и создает добавочный рынок в период депрессии и служит причиной перелома в конъюнктуре. Особо важное значение имеет в дальнейшем такая переконструкция в самом I подразделении, откуда и разразился раньше кризис.

После того, как перелом наступил в новой фазе расширенного воспроизводства, в производство органически и навсегда будут втянуты те рабочие, которые на предыдущем этапе были

втянуты только вследствие добавочных заказов на основной капитал, а с другой стороны, в постоянное использование будет втянут тот новый добавочный основной капитал, который был еще излишним несколько лет назад, а теперь прочно используется в средине нормального года расширенного воспроизводства.

Таким образом система свободной конкуренции оказывается очень важным фактором рассасывания кризиса и сокращения периодов особо острой безработицы и особо большой незагрузки вновь созданного основного капитала, хотя, с другой стороны, именно благодаря этому смена циклического оживления депрессиями приобретает столь резко драматический характер.

Для капитализма, раз он уже существует, опасно не это чередование подъемов и кризисов, а опасна застопорка в переходе от кризиса к депрессии, потому что снижение производства само есть величайший фактор длительного сужения рынка, если в системе нет достаточно сильных стимулов к тому, чтобы вырваться из депрессии на основе свободного действия закона стоимости. Снижение цен и быстрый технический прогресс, безжалостно душащий все отсталые предприятия, и есть тот механизм, который облегчает подготовку нового подъема на основе заказов на новый основной капитал.

В том произвольном числовом примере, которым мы оперировали в нашей исходной схеме воспроизводства, мы не осветили проблему расширения основного капитала в цифровом выражении. Теперь это необходимо сделать. При анализе рассматриваемых нами явлений нельзя уже остаться в пределах марксовых схем II тома Капитала, потому что Маркс там еще элиминировал проблему циклического воссоздания основного капитала, а тем более создание нового основного капитала, когда весь процесс такого создания уложен в сравнительно краткие периоды времени. Приняв для упрощения предпосылку, что весь основной капитал амортизуется и восстанавливается в течение года, Маркс тем самым оставил этот вопрос для дальнейшего исследования, а вместе с тем оставил в стороне и вопрос о влиянии на развитие воспроизводственного процесса изменений в органическом составе капитала. Впрочем, в других местах Маркс ставил этот вопрос и ему же принадлежит заслуга формулирования положения о том, что периодичность капиталистических кризисов объясняется неравномерным распределением во времени воспроизводства основного капитала. Подробней об этом будет говориться ниже.

В нашей исходной схеме для первого подразделения новый годовой цикл начнется с увеличением с 1 до 666. Эта сумма может состоять, с одной стороны, в расширенном воспроизводстве сырья и топлива, но также может означать и известное увеличение основного капитала, т. е. часть этой суммы пойдет на увеличение *C* большого, в амортизацию же вступит в следующем цикле. Но такое плавное возрастание основного капитала не свойственно капиталистической системе. Предположим, I подразделение

получило большие железнодорожные заказы и вместе с тем вынуждено в быстрый срок увеличить на 10% весь свой основной капитал. Тогда, с точки зрения равновесия I подразделения со II, создается совсем новая ситуация, ситуация совершенно специфическая и притом временная. Как может решить эту проблему I подразделение с технической, экономической и финансовой точки зрения? Где оно найдет ресурсы для такого резкого увеличения производства?

Если оставаться на базе марксовых схем, рисующих процесс более или менее планового увеличения переменного капитала, без выделения основного капитала, на этот вопрос нельзя найти ответа.

В этом случае прежде всего надо исходить из наличия в реальном капитализме значительных резервов основного капитала, сырья и т. д. Эти резервы служат очень важным рессорами всего движения. И этот пункт не мог быть отражен схемами Маркса на той стадии его анализа, на котором он оставил проблему. Между тем использование полностью резервов позволяет часто обойтись лишь увеличением оборотного капитала[1]. В финансовом отношении, как мы сказали, проблема решается притоком новых капиталов в денежной форме и увеличением цен за продукцию I, что вместе с тем позволяет мобилизовать и все резервы оборотного капитала в их натуральной форме. Наконец добавочный капитал в денежной форме был нужен для увеличения V, при необходимости реализовать его в форме средств производства путем размена на с II, которое также быстро расширяет производство.

Допустим, теперь V возрастает в обоих подразделениях за два года такой горячки подъема до 3 560 вместо 2 222, и прибавочная стоимость за эти два года равна 6 500. За вычетом фонда потребления капиталистов остальная прибавочная стоимость идет на увеличение оборотного капитала в том размере, как это требуется взятыми темпами воспроизводства, а 2 млрд. составляют приращение основного капитала. Вот это-то приращение основного капитала, вот эта-то постройка новых фабрик и нового оборудования составляет новый огромный «рынок» для вложений в I подразделение, но так как этот новый капитал не действует, он хотя и увеличивает по стоимости $10C$ до $12C$ однако это еще не может отразиться на увеличении продукции I в соответствующей пропорции, в то время, как добавочные рабочие I уже потребляют гораздо больше, так же как и капиталисты, а II подразделение уже расширилось применительно к этому вздутому лишь временно спросу. В то же время I подразделение, часто до пуска в ход нового основного капитала, наличными силами, т. е. мобилизацией прежде всего резервов старого основного капитала, уже удовлетворяет возрастающий спрос расширившегося II. Когда строительство добавочного ос-

[1] Значение этого обстоятельства читатель может понять из аналогии этого процесса с нашим восстановительным периодом, когда осваивался еще не загруженный основной капитал, увеличение накоплений шло прежде всего на возрастание оборотного капитала, и продукция быстро расширялась при сравнительно скромных накоплениях.

новного капитала в I заканчивается, новые предприятия дают огромное увеличение продукции, в то время как строительство уже не занимает рабочих и спрос их сокращается. В результате при огромном росте предложения для увеличения С II само II подразделение не может разместить даже того, что является продуктом предыдущего расширения. Разражается кризис, который означает переход от того специфического временного равновесия, которое создалось под влиянием усиленного строительства в I, и заканчивается созданием новых предприятий в I,— к более плавному процессу производства, когда осваивается вновь созданный основной капитал и все пропорции временно строятся по-иному, вплоть до нового подъема и новой горячки.

При этом, если все это происходит в условиях свободы конкуренции, то смягчение кризиса достигается новым увеличением заказов на основной капитал и I и II, но теперь это обновление основного капитала носит другой характер. Здесь происходит смена старой техники на новую более сильными предприятиями, которые убивают конкурентов и приспосабливаются к снижению цен. Известную роль в создании перелома как раз в наиболее острый момент играет и спрос золотопромышленности на основной капитал. Это — единственная область, которая не страдает, а выигрывает от общего кризиса. Она обновляет основной капитал при самых дешевых ценах, не имеет никакого кризиса сбыта, потому что производит то, чего все добиваются, и имеет твердую «монетную цену» золота, т. е. твердое весовое отношение золота к той или иной монетной системе [1].

Таким образом именно стремление к прибыли приводит при свободе конкуренции в эпоху депрессии к улучшению техники, что превращается в свою очередь в сильный рычаг ослабления кризиса и облегчает сжавшемуся производственному аппарату снова начать циклическое движение в сторону расширения.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДЕПРЕССИИ И КРИЗИСЫ ПРИ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОМ КАПИТАЛИЗМЕ

Монополия и конкуренция

Проанализируем теперь проблему в условиях существования монополистического капитализма. Мы должны исходить здесь из того, что ближайшим и самым непосредственным стимулом как к расширению, так и к сжатию производства является стремление к максимальной прибыли.

Мы рассмотрим так же, как и в предыдущем исследовании, положение вещей при сравнительно умеренной диспропорции в хозяйстве, при более глубокой депрессии, когда имеется значительное несоответствие между первым и вторым подразделениями, наконец, ситуацию при глубоком общем кризисе, когда

[1] В своих статьях «Изменение стоимости золота и товарные цены» я подробно показал, что депрессия и подъемы в золотопромышленности происходят в моменты, противоположные во времени кризисам и подъемам остальных отраслей хозяйства («Проблемы экономики», № 1 и 2, 1930 г.).

несоответствие развертывается между всеми областями производства и размерами общественного потребления.

Но быть может не очень глубокие диспропорции, которыми так богат был период хронически-партизанского продвижения вперед капитализма в эпоху свободной конкуренции—быть может такие диспропорции вообще несвойственны монополистическому капитализму ввиду его большой «организованности»?

На этот вопрос приходится отвечать так же, как ответил Ленин по поводу рассуждений о «преодолении» кризисов монополистическим объединением капитала. Ленин писал: «Устранение кризисов картелями есть сказка буржуазных экономистов, оправдывающих капитализм во что бы то ни стало. Напротив, монополия, создавшаяся в некоторых отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству в целом...»[1].

Эти слова Ленина могут быть приложены и к не особенно глубоким диспропорциям, о которых пока идет речь. Монополистические объединения не могут регулировать спроса, хотя они сами же являются частично и представителями спроса, как это имеет место при вертикальных трестовских объединениях. Они лучше способны учитывать спрос по ряду причин, особенно, если и поставщики и заказчики контролируются одним и тем же банковским концерном. Тем не менее область спроса, резюмирующего в большинстве случаев как раз состояние целого (которое как раз и не поддается монополистическому контролю), особенно при усилении бешеной борьбы конкурирующих трестов, держащих втайне свои стратегические ходы, также приносит много неожиданностей и при монополистическом капитализме. Если со времени установления бесспорного господства монополий в важнейших капиталистических странах, т. е. с начала XX в., история капитализма насчитывает уже несколько общих кризисов (1899—1902 гг., 1907 г., оборванный войной кризис, начавшийся в 1913—1914 г., послевоенный кризис 1920—1921 гг. и глубочайший кризис 1929—1930 гг.), то депрессивных колебаний как глубоких, так и менее значительных было значительно больше в ряде стран.

Допустим, мы имеем дело с неособенно глубокой диспропорцией при монополизме, выражающейся в прекращении спроса на продукцию тяжелой промышленности, где монополистические тенденции развертываются исторически, раньше и глубже, чем в остальных отраслях производства. Как реагируют тресты на эту диспропорцию? Они реагируют на нее сокращением предложения, а затем и сокращением производства, стремясь удержать прежние цены. Следовательно, на стороне производителей мы сразу же сталкиваемся с уменьшением использования рабочей силы и использования оборудования, т. е. сразу сталкиваемся с усилением закупорки производительных сил, этой главной язвой монополизма, главным выражением его тенденций к загниванию. Если предъявителями спроса являются преимущественно отрасли, охваченные монополистическими объединениями, то они не

[1] Ленин, «Империализм...» и т. д., Собрание соч., т. XII, Москва, Гиз. 1924 г., стр. 256.

получают никакого стимула к использованию той же суммы покупательной способности для приобретения больше средств производства in natura, как это имело место при свободе конкуренции, но будут еще более сокращать спрос, в надежде на перелом конъюнктуры.

Здесь создается положение, существенно отличное от периода свободы конкуренции. Снижение спроса на продукцию тяжелой промышленности вызывало падение цен, вследствие чего, наиболее сильные предприятия, представляющие спрос, старались приобрести за ту же сумму покупательной способности больше средств производства, предъявляемых тяжелой промышленностью. Вследствие этого дело заканчивалось чаще всего не сокращением производства в тяжелой промышленности, а лишь снижением цен, попытками расширить рынок этим путем и преодолеть диспропорцию. С точки зрения всего общественного производства преодоление диспропорции достигалось не замораживанием части средств производства и рабочих сил общества, а перенесением капитала из одной части хозяйства в другую через инструмент цен. Наоборот, при монополизме для борьбы с такой утечкой капитала в другие отрасли в первую голову замораживается часть производственных сил, т. е. монополия выступает как фактор загнивания всего хозяйства, как фактор, задерживающий переход к расширенному воспроизводству. Монополия концентрирует свои усилия на пункте присвоения прибавочной стоимости и суживает проходы, ведущие к ее расширенному созданию на базе расширенного воспроизводства во всем хозяйственном организме. Никогда еще общественный характер производства не поднимался с такой силой на дыбы против частного характера присвоения, распоряжения средствами производства и распоряжения новыми капиталами общества, как это имеет место при монополистическом капитализме.

Возьмем теперь другой случай увеличения спроса, не предусмотренного «производственными планами» монополии. И в этом случае, являющемся самой благоприятной ситуацией для расширенного воспроизводства, монополистический капитализм переносит центр тяжести на «присвоение», или, точнее говоря, имеет больше возможностей переносить центр тяжести на присвоение в сравнении с капитализмом эпохи свободной конкуренции. Это сводит к минимуму положительное действие такой ситуации для расширенного воспроизводства во всем хозяйстве. Рост спроса в первую голову вызывает рост цен и затем стремление покрыть спрос использованием как технически мощных действующих предприятий, так и отсталых и законсервированных. И здесь отличие от положения при свободе конкуренции очень большое, и опять-таки к невыгоде для всего хозяйства, в данном случае с точки зрения возможности пробиться на более высокую ступень развертывания производства для всех отраслей. При свободе конкуренции в аналогичных условиях производители также поднимают цены. Но, во-первых, этот подъем умерялся конкуренцией

а самое главное: он нес с собой основание новых, технически совершенных предприятий, увеличение предложений, падение цен и закрытие отсталых предприятий.

Таким образом монополизм сплошь да рядом открывает отсталые предприятия, когда свобода конкуренции их закрывает.

Он удерживает высокие цены, когда свобода конкуренции снижает их после периода подъема цен.

Это удержание высоких цен тормозит развертывание производства в тех отраслях, откуда пошел добавочный спрос. Если он идет из легкой промышленности, то тормозит расширение С II, идет за ту же покупательную способность меньше средств производства в натуральном выражении и тем самым не дает развиться оживлению в подъем.

Самое главное состоит в том, что монополистические объединения подразделения I, если увеличение спроса идет со стороны II подразделения, пуская в ход отставшие предприятия и не давая возникнуть новым предприятиям, создающимся при такой ситуации в эпоху свободы конкуренции в сфере производства средств производства, закрывают возможность втащить всю производственную цепь на более высокую ступень.

Для иллюстрации этого очень важного положения возьмем наш прежний пример из приведенной выше схемы. Допустим, что II подразделение предъявляет спрос на С не в размере 3 333, а в размере 4 000. При свободе конкуренции I подразделение пытается удовлетворить этот спрос использованием наличного оборудования, оно также загружает и отсталые предприятия, оно также повышает цены. В этой стадии нет разницы с методами монополизма. Но одновременно здесь начинается новое производство, начинают строиться новые предприятия, которые предъявляют добавочный спрос на средства потребления, втягивают на дальнейшее развертывание II, толкают его к расширению основного капитала и тем подводят базу добавочного спроса на продукцию I, в том числе на продукцию новых предприятий I, и в дальнейшем облегчают переоборудование II, снижая цены на средства производства. Все это может закончиться общим кризисом. Но плюс такого типа движения для общества заключается в том, что два—три года идет лихорадочная работа на полную мощность наличного оборудования, при использовании всей резервной армии, или при увеличении общих кадров работающего пролетариата. Вся капиталистическая система выходит из этой полосы с возросшим основным капиталом в обоих подразделениях, хотя бы на некоторое время это увеличение и оказалось излишним. Зато на следующем этапе капиталистическая система в состоянии вкладывать больше новых накоплений в оборотный капитал, т. е. она больше осваивает раньше созданный основной капитал, чем строит новый, вследствие чего она в состоянии быстрей пробежать путь до нового резкого циклического развертывания.

При монополизме развитие оживления в подъеме более затруднено. Оно затруднено, во-первых, огромной концентрацией производства, что связано не только с экономическими, но и

чисто техническими причинами. Постройка гиганта черной металлургии на 1 миллион тонн металла затруднительна экономически прежде всего потому, что размеры предприятия и затраты на него диктуются самой техникой. Здесь требуется большая концентрация капитала, даже независимо от каких бы то ни было монополистических объединений капиталистов в данной отрасли. Но, с другой стороны, не менее важное значение имеет мощь этих объединений, которые умеют душить попытки нового предпринимательства даже до рождения. Отсюда тенденция обойтись наличным оборудованием, использовать старые, законсервированные предприятия и только в крайнем случае начать реконструкцию и новое строительство.

Правда, в этот период цикла как-будто бы создается ситуация, когда монополистический капитализм лучше, полней, экономней использует наличные средства производства, в то время как при свободе конкуренции он был расточительней. Однако это глубочайшая иллюзия и коренится она в недостаточном понимании того, что самое главное зло капитализма состоит не столько в расточительном обращнии со средствами прозводства сколько в расточительном обращении с самой важной производительной силой,— с рабочей силой общества. Недоиспользование имеющихся рабочих сил—вот где главное расточительство капитализма. Все более растущая неспособность его втянуть «избыточные» десятки миллионов рабочих сил в производственный процесс и расширить рынок для продукции авансовым расширением производства,—вот где ахиллесова пята капитализма, противоречие, которое при монополизме как раз вырастает до чудовищных размеров. Сберегая на использовании старого оборудования сотни миллионов, монополистический капитализм не дает произвести на десятки миллиардов нового оборудования и новых масс средств потребления, которые могли бы быть созданы десятками миллионов неиспользованных рабочих рук в мировом хозяйстве, вынужденных влачить жалкое, полуголодное существование безработных и нищих. При свободе конкуренции рабочие силы промышленности, более малочисленные в количественном отношении, использовались, однако, относительно интенсивней. Вся статистика капитализма за последие 50 лет подтверждает этот факт с полной очевидностью. Что в сравнении с этим замораживанием рабочей силы расточительность на оборудовании эпохи свободной конкуренции?

Было бы нелепо делать отсюда вывод, что классический капитализм был более прогрессивной формой капитализма, чем империализм. Как уже указал Ленин, эпоха свободы конкуренции сама породила, сама перешла в монополистический капитализм, как более высокую форму капитализма. Но бесспорно то, что при свободе конкуренции наличные, т. е. тогдашние производительные силы использовались полней, закупорки их (вообще неизбежные при товарно-капиталистической форме производства) допускали больше возможностей прорыва к расширенному воспроизводству, данные технического прогресса использовывались относительно быстрей, положение рабочего класса, по край-

ней мере передовых капиталистических стран, могло относительно улучшаться.

Прежде, чем пойти дальше, необходимо сказать несколько слов о соотношении между конкуренцией и монополией, прежде всего с общетеоретической точки зрения.

В своей работе «Империализм, как новейший этап капитализма», Ленин, хотя и говорит о том, что монополии «играют решающую роль в хозяйственной жизни», что «конкуренция превращается в монополию», что товарное производство «на деле уже подорвано» и т. д., однако он с полной определенностью подчеркивает и другой факт, а именно: несмотря на огромное усиление монополистических тенденций конкуренция не уничтожается и не может быть уничтожена, что она существует наряду с монополией. Ленин писал: «И в то же время монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крупных противоречий, трений, конфликтов» (Ленин, Полн. собр., т. XIII, 1-е изд., стр. 305, Гиз 1923 г.). В этих утверждениях не только нет противоречий, но наоборот они являются плодом основательно продуманного и глубоко верного понимания империализма как неоднородной и весьма противоречивой хозяйственной системы.

Нам необходимо ответить на следующие четыре вопроса:

1. Почему монополизм не уничтожает конкуренции и не может ее уничтожить? 2. Почему монополии, которые как-будто с первого взгляда означают «организацию» по крайней мере части рынка, в действительности не уменьшают, а наоборот, увеличивают дезорганизацию хозяйственной жизни капитализма? 3. Почему монополизм ведет не к ультраимпериализму, т. е. к смягчению противоречий и хаоса путем централизации руководства хозяйством на капиталистической основе, а ведет через обострение противоречий к социалистическому плану, т. е., прежде всего, к пролетарской революции? 4. Какое влияние оказывает это существование монополии и конкуренции на воспроизводственный процесс при империализме и на изменение характера капиталистических кризисов?

Монополия не может уничтожить конкуренции потому, что монополия не уничтожает основного: частной собственности на средства производства, рынка и борьбы за максимальную долю прибыли. Если ослабляются позиции «аутсайдеров» в национальном производстве и в их конкурентной борьбе с монополистическими объединениями, то усиливается конкуренция трестов между собой, принимая формы борьбы не только на рынке сбыта данной продукции, но и во всех других проявлениях экономической жизни, прежде всего на денежном рынке, в области всех видов кредита, в борьбе за перераспределение нового капитала общества и т. д. Сила конкуренции измеряется не процентом участия аутсайдеров в национальном и мировом производстве и не одной только острой конкурентной борьбой между монополистическими трестами, но и постоянной возможностью конкуренции, вытекающей из частной собственности на средства производства и из господства разных групп капиталистов над но-

вым капиталом общества. Конкуренция в широком смысле этого слова не исчезает при монополии: изменяются лишь ее формы. Империализм калечит свободу конкуренции, но не убивает ее, он «подрывает» товарное хозяйство, но не порывает с ним и не может порвать по самой природе капитализма.

Монополизм обостряет противоречия капитализма как в экономической области, так и в области политической. О противоречиях империализма, как социальной системы, мы будем говорить в других частях нашей работы. Экономические же противоречия и экономическая дезорганизация хозяйственной жизни при империализме дают себя знать гораздо острее, чем при свободе конкуренции по следующим основным причинам.

Классический капитализм, если не говорить о существовании докапиталистических форм рядом с ним, означал известную однородность и однотипность в системе производственных отношений и однородность регулирования хозяйственных процессов. Бесплановость и анархия в производстве и сбыте, большие и малые диспропорции и периодические кризисы — все это было фактом, но свобода конкуренции была вместе с тем и базой для свободного и развернутого проявления закона стоимости как регулятора всей хозяйственной жизни. Анархия производства классического капитализма несла с собой и начало, борющееся с отрицательными последствиями этой анархии. Все отношения приспособлялись именно к такой структуре. Анархия и бесплановость в производстве и распределении, циклические подъемы и кризисы, как внешняя форма движения, закон ценности, как регулятор хозяйственной жизни, развертывавший как свои отрицательные, так и положительные свойства на базе свободы конкуренции.

Что нового вносит сюда монополизм?

Он означает более точное знание рынка и лучшее приспособление к вопросу на данный отрезок времени. Но вместе с тем это знание лишь усиливает тенденции к сокращению производства, потому что ликвидирует то авансовое расширение на неизвестный спрос, которое было так характерно для эпохи свободы конкуренции и было столь важным стимулом к расширенному воспроизводству. На хозяйственных трупах просчитавшихся и разорившихся предпринимателей вся капиталистическая система в целом, однако, развивала свое производство быстрей, потому что все развертывали производство на рынок неизвестной мощности, и тем самым создавали этот добавочные рынок и увеличивали его емкость. Такая бесплановость была нужна капитализму, она составляла форму движения всего механизма расширенного воспроизводства. И вот этот-то механизм попорчен монополизмом, который, лучше учитывая спрос и лучше приспособляя к нему предложение на отдельных участках, но не доведя дело до планового производства для непосредственного удовлетворения потребностей общества, лишь ограничивает размеры производства, создает закупорку в экономическом развитии общества и обостряет противоречие между наличными размерами производительных сил и их использованием. Получается лишь

увеличение дезорганизации целого и замедление темпов экономического развития.

С другой стороны, ограничивая свободу конкуренции, уродуя ее и калеча, монополизм калечит и уродует регулятор товарного хозяйства, в то же время будучи бессилен заменить его плановым началом, вследствие чего вся система оказывается в состоянии растущей дезорганизации. В итоге—в системе оказываются подорванными и стимулы к быстрому расширенному воспроизводству, и к возможности стихийного саморегулирования, как они сложились в эпоху свободы конкуренции. Социалистический план поднимает хозяйство и его темпы на невиданную высоту, в то время, как «капиталистический план», преследующий цель ограбления потребителей, только усиливает общую анархию капиталистического хозяйства. В этом именно смысле и надо понимать положение Ленина о том, что при империализме конкуренция существует рядом с монополией и это сожительство не уменьшает, а «усиливает и обостряет хаотичность, свойственную в с е м у капиталистическому производству в целом».

В этом заключается основное структурное противоречие экономики империализма как такового. К общекапиталистическим противоречиям, так сказать, к родовым противоречиям всякого капитализма, как производства на рынок ради прибавочной стоимости, прибавляется еще и это противоречие империалистической фазы развития капитализма, вследствие чего все родовые противоречия капитализма оказались возведенными в квадрат.

Поэтому, если о классическом капитализме со всеми его противоречиями, в том числе и с противоречием между трудом и капиталом, можно условно говорить, как о единстве противоположностей, то при империализме это единство все больше превращается в то «единство», которое существует между тем, кто восстает, и тем, кто подавляет восстание. Единство противоположностей на определенной стадии развертывания и обострения противоречий взрывается, и этот переход как раз и характерен для переживаемого теперь миром периода войн и пролетарских революций.

Что касается возможности перехода империализма в сверхимпериализм, то такой переход невозможен как раз по той же самой причине, по какой невозможна полная ликвидация конкуренции, именно вследствие сохранения капитализмом основных его черт, сохранение того, что является в нем самым существенным, т. е. частной собственности на средства производства, частного присвоения прибавочной стоимости и борьбы за максимальную прибыль. Борьба отдельных капиталистических товаропроизводителей и их объединений остается, как правило, соглашения же и экономические перемирия являются лишь определенными состояниями борьбы, которые закрепляют на время данное соотношение сил, которое никогда не остается неизменным. Концентрация капиталистической собственности и право распоряжаться капиталом общества в немногих руках, в руках немногочисленных банд крупных капиталистов, лишь централизует силы противников на поле сражения, а не ликвидирует са-

мого сражения. Так, в современной войне увеличение численности армий, концентрация командования, огромное увеличение мощи орудий истребления и перенесения «индустриализированных» методов истребления с регулярных армий на мирное население не делает войну невозможной, а делает ее лишь более опустошительной и кровавой. Искажение экономических последствий конкуренции, при невозможности ее ликвидировать, искажение закона стоимости как регулятора, при невозможности заменить его планом, составляет самое характерное в экономической структуре империализма. Это обстоятельство оказывает существеннейшее влияние также и на воспроизводственный процесс при империализме, изменяя характер хозяйственного цикла при монополизме в сравнении с периодом свободы конкуренции. Как раз из существования монополии и конкуренции рядом друг с другом я объясняю отчасти столь быстрое накопление избыточного основного капитала при империализме—факт, имеющий столь важное значение для деформации цикла при империализме и для изменения характера капиталистических кризисов. Дальнейшее изложение будет посвящено более подробному освещению этого вопроса.

Но здесь мы наталкиваемся на такие вопросы. Если главное зло монополизма состоит в накоплении неиспользованного оборудования, в омертвлении основного капитала, то не является ли противоречием видеть второе зло монополизма в том, что он затрудняет развертывание воспроизводства на основе увеличения строительства основного капитала? Зачем нужен производственной системе этот новый основной капитал, если растущий процент уже имеющегося основного капитала не используется?

Это кажущееся противоречие разрешается следующим образом. Если б монополизм накоплял избыточный основной капитал при полном использовании рабочих сил общества, тогда усиление темпа строительства нового капитала было бы бессмысленно и еще больше увеличивало бы омертвление капитала. Но в том-то и дело, что монополизм накопляет избыточный основной капитал, увеличивая процент неиспользованной рабочей силы, при ничтожном удовлетворении потребительных нужд широких народных масс. Капитализм удовлетворяет только «платежеспособный» спрос. Размеры же этого спроса он сам ограничивает, во-первых, закупоркой процесса расширения воспроизводства, вследствие чего десятки миллионов незанятых рабочих не получают заработной платы. Во-вторых, он ограничивает его вследствие приостановки роста заработной платы даже в таких скромных размерах, как это наблюдалось в эпоху классического капитализма. Ниже мы еще вернемся к этому исключительно важному пункту и покажем, как огромный рост концентрированной политической силы капитала периода монополизма в условиях задержки развития производительных сил, превращается в добавочный фактор закупорки экономического развития.

Продолжая анализ рассматриваемой проблемы, мы должны поставить еще и такой вопрос. Является ли факт увеличения неиспользованного основного капитала и неиспользованных рабочих в период монополистического капитализма, особенно в после-

военный период, является ли этот факт явлением конъюнктурного порядка или же он внутренно связан с самой структурой монополистического капитализма? Еще отчетливей этот вопрос можно формулировать так. Если монополистический капитализм систематически накопляет неиспользованные резервы рабочей силы, не будучи в состоянии разрешить проблему расширенного воспроизводства, то вследствие какой экономической необходимости он накопляет избыточный основной капитал?

Мы отвечаем на вопрос так.

Сущность монополистического капитализма состоит в ограничении и возможном подавлении свободы конкуренции в той или иной отрасли производства, захватываемой монополистическими тенденциями. Но так как монополизм не может ликвидировать, вообще говоря, свободу конкуренции, как в свое время отметил Ленин в своем «Империализме», и так как он не может ликвидировать и циклических колебаний в ходе капиталистического воспроизводства, то каждая отрасль производства и при монополизме переживает то расширение, то сжатие спроса на продукцию. В эпоху свободы конкуренции циклическое повышение спроса на продукцию приводило, во-первых, к увеличению загрузки существующих предприятий, к использованию резервов основного капитала и запасов сырья в данной стране, а при более длительном и интенсивном росте спроса, особенно в периоды общепромышленного подъема, к возникновению новых предприятий. Мы уже указывали выше, какое важное значение имеет такой тип движения вперед для разрешения проблемы расширенного воспроизводства в эпоху свободы конкуренции.

Наоборот, монополизм, по самой своей природе, стремится к тому, чтобы циклическое расширение спроса целиком покрывалось увеличением продукции существующих монополистических объединений. Эти объединения стремятся не допустить возникновение новых конкурирующих предприятий в периоды оживления спроса. Но для этого они должны иметь такие резервы основного капитала, чтобы всегда быть в состоянии целиком покрыть возросший спрос, откуда бы он ни исходил и в каком бы объеме ни предъявлялся.

Иначе резкое возрастание спроса, выходящее за пределы производственной мощи треста, не только будет лить воду на мельницу не входящих в трест и конкурирующих с ним предприятий, но и может вызвать необходимость увеличения импорта, т. е. пойдет в пользу конкурирующих трестов других стран. Если тресты разных стран имеют соглашение о дележе рынка, как, например, обстоит дело со Стальным трестом на континенте Европы, то и здесь при быстром росте спроса, больше всего выиграли бы по части увеличения своей квоты тресты с максимальными резервами основного капитала. Создавать новый основной капитал после того, как рост спроса начался, было бы уже поздно даже при теперешних быстрых темпах строительства.

Отсюда ясно, что огромное увеличение резервов основного капитала и, следовательно, неизбежно с этим связанная растрата человеческого труда имманентно вытекает из самой структуры

монополистического капитализма. Если проблема рынка, проблема реализации является основным лимитом для капиталистического производства вообще по самой его структуре, то при монополизме, в обстановке задержанного развития или прямой приостановки развития, этот лимит суживается до крайних пределов.

Отсюда — поджидание возможного роста спроса с огромными резервами основного капитала. Монополистический капитализм не имеет лимита в основном капитале. Наличный основной капитал мира был бы, вероятно, совершенно недостаточен для расширенного социалистического воспроизводства в мировом хозяйстве, и не только был бы использован полностью, но и потребовал бы значительного расширения даже в первые годы социалистического режима. Но для капитализма, с его закупоркой расширенного воспроизводства, здесь не требуется никакой экономии, и основной капитал всегда находится в огромном избытке. Точно так же современный капитализм не знает лимита и со стороны рабочей силы. Отсюда его расточительность в этом направлении и в то же время бешеная борьба за каждый доллар платежеспособного спроса. Чем уже этот проход, тем ожесточенней борьба у этого перехода между конкурентами и тем дороже она стоит для всей системы.

Отмеченная нами внутренняя зависимость между накоплением огромных резервов основного капитала и самым существом монополизма имеет очень важное значение для понимания не только процесса расширенного воспроизводства при монополизме, но и характера хозяйственных кризисов при монополизме.

Прежде, чем перейти к дальнейшему изложению, я хотел бы ликвидировать одно возможное недоразумение. Я отнюдь не думаю, что огромные резервы основного капитала в современной, т. е. послевоенной тяжелой промышленности капиталистических стран, образовались только вследствие отмеченной нами тенденции. Я не отрицаю того факта, что мировая война, вследствие напряженной работы на рынок человеческого истребления, вызвала резкое увеличение аппарата тяжелой промышленности. Но это был лишь новый мощный добавочный фактор к той тенденции, которая определилась вполне еще до мировой войны и которая не связана с войной. Еслиб капитализм после войны развертывал расширенное воспроизводство темпами эпохи свободной конкуренции, этот избыточный основной капитал был бы освоен очень быстро. Если этого не случилось, то это лишний раз подтверждает наличие другого фактора, действующего в направлении накопления избыточного капитала [1].

Каким же образом наличие установленной нами тенденции при монополизме должно действовать на изменение характера кризисов в эпоху монополизма.

---

[1] В этом пункте, как и в некоторых других, я не вполне согласен с т. Спектатором (см. испр. Основные проблемы мирового хозяйства, стр. 172 и др.), потому что накопление излишков основного капитала он связывает только с войной. На протяжении моей книги о послевоенном монополистическом капитализме я должен буду предъявить коекакой счет по разным вопросам. Однако, я считаю долгом отметить очень важную за-

Оставаясь в сфере чисто теоретического анализа и пока еще не привлекая к рассмотрению другое важное обстоятельство, а именно приостановку или резкое замедление в росте переменного капитала, мы должны констатировать следующее.

Если вследствие тех или иных причин монополистический капитализм входит в полосу промышленного оживления, то растущий спрос он продолжительное время в состоянии покрывать, используя ресурсы уже имеющегося производственного аппарата. Вследствие этого оживления не может развернуться во всеобщий промышленный подъем. По этой причине уровень использования наличных производительных сил, при тех же размерах роста спроса, что и при свободе конкуренции, всегда остается на более низкой ступени.

Другая, крайне интересная особенность кризисов при монополизме должна заключаться в смещении момента развертывания кризисов.

В самом деле. Мы видели уже в общих чертах типичную схему нарастания и разрешения общего кризиса при свободе конкуренции. Толчок к подъему исходит из сосредоточения на небольшом сравнительно промежутке времени больших заказов на основной капитал. Первое подразделение работает с исключительным напряжением, оно не в состоянии покрыть спроса на основной капитал наличными предприятиями и, одновременно с более напряженным использованием наличного оборудования тяжелой промышленности, оно проводит широкое строительство новых предприятий. От этого спрос на средства потребления, идущие из второго подразделения, особенно обостряется, а все это провоцирует и II на расширение своего основного капитала, несмотря на рост цен на элементы основного капитала, что, разумеется, ослабляет эту тенденцию. Увеличение спроса на основной капитал для самого I, превращается в увеличение спроса на основной капитал и для II. Кризис разражается, когда начинают работать новые предприятия I, изготовляющие основной капитал. Взбухший портфель заказов оказывается выполненным, в то время, как I и II подразделения расширились так, как если-б этот временный спрос в таком исключительно большом объеме был постоянным.

Наоборот, при монополистическом капитализме весь этот процесс должен протекать иначе. Допустим, что при монополизме резервы с основного капитала «нормально» имеются в размере 30%, вместо «нормальных» резервов основного капитала при свободе конкуренции, равных 15%. Если добавочный спрос на основной капитал, лежащий в основе подъема, может быть покрыт при доведении резервного оборудования до 10%, вместо нормальных 30%, или даже до полного его использования, то для монополистических трестов тяжелой промышленности дело

слугу т. Спектатора, состоящую в том, что он в числе немногих экономистов, подчеркивал исключительно важную роль процесса воспроизводства основного капитала как для теории воспроизводства, так и для теории кризисов. Беда его заключается в недостатке терпения для теоретического анализа, вследствие чего, даже при постановке чисто теоретических проблем, он остается преимущественно эмпириком.

может обойтись без нового строительства, особенно, если есть возможность пустить в ход ряд усовершенствований, не требующих много времени для их реализации. Но монополистические тресты, по самой природе монополизма, должны иметь большой резерв основного капитала. Поэтому увеличение основного капитала самой тяжелой промышленности развертывается уже главным образом на второй стадии всего процесса, когда первая волна возросшего спроса на основной капитал уже схлынула. Кризис разражается не в этот момент, а значительно позже, потому что увеличение основного капитала самой тяжелой промышленности оказывается тем новым добавочным рынком для тяжелой промышленности, спрос которого отсрочивает кризис.

Но эта отсрочка должна иметь тем более губительные последствия для II подразделения и для тех отраслей I, которые изготовляют топливо и многие виды сырья, что эти отрасли успевают за это время развернуться на расширенной базе гораздо более прочно, чем это могло быть достигнуто в период классического капитализма. Теперь вся тяжелая промышленность имеет «нормальный процент избыточного капитала, оживление в ней кончилось, разражается кризис, который потрясал все хозяйство с огромной силой, и весь капитализм выходит из этого кризиса с еще большим процентом избыточного капитала и с еще большими кадрами избыточного рабочего населения.

Так как в период перенесения центра тяжести заказов на основной капитал для самой тяжелой промышленности этот спрос имеет задачей увеличение резервов основного капитала и здесь нет очень большой срочности в осуществлении этой задачи, то промышленное оживление за этот период может и не сопровождаться увеличением цен. Точно так же и промышленный подъем на первой фазе, так же может не сопровождаться очень резким увеличением цен, потому что спрос покрывается путем использования резервов существующего в трестах основного капитала и, следовательно, с точки зрения всего хозяйства в целом, перемещение капитала из одних отраслей производства в другие, через инструмент возрастания цен, может и не иметь места, по крайней мере он не обязателен в том объеме, как это наблюдалось при промышленных оживлениях периода свободы конкуренции.

Если же весь процесс развертывается в период общего отрыва вверх индекса товарных цен от стоимости золота, то тогда еще более вероятно развертывание промышленного подъема без большого роста цен и развертывание кризиса с большим падением цен.

В общем можно вкратце резюмировать все эти соображения в такой формуле: Если исходить из общей тенденции монополистического капитализма к накоплению неиспользованного основного капитала, то при таких условиях промышленное оживление имеет меньше шансов перейти в промышленный подъем. В то же время промышленный подъем, если он уже имеет место, завершается промышленным кризисом со значительным опозданием в сравнении с условиями свободы конкуренции, но зато

теперь создавшаяся диспропорция в хозяйстве еще больше усиливается, и кризис должен означать значительно более глубокое потрясение всей хозяйственной жизни в сравнении с тем, что наблюдалось в эпоху классического капитализма.

Так обстоит дело, если рассматривать все процессы абстрактно, отвлекаясь от всех осложняющих влияний со стороны ряда контртенденций, с которыми приходится сталкиваться при изучении конкретных фактов периода реального монополистического капитализма.

Здесь возникает еще один вопрос, который обязательно должен быть поставлен при теоретическом анализе кризисов при монополизме. Если конъюнктурное оживление или конъюнктурное уменьшение спроса, результаты которых при монополизме мы выше исследовали, могут возникать по ряду причин, потому что монополистический капитализм не есть плановое хозяйство, а производство для рынка, то откуда может взяться вообще промышленный подъем при монополизме?

Этот вопрос является вполне законным, поскольку период монополистического капитализма есть период загнивания капитализма, загнивания, которое особенно ярко проявляется в растущем омертвлении основного капитала и рабочих сил общества.

Постараемся проанализировать этот вопрос, исходя сначала из предпосылок чистого капитализма, находящегося на стадии монополизма.

Что может явиться основой промышленного подъема при капитализме периода свободы конкуренции?

Ответ будет различным, в зависимости от того, берем ли мы за основу отдельное национальное хозяйство, выделяя его связи с мировым рынком, или же берем мировое хозяйство, как единое капиталистическое целое, элиминируя последствия его деления на отдельные национальные хозяйства. Я не считаю особенно плодотворным долго останавливаться на исследовании вопроса при такой степени абстракции, но считаю, однако, что исследование должно пройти и эту фазу, чтобы заполучить здесь кое-какие теоретические результаты для понимания конкретного капитализма.

Я должен подчеркнуть только, что такая постановка вопроса мыслима лишь как вспомогательный прием исследования, потому что она опирается на фикцию чистого капитализма при свободе конкуренции. История реального капитализма показала, что капитализм переходит от эпохи свободы конкуренции к монополизму раньше, чем исчезли докапиталистические формы производства, которые доживают и доживут до социалистического режима.

Если брать чистый капитализм в рамках замкнутого национального хозяйства, то при свободе конкуренции общей подосновой промышленного подъема, как и последующего кризиса, может быть лишь к а п и т а л и с т и ч е с к и й тип расширенного воспроизводства. Это есть воспроизводство, когда увеличение народонаселения, увеличение количества рабочих и фонда заработной платы и увеличение фонда потребления капиталистиче-

ских классов происходит скачкообразно, на основе постоянных диспропорций, при невозможности для системы уложить весь этот процесс во времени в виде правильно нарастающей кривой, как это отражено в схемах воспроизводства II тома «Капитала». Это есть, так сказать, общая, родовая черта капиталистической системы на всех ступенях его развития. Специальные же особенности эпохи свободной конкуренции заключаются в том, что нарастание фонда заработной платы и размеров капиталистического потребления происходит на базе более или менее быстрого развертывания расширенного воспроизводства, при более или менее правильной периодичности циклов, вызванных неравномерным воссозданием и расширением во времени основного капитала.

Если брать чистый капитализм в рамках мирового капиталистического хозяйства, то к вышеуказанным диспропорциям и к вышеуказанной периодичности циклов, связанной с условиями производства основного капитала, прибавляются диспропорции, вытекающие из неравномерного развития капитализма в отдельных частях мирового хозяйства, что может усложнить весь процесс. Действие этого фактора увеличивает прерывистость в циклическом развитии, обеспечивает больший подъем в одной части капитализма или более глубокий кризис в другой. Но эта неравномерность может быть и источником развертывания подъема в одной части капитализма, которая затем вовлекает в этот подъем, хотя и в более ослабленной степени, другую его часть.

Но и в том и другом случае фонд заработной платы устанавливается на основе рыночного спроса и предложения рабочей силы, при относительной свободе рабочих организаций в классовой борьбе за более выгодную продажу рабочей силы, при отсутствии у капиталистов той добавочной социальной силы, которая обеспечивается монополистической организацией хозяйства и более тесными связями капиталистического хозяйства, через монополистические тресты, с буржуазным государством. Здесь вообще надо иметь в виду, что даже при теоретическом анализе воспроизводства, и даже, исходя из предпосылок чистого капитализма,—невозможно оставаться в рамках чисто экономического анализа, потому что соотношение сил между капиталистами и рабочими является политическим фактором, который превращается в экономический фактор и не может быть осмыслен даже при чисто теоретическом анализе расширенного производства в его целом. Лишь временно, для упрощения, на определенной стадии исследования можно исходить из того, что цена рабочей силы, как и цены всех товаров, соответсвуют их стоимости.

Маркс неоднократно подчеркивал, что стоимость рабочей силы есть величина переменная, потому что уровень потребностей рабочего и его семьи зависит от исторических, культурных, бытовых особенностей и условий жизни рабочего. А эти потребности и их уровень складываются не без влияния того соотношения сил в классовой борьбе, которое существует длительное время между рабочими и капиталистами. В эпоху свободы конкуренции, кроме того вследствие быстрого развертывания промышленности, спрос на рабочую силу был относительно выше, чем в эпоху монополизма, и заработная плата, хотя и медленно, но

повышалась в странах развитого капитализма еще и по этой причине. Это не есть конъюнктурный факт из конкретной истории капитализма, неважный для теоретического анализа, а очень существенное обстоятельство принципиального характера, потому что и более быстрый рост производства и более быстрое втягивание рабочей силы в производство и рост не только числа рабочих и всего фонда заработной платы, но и зарплаты, отдельного рабочего,—все это есть элементы о д н о г о целого, элементы и характеристика всей системы капитализма эпохи свободной конкуренции. При теоретическом анализе можно и нужно отделять все несущественное и случайное для данной формы или данного процесса, но нельзя выделять к о н с т и т у и т и в н ы е п р и з н а к и формы или процесса. Рост числа рабочих и рост средней зарплаты в передовых капиталистических странах есть неразрывная часть того своеобразного и исторически неповторяемого момента, каким было расширенное воспроизводство эпохи свободы конкуренции. При понимании закономерностей воспроизводства именно этой фазы капитализма указанный факт должен быть включен, как неразрывная и органическая часть объекта исследования.

Таким образом мы имеем, как правило, сравнительно быстрый рост производства. Рост числа рабочих, рост зарплаты, рост потребления капиталистов, т. е. рост того отверстия платежеспособного спроса, через который капиталистическая система вынуждена по своей структуре протаскивать весь процесс расширенного воспроизводства. Ф о р м а движения, это циклические колебания на поднимающейся кривой, причем цикличность прежде всего связана с неравномерным воспроизводством во времени основного капитала. Это есть форма втягивания в процесс новых производительных сил, тот стихийный толкач для всего процесса развертывания, который имеет для капитализма то неоцененное преимущество, что он чисто механически раздвигает рамки платежеспособного спроса, выводя в дальнейшем производство за эти пределы.

Ту же картину можно изобразить и с другого конца, поскольку на достигнутом классическим капитализмом уровне развития производство средств производства перевешивает по ценностному объему продукцию производства предметов потребления, играет ведущую роль в хозяйстве, и толчки к циклическому расширению производства идут главным образом отсюда. Тогда весь процесс можно изобразить так. Эпоха классического капитализма характеризуется быстрым расширением производства. Это расширение производства означает прежде всего растущее расширение производства средств производства, а внутри подразделения средств производства прежде всего расширение производства основного капитала. Производство основного капитала в тех его размерах, которые вытекают из т е м п а расширения производства и темпа повышения органического состава капитала,—это производство основного капитала неравномерно распределяется во времени.

Вследствие скопления большого количества заказов на основной капитал в узкий сравнительно отрезок времени производ-

ство средств производства разбухает, строятся новые предприятия, разбухает производство сырья и топлива внутри I подразделения, а также быстро развертывается II подразделение. Автоматизм развертывания в обоих подразделениях, базой которого является скопление заказов на основной капитал на узком промежутке времени, приводит к тому, что по миновании временного увеличения заказов на основной капитал, быстро вздувшийся аппарат I подразделения и количество произведенных средств производства оказывается больше необходимого, вследствие чего и производство предметов потребления оказывается выше необходимого с точки зрения платежеспособного спроса системы, когда проходит период горячки расширенного воспроизводства основного капитала на узком промежутке времени.

Таким образом основными элементами промышленного подъема в эпоху классического капитализма являются: 1) рост числа рабочих и фонда зарплаты; 2) рост средней зарплаты; 3) рост потребления капиталистических классов; 4) рост спроса на средства производства, не только превышающего во много раз абсолютные размеры потребительского спроса, но и обгоняющего потемпу возрастание роста платежеспособного потребительского спроса; 5) форма движения циклическая, по указанным выше причинам; 6) невозможность покрытия спроса на основной капитал в период подъема наличным аппаратом и всеми резервами производственого аппарата отраслей, изготовляющих основной капитал. Вследствие этой причины и вследствие отсутствия монополистических объединений вообще и более легкого грюндерства,—большое новое строительство в I подразделении, еще более усиливающее общий промышленный подъем, а тем самым и размеры последующего кризиса.

Спрашивается теперь, какие же элементы промышленного подъема могут существовать в эпоху монополизма?

Речь будет итти о чистом монополизме, но не монополизме в пределах национального хозяйства, с абстрагированием от его связей с мировым хозяйством, а о монополизме в масштабе мирового хозяйства, с учетом проблемы неравномерного развития капитализма в мировом целом.

Анализ теоретической проблемы воспроизводства при монополизме, взятом в разрезе национального хозяйства, т. е. отвлекаясь от связей экономики страны с мировым хозяйством, дает результаты, столь несущественные для всего исследования, что не стоит даже останавливаться на них. При этом получается абстрагирование от существенных элементов самого вопроса, поскольку монополизм возникает на очень высокой степени развития мирового хозяйства, как единого целого, и связь между структурой монополизма и степенью включения отдельных стран в мировое хозяйство с его закономерностями, является связью органической и внутренне обусловленной с точки зрения всего процесса в целом.

Поэтому речь будет итти лишь о монополизме в пределах мирового хозяйства, как целого, предполагая существование неравномерности капиталистического развития и предполагая кон-

куренцию и борьбу трестов и национальных хозяйств методами монополистического капитализма. Ниже я скажу более подробно, почему делаю эту оговорку. Здесь же только замечу, что установленный нами выше факт — закон неизбежности роста резервов основного капитала при монополизме, закон, имеющий исключительно важное значение для понимания и характера промышленных подъемов при монополизме и динамики кризисов и депрессий,—этот закон предлагает борьбу и конкуренцию между собой капиталистических трестов, принадлежащих к системам различных национальных хозяйств. При теоретическом анализе воспроизводства и кризисов при монополистическом капитализме нельзя отвлекаться от основных черт самого монополизма.

Посмотрим теперь, что лежит в основе хозяйственного подъема при монополизме. Монополизм, по причинам, которые мы отчасти рассмотрели выше, означает более медленный темп экономического развития вообще. Имеет ли это значение для понимания динамики подъемов и кризисов при монополизме?

Я думаю, это ясно само собой. Хозяйственные подъемы и затем кризисы должны иначе развертываться не только вследствие структурных отличий монополизма от капитализма эпохи свободы конкуренции, но и вследствие замедления темпа всего движения, причем здесь особенно явно обнаруживается органическая связь между структурной формой хозяйственной системы, уровнем развития и темпом возможного использования производительных сил[1]. Это особенно станет очевидным, если мы возьмем процесс расширенного воспроизводства в условиях свободы конкуренции,—в одном случае, когда сравнительно быстрый темп развертывания остается тот же, и во втором случае, когда темп развертывания неуклонно снижается. Первый случай мы в сущности уже рассмотрели. Но интересно сравнение этого первого случая со вторым, когда процесс воспроизводства замедляется. В этом последнем случае мы будем иметь в сущности постепенное приближение к условиям простого воспроизводства, т. е. будем иметь процесс, обратный переходу (быстрому или постепенному) от простого воспроизводства к расширенному.

Переход от простого воспроизводства к расширенному означает изменение условий равновесия, связанное с увеличением стоимости постоянного капитала за счет *V*. Дотаточно только посмотреть на следующую схему с цифрами, взятыми, разумеется, произвольно.

Простое воспроизводство

I. $4\,000\ c + 1\,000\ v + 1\,000\ m$,
II. $2\,000\ c + 500\ v + 500\ m$.

---

[1] Хороший пример для доказательства того, что форма не является чем-то внешним для существа явления, в частности, что производительные силы могут рассматриваться как содержание, а производственные отношения как форма, только при таком понимании формы, когда она принимается органически связанной с содержанием.

Расширенное воспроизводство (при накоплении половины и без приспособления II подразделения к I).

I. $4000\ c + 1000\ v + 500\ m$ (фонд потребления капиталистов) $+ 500\ m$ (фонд накопления); или $4400\ c + 1100\ v + 500\ m$ (фонд потребления);

II. $2200\ c + 550\ v + 250\ m$ (фонд потребления).

Иными словами: переход от простого воспроизводства к расширенному означает относительное увеличение спроса на средства производства (а в данном примере и абсолютное увеличение этого спроса) в сравнении с условиями простого воспроизводства.

При обратном же процессе, т. е. при переходе от расширенного воспроизводства к простому, либо при замедлении темпа накопления, верно обратное, а именно: в капиталистическом хозяйстве, при прочих равных условиях, должно происходить уменьшение спроса на средства производства. Но так как спрос на средства производства является основным спросом, основным рынком для капитализма, который непосредственно зависит от размеров спроса на средства потребления лишь при размере с II на $v + \frac{m}{2}$ I подразделения, то такое сокращение, ударяющее по ведущему сектору хозяйства, т. е. по I подразделению, не может не оказать серьезного влияния на все условия хозяйственного равновесия, в том числе и на характер промышленных подъемов в условиях снижающегося темпа расширенного воспроизводства. В данном случае мы говорим пока об этом процессе в условиях свободы конкуренции, т. е. оперируя условным теоретическим примером. Практически это могло бы иметь место, например, при усиленном росте непроизводительного потребления буржуазных классов, вследствие чего, беря нашу вторую схему, часть прибавочной стоимости, идущей в накопление, относительно уменьшалась бы в сравнении с фондом потребления, вследствие чего, при общем относительном уменьшении спроса на средства производства, относительно возрастала бы доля II в средствах производства общества и сокращалась доля I. А так как доля I вообще значительно больше при высоком органическом составе капитала, то это и означало бы относительное (относительное потому, что воспроизводство остается расширенным, но расширяется все более медленным темпом) сокращение спроса на средства производства во всем хозяйстве, при увеличении доли с II внутри хозяйства, в сравнении с долей с I.

Отмеченное нами обстоятельство имеет огромное принципиальное значение вообще для понимания характера складывающейся пропорциональности в условиях снижающегося темпа расширенного воспроизводства. Но особенно важное значение имеет этот факт для замедляющегося темпа расширенного воспроизводства при монополистическом капитализме, потому что при монополистическом капитализме тенденция к снижению темпа воспроизводства не есть временное и случайное обстоятельство, а процесс, внутренне связанный с самой структурой расширенного воспроизводства. Какова эта связь, что здесь является причиной, что следствием, что является следствием, превращающимся

в дальнейшем в причину,—этот важный и крайне трудный вопрос мы не рассматриваем пока в его целом. Все наше изложение подходит с разных сторон к выяснению постепенно этой проблемы. Но пока мы возьмем за базу самый факт снижения темпа воспроизводства при монополистическом капитализме, тем более, что эта предпосылка не расходится со всей суммою экспериментальных исторических данных, относящихся к истории мирового капитализма за последние 20 лет. Более подробно мы еще будем говорить об этом ниже.

Итак, исходя из этой предпосылки и используя сделанный нами анализ в отношении воспроизводства при монополистическом капитализме, посмотрим, что меняется во всей ситуации, если снижение темпа воспроизводства происходит не в обстановке свободы конкуренции, а при господстве системы монополизма. Что может лежать теперь в основе промышленного подъема? Способствует ли монополистическая структура увеличению шансов на развитие промышленности подъемов или действует в обратном направлении, т. е. сковывает развитие подъемов еще больше, чем это вызывается всей обстановкой более замедленного темпа воспроизводства.

Начнем с числа рабочих, уровня зарплаты и движения общего фонда зарплаты. Как известно, Маркс исходил в своих схемах расширенного воспроизводства из систематического увеличения V в обоих подразделениях, в основе чего мог лежать и рост числа занятых рабочих, при том же уровне средней зарплаты, и роста средней зарплаты при той же массе рабочих, и, наконец, то и другое вместе. Говоря о влиянии прогресса техники на вытеснение рабочего машиной, Маркс исходил, однако, из того, что само изготовление машин требует растущей массы рабочих в этих отраслях, а в целом это означает рост числа рабочих при еще более растущем уровне валовой и чистой продукции в стоимостном выражении, еще более возрастающих размерах продукции в натуральном выражении и при все более совершенствующемся оборудовании.

При монополистическом капитализме основное изменение здесь заключается в том, что соотношение сил между капиталистическим классом и пролетариатом меняется к невыгоде последнего. Рабочие противопоставляют капиталистам те же свои объединения, которые существовали и в эпоху классического капитализма (ослабленные предательством профсоюзной бюрократии) в то время, как объединенная мощь трестовского капитала, сращивающегося теснее со своим государством, увеличивается. В итоге рост уровня зарплаты даже верхушки лучше оплачиваемых рабочих, передовых капиталистических стран приостанавливается, сменяясь тенденцией к ее систематическому понижению [1].

[1] Необходимо помнить, однако, что рост зарплаты наемных рабочих наблюдался в сравнении с эпохой раннего капитализма, когда эксплоатация пролетаризированных мелких производителей достигла чудовищных размеров. По сравнению с заработком средневекового ремесленника даже капитализм эпохи расцвета машинного производства не принес улучшения. Это можно видеть по данным классической работы Авенеля, «Histoire économique de la proprieté» etc. (Paris, 1913).

С этого конца развертывание промышленных подъемов в той части, в какой оно обусловливалось ростом фонда зарплаты, ослабляется, хотя здесь выступает на сцену и противодействующий фактор, в виде роста непроизводительного потребления буржуазного общества. Вообще для стимулирования роста с II как-будто безразлично, будет ли сумма 1 500 (см. 1-й пример) состоять из $900v+600m$, или из $1\,000v+500m$. Но на самом деле здесь, кроме изменения состава спроса, заключающегося в уменьшении спроса на предметы массового потребления и увеличения спроса на предметы роскоши, самое важное изменение происходит в другом пункте: прекращение роста зарплаты ослабляет стимул к введению более совершенной техники, — стимул, действующий в форме внешнего давления на капитал,—уменьшает спрос на основной капитал, хотя рационализация в период монополизма совершается и при приостановке роста зарплаты. Но когда эта рационализация происходит в обстановке общего замедляющегося темпа расширенного воспроизводства, она еще больше суживает базу расширения на следующем этапе, потому что не сопровождается достаточным расширением всего производственного аппарат и ростом занятых рабсил.

Что касается роста потребления капиталистических классов, то этот рост продолжается и при монополизме, отчасти за счет фонда заработной платы. О последствиях этого обстоятельства мы только что говорили.

Теперь перейдем к вопросу о спросе на средства производства, особенно на элементы основного капитала при монополизме. Исключительная трудность этой проблемы с точки зрения теоретического анализа состоит в том, что здесь дело идет не об абсолютном уменьшении такого спроса, даже не о стабилизации его, а о замедлении темпов возрастания спроса. Если исходить не из объяснения причинных зависимостей явления, а лишь из учета последствий замедления общего темпа расширенного воспроизводства, взятого как конкретный факт, как предпосылка, то такое замедление есть лишь констатирование того же факта, но только другими словами. Из явлений, относящихся к этой области, мы уже установили: а) увеличение препятствий для нового строительства при монополизме, вследствие укрупнения предприятий по технико-экономическим причинам, б) увеличение р е з е р в о в основного капитала при монополизме вследствие специфических условий конкурентной борьбы при монополизме, в) к этому надо еще добавить увеличение препятствий для использования новых технических изобретений, потому что новые изобретения, которые делаются инженерами и техниками трестов в их лабораториях и опытных заводах, используются в производстве только тогда, когда это не ведет к слишком быстрому моральному износу уже существующего оборудования, стоимость которого колоссально велика. При свободе конкуренции новая машина, сберегающая труд, не вводилась, если она сберегала труд для общества, но не повышала нормы прибыли в предприятии. Если она повышала норму прибыли, она вводилась конкурирующими предприятиями, вследствие чего введение такой машины в дальнейшем в других предприятиях н о с и л о э к о н о м и ч е с к и п р и н у д и-

тельный характер, хотя бы это приносило убытки с точки зрения морального износа технически еще годного оборудования. Наоборот, при монополизме тресты сами решают, исходя из своих калькуляций, не принесет ли введение новых усовершенствований больше убытков, чем выгоды, не опасаясь внешнеэкономического давления со стороны конкурентов внутри страны, поскольку таких нет или они слабы. Вследствие этого такое давление исходит главным образом от трестов других государств, будучи сильно ослаблено (если дело идет о внутреннем рынке), системой таможенного покровительства.

Ленин в своем «Империализме» подчеркнул тот факт, что монополизм по самой своей структуре и по свойственным ему приемам борьбы за увеличение прибыли создает больше препятствий для технического прогресса, чем эпоха свободы конкуренции.

Наконец ко всему этому необходимо прибавить уже упомянутый выше факт сокращения нажима на капитал со стороны рабочих масс, добивающихся увеличения зарплаты (сокращения нажима по причинам не только экономического характера, но и обще-социального), что и с этого конца уменьшает давление в сторону технического прогресса.

Из всех этих фактов я лично придаю особенно важное значение для понимания динамики расширенного воспроизводства при империализме закону увеличения резервов основного капитала при монополизме, или закону растущего омертвления средств производства. Этот закон вытекает из самой структуры монополизма и из присущих ему методов конкурентной борьбы.

Само по себе увеличение резервов основного капитала должно было бы как-будто не сокращать, а увеличивать спрос на средства производства в сравнении с эпохой свободы конкуренции. Это было бы верно, если б темп экономического развития в целом, в этом числе и темп вовлечения в производственный процесс новых рабочих масс, технически все лучше и лучше вооружаемых, оставался бы тот же, что и при свободе конкуренции. Фактически же здесь дело обстоит иначе. Переход от свободы конкуренции к монополизму есть переход к более замедленному темпу расширенного воспроизводства. Это замедление в первый период такого перехода ослабляется постольку, поскольку производственный аппарат капитализма должен работать для увеличения этих резервов, как для нового добавочного рынка на средства производства. Но когда это насыщение монополистического капитала резервами основного капитала заканчивается, должен наступить новый период, когда вся система переходит от одного темпа расширенного воспроизводства к другому, более замедленному, от одних условий пропорциональности процесса расширенного воспроизводства к другим условиям этого процесса.

А переход к этим новым условиям пропорциональности должен до крайности обострить ту борьбу за экономический передел мира, в которой Ленин видел основную причину первой мировой войны. Мне кажется, что сделанный мною выше анализ условий воспроизводства при монополизме иллюстрирует это ленинское положение как раз со стороны общей теории капиталистического воспроизводства Маркса, примененной к эпохе монополизма

Извиняясь перед читателем за некоторое забегание вперед от теоретического изложения вопроса к конкретной истории экономического развития за последние десятилетия, я хотел бы заметить следующее. Я склонен думать, что так как мировой капитализм переходил от эпохи свободы конкуренции к монополизму приблизительно в 90-е годы, то кризис 1893—1896 гг. был еще в основны чертах кризисом классического капитализма, в то время как кризис 1902—1903 гг. и кризис 1907 г. имели черты переходных кризисов к монополизму. Однако темпы экономического развития этого периода были еще высокими, что отчасти объясняется вышеназванной причиной, т. е. накоплением резервов основного капитала капиталистическими трестами. Наоборот перед мировой войной начал нарастать кризис, в основе которого лежал процесс перехода от одних условий пропорциональности к другим, потому что накопление резервов основного капитала более или менее закончилось, и это крайне обострило проблему реализации для тяжелой промышленности. Это был не просто кризис монополистической системы, а кризис *перехода* от одного темпа экономического развития к другому, более замедленному. Может быть именно этим объясняется, что капитализм реагировал на этот переход совершенно исключительным *обострением* борьбы за передел мира, т. е. войной, для которой впрочем в самой системе империализма было достаточно и других причин более общего характера.

Но война, связанная сама по себе с целым рядом присущих ей специфических факторов и явлений, внесла много нового в экономическое положение мира. Она, если можно так выразиться, запутала картину нарастания и разрешения типичного кризиса монополистического капитализма, его характерные черты от нас остались скрыты. С этой точки зрения кризис 1930 г. есть наиболее классический кризис монополистического капитализма, потому что кризис 1920—21 гг. носил специфические черты послевоенного кризиса, а депрессия 1924 г. не развернулась в глубокое потрясение всего мирового хозяйства. Вот почему кризис 1930 г. представляет исключительный интерес для теоретического изучения и дает богатейший материал для проверки всякой теории воспроизводства при монополистическом капитализме.

Теперь остановимся на последнем пункте, который имеет столь важное значение для понимания динамики промышленного подъема при свободе конкуренции, т. е. на расширении всего производства за пределы платежеспособного спроса вследствие концентрации на узком промежутке времени лихорадочно быстрого создания огромных масс основного капитала. Посмотрим, что меняется здесь при монополистическом капитализме.

Здесь возможны два варианта:

А. *Вариант первый.* Неравномерность в спросе на основной капитал такова, что резервы имеющегося оборудования трестов достаточны для удовлетворения спроса без нового строительства предприятий, изготовляющих основной капитал. В этом случае сама система монополизма не позволит промышленному оживлению развернуться в промышленный подъем, хотя при аналогичном росте спроса в эпоху конкуренции обычно дело закан-

чивается промышленным подъемом, а затем общим кризисом. В этом случае возросший спрос на основной капитал будет покрыт без нового строительства. Отрасли производства, изготовляющие сырье и топливо, а также II подразделение получат стимул к известному расширению, но далеко не такому, какое вызовет промышленный подъем. Не надо забывать еще, что эти отрасли также охвачены монополизмом (потому что мы исходим из далеко шагнувшего развития монополизма), они также имеют огромные разервы основного капитала и, следовательно, не нуждаются в быстром увеличении заказов на основной капитал. В общем и целом экономическая конъюнктура, которая в эпоху свободы конкуренции, с ее более слабыми резервами основного капитала, привела бы к промышленному подъему, а затем общему кризису, эта обстановка при монополизме в состоянии вызвать лишь промышленное оживление, с последующей депрессией, вместо общего кризиса.

Б. Вариант второй. Промышленное оживление носит длительный характер и переходит в промышленный подъем. Почему это было бы возможно, мы рассмотрим ниже. Теперь посмотрим, как должен развертываться дальше ход событий при монополистическом капитализме в этом случае?

При тех огромных резервах основного капитала, которые неизбежно откладываются при монополистическом капитализме, как жировые отложения старающего организма, это должно привести к следующему. Когда оживление длится значительный срок и спрос на основной капитал покрывается без нового строительства, но при более полном использовании основного капитала на следующей стадии начинается увеличение этих резервов и приведение их в соответствие с тем уровнем, который является более или менее нормальным и средним для монополизма. Иными словами, капиталистическая система начинает развертывать свой производственный аппарат так, как если б наметившееся оживление, со всем возросшим потребительским и производственным спросом, было естественным длительным состоянием в экономике общества. Если к этому времени все стимулы к оживлению, которое имело место, оказались уже исчерпанными, этот спрос на добавочный основной капитал явится фактором, который отсрочивает неизбежную депрессию и тем усиливает шансы на превращение ее в кризис на следующем этапе. Если оживление еще имеет шансы продержаться еще дальше, вследствие неисчерпания тех причин этого оживления, которые его вызвали, то увеличение спроса на добавочный основной капитал еще более усилит промышленный подъем.

Но конец в том и другом случае будет одинаковый. Когда резервы основного капитала монополистического капитализма будут доведены до процента, который является «нормальным процентом омертвления капитала при этой системе, этот добавочный рынок будет исчерпан и тогда начнется перелом в сторону кризиса... Так как этот спрос на добавочный основной капитал монополизма есть спрос для увеличения резервов, а не для увеличения орудий производства в обстановке ажиатажа про-

изводственного аппарата тяжелой промышленности, не справляющейся с удовлетворением возросшего спроса, как это было при промышленном подъеме эпохи свободы конкуренции, то весь этот процесс не обязательно должен сопровождаться ростом цен на продукцию тяжелой промышленности. В этом вторая особенность подъема при монополизме.

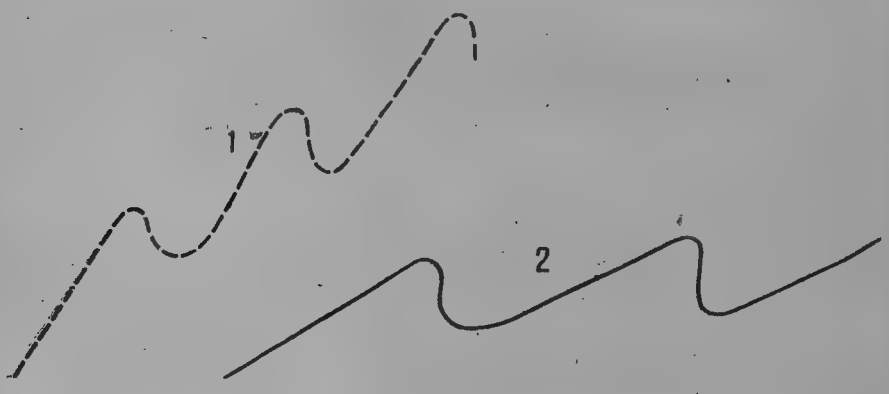
Но когда начинается скат в сторону кризиса, то и этот процесс должен существенно отличиться от кризисов эпохи свободы конкуренции. Первое отличие заключается в том, что промышленный подъем при монополизме, как это видно из всего предыдущего, может создаться лишь после длительного превариельного оживления. Короткое оживление вообще будет задушено огромными резервами основного капитала всех трестов. Но длительное оживление означает гораздо более глубокое приспособление всей системы к данным размерам производства, а потому и кризис должен с гораздо большей мучительностью перетряхивать все сложившиеся отношения пропорциональности. С другой стороны, он должен разразиться без всяких предвестников, как гром с ясного неба, и будет восприниматься поэтому как ничем невызванная катастрофа.

Вторая особенность кризиса при монополизме должна заключаться в том что он не может быть смягчен тем, чем смягчались все кризисы классического капитализма, а именно введением ряда технических усовершенствований в производственный процесс наиболее мощных и здоровых предприятий. Начиная с введения парового ткацкого станка после кризиса 1825 г. в Англии все кризисы классического капитализма сопровождались более или менее значительным перевооружением предприятий, что создавало спрос на основной капитал как раз в разгар максимального перепроизводства именно на том участке, с которого и разражался кризис. Это лило воду в самый очаг, в самый первоисточник пожара. Между тем при монополистическом капитализме происходит перемещение во времени спроса э т о г о т и п а на основной капитал. Этот спрос развертывается теперь не в разгар кризиса или при выходе из кризиса, а на второй стадии промышленного подъема, когда тресты расширяют резервы основного капитала и именно в процессе этой операции пользуются случаем заменить старое оборудование новым.

Таким образом спрос на новый основной капитал, отвечающий всем требованиям техники, т. е. спрос, резюмирующий итоги всего технического процесса за определенный отрезок времени,— этот спрос, смягчающий кризис при свободе конкуренции, развертывается при монополизме д о н а ч а л а к р и з и с а. Тем самым и размеры этого кризиса являются более огромными и выход из него более трудным и мучительно медленным, если только случайно кризис не совпадет с каким-либо переворотом в технике.

Теперь мы должны ответить на вопрос, на какой вообще почве может возникнуть при монополистическом капитализме длительное оживление,переходящее в промышленный подъем, потому, что такой подъем, как мы показали выше, возможен лишь при достаточно продолжительном сроке хозяйственного оживления.

Вопрос этот представляет исключительную трудность, и я должен откровенно сознаться перед читателями, что я не выяснил его полностью. С точки зрения теоретического анализа воспроизводства здесь надо ответить предварительно на другой вопрос: возможно ли длительное оживление, переходящее затем в хозяйственный подъем в условиях, когда темп экономического развития мира идет по циклической кривой, которая отличается от кривой периода свободы конкуренции следующим образом, если изображать весь процесс графически:



1—Кривая цикла эпохи конкуренции.
2—Кривая цикла эпохи монополизма.

Здесь возможны, конечно, большие варианты в графическом изображении процесса, но экономическая суть дела ясна. При более медленном темпе всего экономического развития вообще, независимо от капиталистической формы организации труда, движение вперед можно себе представить либо как более или менее плавное, либо как циклически прерывистое, либо по кривой совершенно произвольной и неправильной конфигурации.

Движение по первому типу кривой не свойственно капитализму, по самой его структуре. Оно не свойственно ему ни на стадии свободы конкуренции, ни на стадии монополизма. Следовательно речь может итти только о движении по циклически прерывистой кривой, либо по какой-то неправильной кривой, без периодичности подъемов и скатов. Так как известная периодичность циклов существует и при монополизме, и как будто она не является случайной, если взять 1907, 1914, 1920/21 и 1929/1930 гг. (несмотря на особенности кризиса 1914, перешедшего в войну и специфические черты послевоенного кризиса 1920/21 г.), то тогда вопрос сводится во-первых, к тому, как эта периодичность может уложиться на медленно возрастающей кривой или вернее, на кривой, возрастающей медленней, чем в эпоху свободы конкуренции?

Здесь возможны следующие варианты:

1. Сохраняется периодичность эпохи свободы конкуренции в смысле длины циклов и глубины снижения производства при

кризисах. Этот вариант не реален, потому, что если кривую № 1 просто наклонить на более медленное возрастание точек подъема и точек упадка, то каждый цикл будет длинней. Но графически, конечно, можно представить себе кривую, где средний подъем отвечает темпу экономического развития эпохи империализма, кризисы имеют ту же глубину, чередование их происходит в те же сроки. Но эта не будет кривая экономического развития при империализме. Неясно остается здесь, каким образом такой тип движения возможен экономически.

2. Движение идет по кривой, где есть только периоды оживления, не переходящие в подъемы, и периоды депрессий, не переходящие в кризисы. Этот случай теоретически возможен при монополизме как раз вследствие огромных резервов основного капитала у монополистических трестов. Тогда оживление означает больший процент использования н а л и ч н о г о основного капитала. Оживление не переходит в общий подъем, потому, что увеличение основного капитала более равномерно располагается во времени в сравнении с эпохой свободы конкуренции и не позволяет в дальнейшем движении перейти в кризис.

Но этот случай нам не интересен, потому что, во-первых, реальное развитие идет другим путем, а во-вторых, нам, именно вследствие этой последней причины, и теоретически надо решить другую задачу: как возможно оживление, п е р е х о д я щ е е в общехозяйственный подъем.

3. Третий вариант возможен такой. Длина цикла увеличивается, промышленное оживление растягивается на более продолжительный срок и прерывается неглубокими депрессиями. Переход к промышленному подъему возможен именно вследствие этой длительности цикла. В этом случае увеличение резервов основного капитала развертывается до начала кризиса. Именно этот процесс увеличения основного капитала может либо превратить хозяйственное оживление в хозяйственный подъем, либо придушить и временно отсрочить назревающий кризис. В этом случае кризис разражается тогда, когда добавочный рынок, созданный добавочным спросом на основной капитал, оказывается исчерпанным и кривая воспроизводства тяжелой промышленности стремительно полетит вниз.

Этот третий вариант возможно себе представить и в такой форме, что замедление темпа развития в среднем происходит не столько вследствие замедления возрастания кривой на высших точках подъема, сколько вследствие все более глубоких скатов в периоды кризиса. Совершенно очевидно, что эта форма движения являлась бы самой опасной для капиталистической системы и особенно для ее наиболее слабых звеньев, потому что доводила бы социальные противоречия системы до крайней остроты.

Описанный нами третий вариант как будто должен явиться наиболее типичным для воспроизводства при монополистическом капитилизме. Нам остается теперь лишь исследовать, как такая форма движения может реализоваться в условиях неравномерного развития капитализма в масштабе мирового хозяйства.

Как известно, Маркс в своем анализе процесса расширенного воспроизводства при чистом капитализме в числе прочих упро-

щений, допущенных в предпосылках, исходил из равномерного капиталистического развития, или вернее будет сказать, вообще элиминировал проблему неравномерности такого развития. Мы не можем остановиться на такой стадии исследования, поскольку имеем в виду подойти в конечном счете к анализу конкретно исторического капитализма в определенные периоды его развития. Как читатель видит, мы уже в ряде пунктов продвинули наше исследование ближе к условиям конкретного капитализма, отчасти опираясь на отдельные замечания Маркса о теории кризисов, сделанные в разных местах его работ, отчасти развивая некоторые общие его положения о теории воспроизводства. Ниже еще более подробно мы должны будем развить эти выводы из марксовой теории кризисов. В данном случае приходится прежде всего подчеркнуть, что мы не исходим из амортизации всего постоянного капитала в один год, а приводим различие между амортизацией основной части постоянного капитала, которая совершается в более длительные сроки и между возмещением оборотной части постоянного капитала (сырье, топливо, вспомогательные материалы). В развиваемых здесь положениях о теории кризисов и в более подробных схемах капиталистического цикла, мы исходим именно из неравномерности восстановления и расширения основного капитала. Эта неравномерность не только была указана Марксом, но служит для его и объяснением переодичности кризисов. Однако он не развернул этого своего положения и не иллюстрировал его такими схемами, какими он иллюстрировал закон пропорциональности воспроизводства во II томе «Капитала». В этом пункте его работа оказалась незавершенной и не была продолжена ни одним из марксистов.

Далее мы исходим из наличия резервов основного капитала в капиталистическом производстве, что изменяет условия пропорциональности как раз во время депрессий и кризиса. С другой стороны, как мы видели, проблема увеличения резервов основного капитала при монополизме имеет исключительно важное значение для понимания всей системы воспроизводства при империализме.

Затем мы, кроме теории простого и расширенного воспроизводства, исследуем проблему снижающегося воспроизводства—вопрос, имеющий исключительно важное значение для стран с резко выраженным упадком хозяйственной деятельности, как например, для современной Англии [1].

Далее мы делаем попытку исследовать проблему простого и расширенного воспроизводства при конкретном капитализме, в условиях существования сектора простого товарного хозяйства [2]. Наконец в настоящей работе мы исследуем проблему воспроизводства и кризисов, с одной стороны, при свободе конкуренции, с другой, при системе монополизма.

После столь большого приближения исследования к отношениям реального капитализма, с различием при этом двух его

---

[1] См. мою статью в «Вестнике Коммунистической академии» № 18 за 1930 г.

[2] «Вестник Комм. академии», № 17.

исторических ступений: эпохи свободы конкуренции и эпохи империализма, мы должны сделать еще одно важное приближение к действительности, а именно, мы должны исходить из неравномерного развития капитализма. Закон неравномерного развития капитализма, выдвинутый Лениным на столь важное место во всей его теории империализма, имеет существеннейшее значение не только при исследовании конкретного мирового хозяйства эпохи империализма, но и при теоретическом анализе расширенного воспроизводства при монополизме. Этот закон должен быть введен в исследование по общим методологическим соображениям.

Как мы уже говорили выше, при анализе экономики империализма общей предпосылкой исследования не может быть национальное хозяйство с абстрагированием от связи его с мировым рынком. Система монополизма не только конкретно-исторически, но и внутренне увязана, если можно так выразиться, структурно увязана с очень высоким развитием мирового хозяйства как единого экономического целого. Как нелепо при изучении национального капиталистического хозяйства исходить все время из отдельного капиталистического предприятия, поскольку на нем нельзя проанализировать всех закономерностей целого, так невозможно и закономерности монополизма изучать на отдельном национальном хозяйстве. Эти закономерности могут быть вскрыты лишь при анализе мирового хозяйства, как более или менее единого хозяйственного организма. Я не останавливаюсь здесь подробно на этом вопросе, который требует специального рассмотрения [1]. Укажу лишь, что в рамках национального хозяйства, кроме теории воспроизводства, при монополизме нельзя исследовать вопросов: о распределении накопления, в частности об импорте и экспорте капиталов, об эмиграции и иммиграции рабочей силы, о среднем уровне прибыли, об изменении стоимости золота и мировых товарных цен, об уровне процента и о многих других вопросах, не говоряуже о проблеме неравнемерного развития капитализма и влияния этого фактора на темп воспроизводственного процесса в отдельных частях капиталистической системы.

Но если мы привлекаем к исследованию факт и закон неравномерного развития капитализма, то это неизбежно должно означать, что и процесс расширенного воспроизводства может и должен развертываться неравномерно, не только вследствие циклической формы движения, которая была до сих пор свойственна капиталистическому развитию, но и вследствие разных темпов движения на отдельных участках мирового хозяйства. Ленин в этом пункте сделал очень важное дополнение к марксовой теории воспроизводства, особенно, когда теория эта применяется к эпохе монополизма. Маркс, разумеется, прекрасно понимал важность этой стороны дела и для классического капитализма. Но для исследования классического капитализма в его чистом виде

[1] Много верных соображений на эту тему читатель найдет в работах т. Спектатора о теории мирового хозяйства, хотя и здесь автор больше занимается исследованием конкретного мирового хозяйства последних десятилетий, чем теорией в собственном смысле слова.

это обстоятельство не имело столь важного значения, какое оно имеет для эпохи империализма.

Когда мы подходим к рассмотрению закона неравномерного развития капитализма, то вся проблема, с одной стороны, осложняется, но зато, с другой стороны, оказывается легче ответить на вопрос, как вообще возможен период длительного оживления при монополизме, переходящий в экономический подъем с последующим затем кризисом. В грубо упрощенной форме дело можно представить себе так. При замедляющемся общем темпе экономического развития мира, в одних пунктах развитие вообще приостанавливается, либо даже замечается регресс, как например, в Англии, в других странах устанавливаются тношения, близкие к простому воспроизводству (в смысле материальных размеров всего производства, а не в том смысле, что данная страна потребляет весь свой доход, не накопляя за пределами страны с направлением накопления в другие страны, поглощающие новый капитал) наконец, в третьих странах, как Франция, Южная Америка, некоторые колонии и особенно Соединенные штаты, темп экономического развития быстрей средне-мирового. Благодаря именно такой неравномерности в распределении темпов движения, отдельные части мирового целого могут переживать состояние для тельного оживления, переходящего в подъем, несмотря на противодействующий фактор в виде накопления огромных резервов основного капитала. Возрастание покупательной способности мира, этот основной лимит для расширенного капиталистического воспроизводства, делится неравномерно между отдельными капиталистическими странами, вследствие чего в одних пунктах происходит увеличение темпов движения вперед, в других — приостановка движения. В результате получается не просто циклическая форма движения целого, а движение в одной части целого, сопровождающееся замедлением движения или даже регрессом в других частях. Это движение располагается во времени также в форме циклов, но, так сказать, разного наполнения.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

МОНОПОЛИЗМ В СИСТЕМЕ СНАБЖЕНИЯ. НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ

Трансформация характера капиталистического цикла зависит еще и от тех изменений, которые происходят в капиталистической системе обмена эпохи монополизма. Теория монополизма должна исходить не только из охвата монополистическими объединениями основных отраслей производства, транспорта и кредитной системы, но и из охвата монополизмом товаропроводящей сети. Мы вводим эту предпосылку в наше исследование отнюдь не для «закругления» нашей методологии: это связано с тем, что монополистические объединения в области снабжения играют в реальной жизни огромную роль, оказывая существенное влияние и на производственный процесс. Этим гигантам снабжения в Нью-Йорке, Лондоне, Париже и в огромной части

торговли провинции, подчинена подавляющая часть розничной торговой сети, представляющей собой своеобразную агентуру этих объединений, в разной степени перехода в простые розничные отделения монополистов снабжения. Розничная сеть не ведет никакой самостоятельной торговой политики. Для серьезной конкуренции в оптовой торговле остается очень мало места. Кооперация не проводящая своей собственной торговой политики, подлаживается под политику монополистов снабжения. Настоящую торговую политику делают именно эти монополистические объединения. Простота и ясность этой политики заключается в стремлении повышать в рознице цены, когда повышается цена фабрики, и удерживать старые цены в рознице, когда цены фабрики понижаются. Проведение такой политики в значительной мере удается монополистам снабжения. Это имеет существенное значение для хода производственного процесса. Снижения оптовых цен фабрики не пропускается вниз или пропускается в урезанном виде к потребителю, и дело заканчивается перераспределением прибавочной ценности между производительным капиталом монополии и между монополистическими торговым капиталом. Это влечет за собой такие последствия: при перепроизводстве избыточная масса продуктов очень долго продается без снижения цен монополистами производства, о чем мы уже говорили выше. Тресты идут скорей на сокращение производства, чем на снижение цен и тем самым образуют первую линию закупорки для процесса расширенного воспроизводства.

Когда депрессия принимает серьезные размеры и переходит в кризис, то производящие тресты снижают цены; этим создается часто только конкуренция между продающими свою продукцию промышленными трестами и покупающими монополистами снабжения. Монополисты снабжения не позволяют снижению цен продвинуться вниз в розницу. Здесь образуется второй барьер для расширенного воспроизводства. Если масса продуктов, равная тысяче единиц товара в натуральном виде, продается производящим трестам не за тысячу денежных единиц, как было до кризиса, а, допустим, за восемьсот, то розница (если предположим, что надбавки в ней равняются в среднем 30%) продает теперь эти тысячу единиц товара не за тысячу сорок, как это должно было бы быть, а за прежние тысячу триста и тем самым не дает рассосаться товарному излишку путем снижения цен для потребителя, который теперь располагается не прежней, а чаще всего сузившейся, покупательной способностью, вследствие уменьшения производства трестами и сокращения фонда заработной платы.

Этот второй барьер монополизма, прибавленный к первому, еще больше усиливает тенденцию к сокращению производства, к сужению рынка, к омертвлению капитала и рабочих сил общества.

Но так как накопления монополистов снабжения, при общем заторе в воспроизводственном процессе, не могут пойти на расширение производства, то они превращаются в источник непроизводительного потребления капиталистической системы. Вместо того, чтобы употреблять эту прибавочную ценность на расшире-

ние производства и этим путем расширять капиталистический рынок для капитализма и источники еще большего получения прибыли на следующей стадии производственного процесса, монополизм изыскивает источники сбыта путем увеличения аппарата снабжения, т. е. вся система непроизводительно съедает все более и более растущую часть дохода общества, идущую на разбухание торговой сети. Отсюда констатированный статистикой всех капиталистических стран, особенно Соединенных штатов, поражающий рост как расходов обращения, так и в первого взгляда непонятно быстрый рост всякого вида категорий служащих, за счет производительно занятых рабочих на предприятии [1].

Причины и следствия всего этого процесса часто неверно понимаются в экономической литературе. Многим кажется, что современный капитализм медленнее развертывает производственный процесс, чем раньше, потому что слишком быстро возрастает непроизводительное потребление капиталистической системы. В действительности же зависимость здесь как раз обратная. Именно вследствие закупорки в процессе расширенного воспроизводства, вытекающей из самой структуры монополизма в сфере производства и обращения, именно вследствие этого прибавочная ценность не может итти на увеличение фонда заработной платы производительных рабочих, а идет на увеличение зарплаты агентов обращения всякого рода [2]. Если бы задержка процесса расширенного воспроизводства зависела от непроизводительного потребления, как причины, то эпоха монополизма была бы эпохой систематического дефицита на новый капитал. В действительности же мы видим как раз обратное, за исключением лишь отдельных участков капиталистической системы, где такое положение вызывается специфическими причинами.

В главе о кризисе 1930—1931 гг. мы приведем достаточно много цифровых иллюстраций для доказательства положения, которое мы выше формулировали.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОБЩИЕ ИТОГИ.

Подведем вкратце итоги всему вышесказанному.

Основным препятствием для экономического развития общества при капиталистической системе организации труда и рас-

[1] Я здесь не затрогиваю вопроса о том, в какой степени, например, труд приказчика является производительным.

[2] Огромный налог, который берет торговая сеть с потребителя, лишь отчасти попадает в руки монополистов оптовой торговли. Значительно большая часть расходов общества на розничную торговую сеть вызывается огромным количеством предприятий мелкой торговли, которые гоняются за покупателем и которых при полной нагрузке было бы достаточно для обращения в три раза меньше. Имея недостаточный оборот, эти предприятия вынуждены делать большие накидки, чтоб заплатить высокие налоги, арендную плату за помещение и дать хоть какой-либо заработок их владельцам. Особенно больших размеров паразитическая мелкая торговля достигает в крупнейших городах Европы, в частности в Лондоне и Париже.

пределения, основной ахилессовой пятой этой системы на всех этапах капитализма без различия, является закупорка процесса расширенного воспроизводства, вызванная самой структурой капитализма, как производства на рынок, при частном характере распределения не только потребляемого дохода общества, но и всех средств производства и всех накоплений, что неизбежно означает при этом ограничение потребления трудящихся масс[1]. Использование потенциальных производительных сил и распределение существующих (в том числе и новых накоплений) подчинено интересам получения определенной нормы прибыли. Производительные силы при такой структуре пропускаются через слишком узкое отверстие, и возможности производства всегда превышают эту пропускную способность системы. При стихийности всех хозяйственных процессов товарного производства это ставит всю систему в области развертывания производственного аппарата в зависимости от стихийных толчков, когда сила напора пропорциональна не материальным возможностям производства, а перспективам реализации, при условии получения средней нормы прибыли. В этом пункте капиталистическая система, при всех других ее преимуществах над докапиталистическими формами, скорей менее эластична, чем, например, феодальная система производства и эксплоатации. Феодальное производство и феодальная эксплоатация возможны даже при самом минимальном размере отчуждаемого прибавочного продукта производителей. Преимущество социалистического производства, как сознательно-планового производства для потребления, в этом пункте безгранично велико в сравнении с капитализмом.

При свободе конкуренции, однако, этот основной недостаток капиталистической системы, так сказать, ее родовой недостаток, ослабляется и смягчается вследствие ряда причин из которых важнейшая заключается в следующем.

1. Более благоприятное соотношение сил для пролетариата между рабочей силой и капиталом на рынке труда, вследствие чего давление рабочих в сторону увеличения зарплаты, действуя, как внешне физическая сила, вынуждает капитал к более быстрому техническому прогрессу. Это увеличивает производительность труда и массу производимых товаров, увеличивает спрос на действующий основной капитал и быстрей расширяет рынок для капитализма внутри самого капитализма в сравнении с общим объемом всего производства на каждый данный момент. При таких условиях общий темп развития оказывается быстрей. Здесь переплетаются между собой как причины для более быстрого движения вперед, так и следствия этого быстрого движения.

2. По причинам технического и экономического порядка концентрация капитала и увеличение объема предприятий были значительно меньше, чем при монополизме; основание новых предприятий было значительно легче. В условиях свободы кон-

---

[1] Это ограничение потребления масс предрешено не только структурой капитализма но и связано с соотношением сил между пролетариатом и классом капиталистов. И в этом центральном пункте только экономический анализ проблемы оказывается совершенно недостаточным.

куренции это означало более интенсивные стихийные толчки к расширенному воспроизводству при погоне за прибылью, более легкую возможность вырваться с данной ступени воспроизводства и ее пропорций на следующую более высокую ступень.

3. Гораздо меньший процент резервов основного капитала во всей системе. Вследствие этого при неравномерном распределении во времени заказов на основной капитал и их выполнения, хотя вся система и переживала периодические подъемы и кризисы, однако, в моменты наивысшего напряжения производственных способностей общества в период подъема достигалось почти полное использование наличного оборудования и рабочих сил, что для ряда лет означало в среднем более полное использование производственных сил общества, чем это имеет место при монополизме.

4. Более легкое перераспределение капиталов из одних отраслей в другие через механизм цен как вследствие меньшего процента капитала затвердевшего в форме основного капитала, так и вследствие большей эластичности рынка в условиях свободы конкуренции.

5. Больше возможностей прогрессивного приспособления системы к циклическим падениям цен путем отбора более жизнеспособных предприятий и их реконструкций. Это вызывало спрос на основной капитал к концу кризиса, смягчало последствия кризиса и создавало больше возможности для стихийного выхода всей системы из кризисного состояния на ведущем звене отраслей, изготовляющих элементы основного капитала.

6. Наличие территорий, еще не охваченных капиталистической системой производства и обмена; увеличение территорий капитализма за счет мелкого производства; возможность вложения в отсталых странах элементов основного капитала в форме железнодорожного строительства; усиление сбыта небольших добавочных партий и избыточных предметов потребления, что хотя и не составляло б а з у для реализации новой прибавочной стоимости капиталистических стран (как ошибочно думала Роза Люксембург), но давало временную отдушину в периоды особенно острого перепроизводства и позволяло легче подняться на следующую ступень расширенного воспроизводства, с увеличением при этом о с н о в н о г о р ы н к а внутри самого капитализма.

7. Отсутствие или слабость монополистических объединений в системе снабжения, вследствие чего снижение оптовых цен производящих предприятий быстрее передавалось в систему розничной торговли, обеспечивая уменьшение стоимости жизни, а в целом—возможность более быстрого приспособления системы к падающим ценам путем улучшения оборудования.

С переходом капитализма на более высокую историческую ступень империализма, наступающую как под влиянием концентрации капитала и сращивания промышленного капитала с банковским, так и вследствие увеличения отдельных предприятий в результате изменения их технической структуры, — капиталистическая система вынуждается к другому, более замедленному темпу экономического развития, причем существенно меняются

как общие условия расширенного воспроизводства так и характер хозяйственных подъемов и кризисов. Все эти изменения вытекают как из экономической структуры монополизма, так и из изменения всей социальной природы капиталистического общества на этом этапе, в частности из изменения соотношения классовых сил между пролетариатом и классом капиталистов. Без понимания этих особенностей как экономической, так и общесоциальной структуры монополизма, поскольку они непосредственно влияют на воспроизводственный процесс, невозможно понять ни специфических особенностей пропорциональности ни особенностей подъемов и кризисов при империализме, иначе говоря, невозможно понять всего изменившегося характера капиталистического цикла. Выяснение особенностей империализма лучше всего провести путем систематического сравнения условий расширенного воспроизводства и кризисов при монополизме с эпохой свободы конкуренции.

Но так как империализм является последним этапом капитализма и в этот период особенно остро проявляется бунт производительных сил общества против капиталистической организации труда и капиталистической системы распределения, т. е. в экономический анализ неизбежно врываются проблемы социально-исторического характера, то выяснению подлежат не только различия воспроизводственного процесса на разных ступенях самого капитализма, но и сравнительный анализ капиталистического воспроизводства с социалистическим, с одной стороны, и сравнение капитализма с экономическими формациями, существовавшими до товарного производства, — с другой.

В основе исследования должны лежать результаты, полученные Марксом при исследовании проблемы воспроизводства во II томе «Капитала» и отдельные места по вопросу о кризисах, а также его общий анализ капиталистической системы как формы для определенного уровня развития производительных сил человечества, взятых как содержание процесса. Но [марксова теория кризисов, вследствие незаконченности этой его работы, а также марксова теория воспроизводства должны быть развиты и разработаны в смысле приближения анализа к условиям реального капитализма.] В первую голову это приближение должно означать установление характерных особенностей воспроизводственного процесса в эпоху классического капитализма и в эпоху монополизма. Дальнейшая конкретизация должна заключаться в освещении проблемы основного капитала, резервов основного и оборотного капиталов, изменении органического состава капитала, в привлечении к исследованию периферии мелкого докапиталистического производства, изменении в условиях продажи рабочей силы и т. д. Предпосылкой исследования должно быть мировое, а не национальное хозяйство. Исследование должно исходить из учета действия закона неравномерного развития капитализма, а, следовательно, из закона неравномерного загнивания капитализма. Отсюда необходимость разработки не только теории простого и теории расширенного воспроизводства, но также и теории снижающегося воспроизводства, которая должна осветить условия воспроизводства в странах с хозяйственным

регрессом. Исследование должно исходить из деформации закона ценностей, переплетения монополистических тенденций со свободной конкуренцией и должно проследить влияние этих существенных изменений на общие условия расширенного воспроизводства и кризисов в эпоху империализма. Исследование не может исходить в качестве молчаливой предпосылки из внутренней тенденции капитализма к расширению и способности его к такому расширению, а должно проанализировать причины прогрессирующего замедления экономического развития, неизбежно покидая при этом область чисто экономического анализа. Наконец исследование должно проследить влияние на процесс капиталистического вопроизводства существования СССР.

Исследование, произведенное со всех этих точек зрения, приводит к следующим результатам.

1. При монополистическом капитализме соотношение сил в экономической борьбе пролетариата с капиталистами складывается менее благоприятно для рынка рабочей силы как вследствие роста абсолютной (или, как чаще говорится, структурной) безработицы, так и вследствие более тесного сращивания трестов с государством и подчинения монополистическому капитализму бюрократии реформистских профсоюзов. Это приводит прежде всего к уменьшению внешнего давления на капитал в сторону более быстрого улучшения техники. С другой стороны, приостановка роста или же сокращение уровня заработной платы ослабляет стимул к расширенному воспроизводству, поскольку таковой из антиципации будущего роста платежеспособного спроса в обществе, что стихийно толкает всю систему к уровню простого воспроизводства. На этом примере видно особенно отчетливо, что исследование проблемы воспроизводства и кризисов при монополизме не может оставаться в рамках лишь чисто экономического анализа.

2. Огромная концентрация капитала в руках монополистических трестов по самому существу монополизма ведет к тому, что тресты стремятся охватить удовлетворение не только всего наличного спроса на их продукцию, но и всего будущего спроса в том числе расширяющегося спроса периода хозяйственного оживления и даже хозяйственного подъема. Это побуждает их иметь огромные резервы основного капитала и тем убивает всякую возможность строительства в порядке конкуренции новых предприятий даже в период подъема. С другой стороны, это увеличение резервов основного капитала делается не только неизбежным экономически, но и материально возможным вследствие замедления темпа хозяйственного развития. В итоге это означает омертвление огромных масс основного капитала, как явления, органически связанного с самым существов монополизма, что, вместе с омертвлением рабочих сил, наиболее ярко характеризует растущее замедление всего темпа экономического развития общества.

3. Если в условиях свободы конкуренции та же самая погоня за прибылью, в качестве ближайшего стимула хозяйственной деятельности, побуждала в периоды превышения предложения над спросом к уменьшению цен без сокращения производства и за-

ставляла приспособляться к длительному падению цен усовершенствованием техники, то при монополизме сокращение спроса, в виде первой реакции, вызывает сокращение предложения, без уменьшения цен и в качестве второй — сокращение производства. К уменьшению цен система монополизма вынуждается лишь в периоды острых кризисов. Все это влияет задерживающим образом на процессе расширенного воспроизводства и с этой стороны усиливает тенденции к простому воспроизводству вместо расширенного. При росте спроса происходит не новое строительство, а более интенсивное использование существующих резервов основного капитала и пуск в ход законсервированных, технически отсталых предприятий.

4. Последнее обстоятельство замедляет технический прогресс. Наряду с замедлением технического прогресса по причинам, указанным в первом параграфе, оказывает свое влияние еще и тот факт, что сосредоточение огромных масс основного капитала в руках отдельных трестов делает для них часто невыгодным применение таких улучшений техники, которые подвергают моральному износу большие количества основного капитала, а отсутствие конкуренции и сосредоточение технико-исследовательной работы в их собственных лабораториях делает такое замораживание новых изобретений практически возможным. В целом все это уменьшает степень использования технического прогресса в сравнении с уровнем развития науки и материальными размерами всего производства. С точки зрения расширенного воспроизводства это означает относительное замедление роста спроса на основной капитал, на единицу времени, т. е. относительное сужение рынка на средства производства.

5. Из всего вышесказанного вытекает с неизбежностью изменение характера воспроизводственного процесса при монополизме в сравнении с периодом свободы конкуренции, изменение характера хозяйственного оживления, подъема, депрессий и кризисов, что в целом означает изменение в характере капиталистических циклов. Хозяйственное оживление в условиях существования огромных резервов основного капитала редко в состоянии развиваться автоматически в хозяйственный подъем. Если же, главным образом, вследствие неравномерного развития капитализма в мировом масштабе, отдельные страны переживают периоды более длительного оживления, то это оживление способно тогда перейти в подъем. Однако и характер подъема и характер последующего кризиса претерпевают существенные изменения в сравнении с эпохой свободы конкуренции.

6. Эти изменения заключаются в следующем. Длительное оживление в одной части мирового целого, происходящее за счет уменьшения рынков и темпа развития другой части, приводят на определенной стадии к интенсивному возрастанию спроса на основной капитал, поскольку монополизм стихийно доводит свои резервы основного капитала до уровня свойственного этой системе по ее структуре. Если переход воспроизводственного процесса в эту стадию происходит в полосу начинающейся депрессии, он может сменить депрессию подъемом без видимых причин со стороны производства предметов потребления и произ-

водства элементов постоянной части оборотного капитала. Если увеличение заказов на основной капитал, происходящее по этой же причине, начинается до депрессии, это может сделать процесс развертывания более плавным. Но это делает последующий кризис и более острым и совершенно неожиданным для всего «делового мира». Второй особенностью подъема этого типа может быть отсутствие повышения цен, что объясняется отсутствием срочности и горячки в деле расширения основного капитала и отсутствием необходимости в лихорадочном новом строительстве предприятий, изготовляющих основной капитал. С другой стороны, падение цен, не уравновешиваемое предыдущим кризисом, может просто вернуть индекс к докризисному уровню, если изменения не будут диктоваться изменением в условиях производства золота, т. е. по причинам не конъюнктурного характера.

7. Вследствие указанных причин выход из кризиса неизбежно должен носить более длительный и более мучительный характер. Различие здесь с характером капиталистического цикла при свободе конкуренции является особенно заметным. При свободе конкуренции смена обрудования наиболее мощными предприятиями служила (вместе с обновлением основного капитала золотопромышленностью) очень важным стихийным толчком к ослаблению кризиса в том пункте, откуда он начался. При монополизме увеличение спроса на основной капитал вследствие расширения производства происходит не в разгар кризиса, а до него. Вследствие этого капиталистическая система теряет очень важный по мощности и времени стимул к прекращению кризиса или к облегчению его перехода в депрессию. Для капиталистической системы потеря таких стимулов к расширенному воспроизводству, при ослаблении других, играет весьма отрицательную роль. Дело идет к постепенной потере механизма выхода из кризиса. Если говорить о тенденциях системы в их чистом виде, то хозяйственный кризис при монополизме имеет тенденцию сжать производственный аппарат и размеры продукции до уровня, на котором производство находилось до начала оживления.

8. Поскольку система монополизма захватывает и обращение, то в периоды кризисов и падения оптовых цен монополистические объединения торгового капитала всеми средствами препятствуют пропорциональному падению розничных цен. Вследствие этого капиталистическое производство испытывает все затруднения, связанные с падением цен и не имеет никаких выгод от него. Потребительский фонд общества в состоянии купить за прежнюю сумму то же количество товаров, отсутствие падения цен в рознице не позволяет увеличивать физические размеры спроса, что могло бы расширить рынок, вследствие чего кризисное состояние затягивается, при огромном увеличении прибылей паразитических организаций торгового посредничества.

9. Монополистический капитализм вызывает рост непроизводительного потребления. Довольно распространенное мнение, что замедление в темпах экономического развития при монополистическом капитализме зависит от увеличения непроизводи-

тельного потребления, как причины, неверно, поскольку здесь следствие выдается за причину.

Не замедление экономического развития вызывается ростом непроизводительного потребления капиталистической системы, а рост непроизводительного потребления происходит вследствие замедления экономического развития, вызванного изменением структуры капитализма[1]. Такое замедление делает бесполезным превращение более значительной доли дохода общества в капитал, потому что и наличные размеры накопления не могут быть полностью использованы при относительном сужении проходов для использования производительных сил общества. Отсюда, в частности, рост расходов на систему обращения, более быстрый рост служащих, чем рабочих, даже в странах с быстрым промышленным развитием, как Соединенные Штаты и т. д.

* * *

В предыдущем нашем изложении мы обрисовали те основные характерные черты, которые отличают хозяйственный цикл при свободе конкуренции от хозяйственного цикла при монополизме. После этих общих положений мы в состоянии теперь дать более обстоятельную и систематически изложенную схему хозяйственного цикла при свободе конкуренции и при империализме. Мы пользуемся в нашем изложении арифметическими иллюстрациями по типу схем II тома «Капитала». Однако арифметические иллюстрации не есть доказательство. Я должен заранее подчеркнуть условный характер этих иллюстраций, которыми я пользуюсь, во-первых, для наглядности изложения, а во-вторых потому, что марксистски грамотный читатель привык уже к такой форме изложения и поэтому легче может усваивать всю ту сложную материю, которой приходится заниматься в теории воспроизводства.

---

[1] Здесь надо еще заметить, что очень важным источником роста непроизводительного потребления является включение в калькуляцию средней прибыли дохода на закрытые отсталые предприятия, вошедшие в трест и получающие своеобразную трестовскую ренту-пенсию, паразитический характер которой особенно очевиден.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СХЕМА ХОЗЯЙСТВЕННОГО ЦИКЛА ПРИ СВОБОДЕ КОНКУРЕНЦИИ

Возьмем в качестве исходного пункта средний год, в течение которого производство развертывалось в условиях пропорциональности между первым и вторым подразделением, и основной капитал воспроизводился лишь в размерах годового износа. Но в дальнейшем мы будем исходить из неравномерности восстановления во времени и увеличения основного капитала, вследствие чего нам надо пойти в анализе дальше марксовых схем II тома «Капитала» и ввести разделение постоянного капитала на основную и оборотную части.

Предположим, что весь основной капитал первого подразделения равняется 10 000 млн. условных ценностных единиц, из которых в резерве 2 000. Износ основного капитала возьмем в среднем в размере 10% от всего основного капитала в течение года, т. е. в размере 1 000. Пусть оборотная часть постоянного капитала равняется 3 000, переменный капитал 10 000 v. Норма эксплоатации—100, норма накопления—половина всей прибавочной ценности, создаваемой в течение года. Основной капитал II подразделения 3 750, из них в резерве 750, годовой взнос основного капитала также 10%, т. е. 375. Оборотная часть постоянного капитала равна 1 125. Переменный капитал—375. Все остальные условия такие же, как и в первом подразделении. Это даст такое распределение всего общественного капитала в цифровом выражении.

I подразделение. Основной капитал 10 000 (в резерве 2 000).

4 000 c (100 основн.[1] + 3 000 оборотн.) + 1 000 v.

II подразделение Основной капитал 3 750 (в резерве 750).

1 500 c (375 основн. + 1 125 оборотн.) + 375 v.

Итог года.

I) 4 000 c + 1 000 v + 500 фонд накопления + 500 фонд потребления капиталистов.

II) 1 500 c + 375 v + 185,5 фонд накопления + 185,5 фонд потребления капиталистов. Валовая продукция I подразделения равна 6 000, второго — 2 250, вся годовая продукция 8 250.

Предположим теперь, что первое подразделение должно выполнить заказ на новый основной капитал в размере 1 500, т. е. несколько больше 10% всего наличного основного капитала об-

[1] Под этим сокращенным термином разумеется стоимость годового износа основного капитала, каковая стоимость входит в валовой продукт и образует часть постоянного капитала.

щества, т.-е. несколько больше всего годового износа основного капитала.

Спрашивается, как и в какой срок мог бы быть выполнен этот заказ при наличии данных размеров капитала и существующего его распределения?

Уже при беглом взгляде на схему видно, что эта задача неразрешима в краткий срок (например в полтора-два года), потому, что распределение капитала в нашей схеме приспособлено к совсем другим размерам спроса на основной капитал. На удовлетворение заказа на основной капитал могла бы итти только та часть фонда накопления I подразделения, которая имеет натуральную форму элементов основного капитала, в данном случае 125, и соответствующая часть накоплений II подразделения, идущих на увеличение основного капитала II подразделения т. е. около 46. Это значит, что для выполнения заказа потребовалось бы около 9 лет. Передвижка вновь привлекаемых рабочих сил на производство основного капитала неосуществима, если мы исходим из постоянного соотношения между размерами производимого основного и оборотного капиталов. Само собой разумеется, капиталистическая система, всегда лимитируемая со стороны платежеспособного спроса и пользующаяся всякой возможностью расширения рынка, не может реагировать на заказ, растягивая его выполнение на 9 лет, да еще в условиях свободы конкуренции.

Фактически дело будет итти иначе, а именно путем использования всех производственных возможностей для выполнения заказа в кратчайший срок, вследствие чего процесс развернулся бы следующим образом.

В I подразделении прежде всего будет пущено в ход все резервное оборудование предприятий, изготовляющих основной капитал. Во-вторых, в этих предприятиях будут введены вторые смены, а где возможно и третьи, вследствие чего тот же основной капитал позволит привлечь к производству немедленно же массу новых рабочих. В-третьих, или в первый же год подъема или несколько позже начнется строительство новых предприятий, изготовляющих основной капитал. В-четвертых, вследствие неизбежного увеличения спроса на натуральные элементы оборотного капитала, т. е. на сырье, топливо и пр., будет пущено в ход резервное оборудование предприятий, изготовляющих элементы оборотной части постоянного капитала, т. е. топливной промышленности, металлургии, лесной промышленности, производства строительных материалов и т. д. В общем, если взять идеальный вариант развертывания I подразделения, то основная тенденция будет клониться к тому, чтобы фонд накопления этого подразделения в максимальных размерах был употреблен на увеличение переменного капитала, а имеющийся в наличности основной капитал был использован до последнего предела. В связи с той же тенденцией будет осуществлено также максимальное использование всех резервов оборотного капитала в натуральной форме, т. е. сведены к минимуму резервы угля, металла и пр., которые переходят в год подъема от года средней конъюнктуры.

Но употребление всего фонда накопления первого подразделения на увеличение своего переменного капитала требует соответственного расширения с II подразделения потому, что тот фонд (в нашем примере 1 000 $v + 500\ m$) имеет натуральную форму средств производства, и должен быть обменен на соответствующее по стоимости количество средств потребления, производимых во II подразделении. Это есть первое препятствие к тому, чтобы весь фонд накопления I подразделения мог быть употреблен на увеличение переменного капитала.

Второе затруднение для реализации такого максимального развертывания производства средств производства заключается в том, что увеличение 1 000 v I подразделения до 1 500 v требует увеличение 4 000 c с 1 до 6 000 c, если все отношения останутся прежними.

Какие же резервы имеет капиталистическая система в первом подразделении для осуществления хотя бы отчасти этой задачи?

Первый резерв заключается в разервах основного капитала. Если бы весь основной капитал I подразделения был загружен полностью и работа в предприятиях шла круглые сутки и до хозяйственного подъема, то для увеличения переменного капитала с 1 000 c до 1 500 c потребовалось бы предварительно увеличить основной капитал наполовину, что было бы экономически невозможно. Капиталистической системе, чтобы создать на 1 500 нового основного капитала пришлось бы произвести предварительно основного капитала на 5 000, в качестве необходимой технико-экономической предпосылки для выполнения заказа. Наоборот наличие резервов основного капитала и возможность перейти на многосменную работу, что в сущности является другой формой резерва того же самого основного капитала, делает эту задачу в основном разрешимой. Это значит, что валовая продукция в той части, в какой она состоит из стоимости износа основного капитала, возрастет в нашем примере с 1 000 до 1 500 без немедленных новых вложений в основной капитал. Таким образом это затруднение более или менее разрешается без особых трудностей.

Следующее затруднение заключается в необходимости увеличить оборотную часть основного капитала с 3 000 до 4 500, т. е. наполовину. Это осуществимо лишь в том случае, если капиталистическая система имеет 50% резервов оборотного капитала в натуральном виде, в данном случае резервов топлива, металла, и дерева, как сырья для тяжелой промышленности, вспомогательных материалов и т. д. Обычно в условиях среднего конъюнктурного года такие запасы достаточно велики, но, разумеется, весьма различны для отдельных видов этих средств производства, например, для угля они не могут достигать полугодового запаса уже по чисто физическим причинам (самовозгорание, отсутствие места для хранения), для других видов топлива могут быть более значительными, как например нефть, для металлов, особенно цветных, еще более значительными и т. д. В целом, однако, такие резервы вряд ли могут достигать в нормальных условиях 50% годового производства накрут. Здесь предприятие для максимально быстрого развертывания производства средств

производства является более значительным, чем в отношении основного капитала, но зато здесь возможно и гораздо более быстрое расширение, если нет затруднений с основным капиталом и есть возможность в необходимом количестве быстро мобилизовать новую рабочую силу. Здесь дело идет главным образом о предприятиях добывающей промышленности, которые либо не нуждаются в сырье, либо имеют собственную добычу сырья, как это часто имеет место в металлургической промышленности, имеющей собственные железные рудники. Во всяком случае для увеличения наполовину оборотной части постоянного капитала совсем не требуется наличие полугодового запаса в отношении производств, которые могут расширять свою продукцию во всякое время года. Иначе обстоит дело с производством такого сырья, как хлопок и технические культуры, или с заготовкой торфа, выдержанной древесины и т. д., когда резкое расширение производства может опираться на резервы лишь одного сезона.

Принимая во внимание и все эти возможности, и все эти трудности можно утверждать, что капиталистическая экономика хотя и имеет тенденцию, при резком расширении темпа воспроизводства, расширить переменный капитал на всю сумму новой прибавочной ценности, однако в полном объеме эта задача неосуществима. Однако для упрощения мы предположим, что эта тенденция реализуется на все 100%.

Посмотрим теперь, как должно обстоять тогда дело во II подразделении, если в первом распределении капитала будет таково: 6 000 c (1 500 основан. + 4 500 оборот.) + 1 500 v.

Если мы предположим, что потребляемая часть прибавочной ценности остается в прежнем отношении с идущей в накопление, то I подразделение потребует от II средств потребления на сумму, равную по стоимости 1 500 v + 750 (фонд потребления капиталистов), т. е. в размере 2 250. Такое огромное увеличение производства во II подразделении возможно лишь в том случае, если и здесь вся накапливаемая часть прибавочной стоимости, в данном случае накопление в размере 187,5, будет прибавлено к переменному капиталу. С точки зрения натурального состава этой ценности это легче для II подразделения потому, что 187,5 m состоят из средств потребления и могут быть прямо употреблены на расширение переменного капитала на основании обмена внутри самого подразделения.

Препятствия для столь быстрого развертывания производства во II подразделении будут заключаться в том, что при этом надо будет столь же резко увеличить постоянный капитал. Что касается основного капитала, то и здесь эта проблема может быть разрешена использованием прямых и скрытых резервов основного капитала совершенно таким же образом, как она решается для I подразделения. Основное затруднение возникает с оборотной частью постоянного капитала потому, что, во-первых, она состоит из средств производства, которые должны быть получены из I подразделения, кроме переходящего производственного резерва, во-вторых, это в значительной части сырье сельскохозяйственного происхождения, количество которого не

может быть быстро увеличено, подобно, например углю или металлу, поскольку это связано с новым сельскохозяйственным годом и с новым урожаем. Впрочем здесь остатки, переходящие от одного года к другому, бывают очень велики, часто достигая 50% годового производства, как показывает статистика товарных резервов.

Предположим, однако, что эта проблема разрешена полностью для обоих подразделений. Мы будем иметь тогда в результате года работы такой результат в обоих подразделениях.

Первое подразделение

10 000 основной капитал 6 000 c (1 500 основн. + 4 500 оборот.) 1 500 v + + 750 m фонд накопления + 750 m фонд потребления капиталистов.

Второе подразделение

3 750 основной капитал 2 250 c (562,5 основн. + 1 687,5 оборот.) 562,5 v + + 562,5 m половина фонда потребления, половина — накопления).

Таким образом и во II подразделении 562,5, основные капиталы, входящие в стоимость валового продукта со стороны постоянного капитала, могут иметь место лишь вследствие более интенсивной амортизации основного капитала. И здесь без прямых и скрытых резервов основного капитала задача столь быстрого развертывания производства и увеличения валовой продукции была бы неосуществима, а тем самым было бы неосуществимо и соответствующее расширение производства и в I подразделении.

Экономический смысл такого напряжения в деле использования старого основного капитала и резервов оборотного заключается в том, чтобы как можно больше мобилизовать живого человеческого труда, который один может создавать новые стоимости, но который не может их создавать без всех необходимых материальных элементов производства.

Из приведенного примера мы видим, что резервы основного и оборотного капиталов при капиталистической системе совершенно необходимы для этой системы, они придают капиталистической экономике необходимую ей эластичность в периоды быстрого циклического расширения производства. Без этих резервов совершенно невозможно существование массового производства на рынок, как невозможно и никакое быстрое расширение производственного аппарата системы. К сожалению, в марксистской литературе, посвященной теории капиталистического воспроизводства, этому вопросу не уделялось должного внимания. Если Маркс отвлекался от этого обстоятельства на первой стадии анализа процесса расширенного воспроизводства, прекрасно понимая всю его важность для теории кризисов, [1] то из этого от-

[1] Вот что писал Маркс об обороте основного капитала и о причинах периодических кризисов.

«...в этом, охватывающем целый ряд лет цикле взаимно связанных между собой оборотов, к которым капитал прикреплен своей основной составной частью, дана материальная основа периодических кризисов, причем предприятие последовательно переживает периоды ослабления, средней деятельности, стремительного размаха кризиса. Хотя периоды вложения капитала весьма различны и далеко не совпадают друг с другом, тем не менее, кризис

нюдь не вытекает, что марксистская мысль должна остановиться на том пункте, где исследование было прервано болезнью и смертью Маркса. Вот почему при помощи схем, игнорирующих и эти резервы, и износ основного капитала не в течение одного года, и неравномерное обновление и увеличение основного капитала, наконец влияние на воспроизводство неравномерности капиталистического развития — вот почему при помощи схем такой степени абстракции и такой степени ученической робости и неумения продвинуться дальше оборванного марксового исследования невозможно понять развертывания ни одного типичного капиталистического цикла, ни одного реального капиталистического кризиса. Однако мы еще вернемся к этому в другом месте.

Обращаясь к нашему примеру, мы видим, что задача создания нового основного капитала в 1 500, т.-е. в размере несколько больше 10% основного капитала всей системы, не может быть разрешена в течение одного года даже при самом интенсивном развертывании производства и при самом идеальном распределении всего общественного капитала применительно к этой цели. Так как дело идет о создании новых стоимостей, а не о превращении старого основного капитала в новый, то для выполнения задачи система располагает, во-первых, 750 *m* фонда накопления I подразделения, предполагая, что в I подразделении будет достигнуто соответствующее распределение труда между отраслями, изготовляющими элементы основного и оборотного капиталов в пользу первых и, во-вторых, она располагает тем, что может дать второе подразделение, которое продавая на 2 250 средств потребления, сможет временно уменьшить закупки элементов основного капитала, превращая свои амортизационные отчисления в денежный капитал с тем, чтобы покрыть убыль основного капитала позже, в обстановке большого предложения основного капитала и при более низком уровне цен на него. По причинам, о которых ниже, эти возможности не очень велики. Кстати, последнее обстоятельство имеет очень важное значение для понимания динамики капиталистических циклов и учета всех ресурсов, которыми располагает капиталистическая система для резкого и внезапного расширения продукции. С другой стороны, этот «заем» из источников основного капитали, если можно так выразиться, способствуя быстрому расширению производства, неизбежно перемещает спрос на основной капитал на другие годы цикла, вследствие чего I и II подразделения оказываются не в одинаковых условиях при восстановлении и увеличении основного капитала. Это, разумеется, не относится к восстановлению той части основного капитала, без которой второе подразделение материально не в состоянии осуществить своего расширения,

---

всегда является исходным пунктом для крупных новых вложений капитала; следовательно, рассматривая дело также и с точки зрения всего общества, он в большей или меньшей степени дает новую материальную основу для следующего цикла. (Umschlugcyclus).

[1] Das Kapital, II, 2—Auflage, S. 156, Hamburg, 1893.

[2] Капитал, т. II, Гиз, 1929, стр. 122

следовательно, пример не подходит к случаю, когда самый заказ на основной капитал исходит от II подразделения.

Система располагает, правда, еще одним резервом: это есть возможность относительно замедленного темпа роста той части прибавочной стоимости, которая идет на потребление капиталистического класса и увеличение за ее счет фонда производительного накопления. В данном случае это означало бы, что в накопление шло бы более 50% прибавочной стоимости, а на потребление—менее 50%. Этот резерв существует, но если принять во внимание рост непроизводительного потребления системы в той его части, которая неизбежна при увеличении производства, то этот резерв будет во всяком случае значительно меньше, чем 750 *m*—500 *m*, т. е. меньше 250 *m*.

Другое дело, если выполнение заказа не обязательно должно означать создание в кратчайший срок нового капитала, когда заказ выполняется отчасти за счет новой прибавочной стоимости, отчасти же за счет временного невосстановления старого основного капитала. Таким комбинированным способом он может быть выполнен быстрее, но это должно растянуть зато время восстановления убыли в старом основном капитале, что неизбежно должно растянуть период всего промышленного подъема в капиталистической системе. Фактически так дело и обстоит при реальном капитализме, вследствие чего отдельный анализ воспроизводства основной и анализ воспроизводства оборотной частей постоянного капитала приобретает исключительно важное значение для понимания капиталистического цикла вообще.

Таким образом при самых благоприятных условиях в первый год будет выполнена только половина заказа на новый основной капитал. К концу года весь основной капитал в I подразделении будет равен в нашем примере 10 750, причем часть этих новых 750 может состоять отчасти из корпусов недостроенных заводов, незаконченных строительством железных дорог и т. д. Проблема увеличения основного капитала на 1 500 может быть разрешена только к концу второго года промышленного подъема, если I подразделение сохранит тот же производственный аппарат, а II подразделение употребит свой фонд накопления, равный половине 562,5 не на увеличение производственного аппарата, что означало бы прежде всего рост с II за пределы 2 250 и что было бы неосуществимо при дефиците в I подразделении на орудия производства, а употребит эту прибавочную стоимость, имеющую натуральную форму средств потребления, отчасти на увеличение совершенно истощенных запасов (если дело идет о продуктах, допускающих хранение) отчасти же перенесет ее в I подразделение для увеличения здесь переменного капитала, в том числе на увеличение переменного капитала вновь строящихся заводов. В случае такого переноса части капитала из II подразделения в I, пропорции в I подразделении должны измениться в сравнении с нашими предположениями в смысле несколько более ускоренного строительства элементов нового основного капитала, в том

числе в первую голову нового основного капитала предприятий, изготовляющих основной капитал [1].

Мы не даем здесь цифровых иллюстраций для различных вариантов всего процесса, а также не будем продолжать наших иллюстраций для следующих лет промышленного подъема, поскольку для дальнейшего мы можем обойтись более кратким изложением самой основной сути дела.

Предположим теперь, что на третьем году хозяйственного подъема I подразделение расширяется главным образом за счет строительства новых предприятий, изготовляющих основной капитал (сроки строительства тогда были гораздо длинней, чем теперь), за счет расширения предприятий, изготовляющих оборотную часть постоянного капитала, за счет восстановления истощенных резервов оборотного капитала в натуральной форме, а также за счет такого увеличения основного капитала, которое неизбежно даже в условиях высоких цен на него, поскольку напряжением резервов старого основного капитала не может разрешить проблемы расширенного воспроизводства в столь большом объеме.

II подразделение расширяет свой производственный аппарат пропорционально росту переменного капитала и потребляемой части прибавочной стоимости I подразделения. Оно увеличивает свой основной капитал также лишь в размерах того, что необходимо и без чего нельзя экономически и технически обойтись, несмотря на рост цен на элементы основного капитала.

Если мы предположим, что в течение третьего и четвертого года подъема производственный аппарат будет расти в объеме использования всех новых накоплений в обоих подразделениях, при неизменности органического состава капитала, то мы будем иметь, отбрасывая единицы и десятки, приблизительно такую схему воспроизводства к концу четвертого года подъема:

I) $7\,200\,c + 1\,800\,v + 900\,m$ (фонд накопл.) $900\,m$ (фонд потр.).
II) $2\,700\,c + 675\,v + 675\,m$.

Такова была бы схема, если бы не было того роста основного капитала, о котором мы только что говорили. Учитывая этот рост, надо предположить более медленный рост с малого, т.-е. постоянного капитала, восстанавливаемого в размере годового его оборота, потому что отложение части новых накоплений в новый основной капитал естественно уменьшает возможность большего увеличения оборотной части постоянного капитала, на кото-

[1] Замечу здесь мимоходом, что все возражения Р. Люксембург, Фрица Штернберга и др. против возможности перенесения избыточного капитала из II подразделения в I, капитала, имеющего натуральную форму средств потребления, с этой стороны вполне мобильного и именно в этой форме необходимого для расширения переменного капитала в I подразделении, доказывает, что возражающие не понимают, что дело идет не о перемещении ткацких станков из текстильных предприятий на кирпичные заводы или металлургические цеха предприятий тяжелой промышленности, а во-первых, о перемещении титулов на доход, и, во-вторых, о таком перемещении добавочных средств потребления в I подразделение, при котором это подразделение может расширить свой переменный капитал, без необходимого при других условиях расширения постоянного капитала II подразделения.

рый приходится большая часть ежегодно воспроизводимого с. Исходя из этих соображений, более правильно будет принят рост производственного аппарата в меньших пропорциях, а увеличение основного капитала системы в больших. Допустим, цифры в схеме будут следующие:

I) 6 000 c 1 600 v 800 m (фонд накопл.) + 800 m (фонд потребл.).

II) 2 400 c 600 + 600 m.

К концу четвертого года подъема мы будем иметь следующее положение. Задача выполнения заказа на новый основной капитал в размере 1 500 выполнена. Основной капитал увеличен в известном объеме еще и под давлением причин, о которых мы только что говорили. В общем он возрос, допустим, до 16 000, вместо прежних 13 750 (колебания здесь возможны вследствие того, что мы не устанавливаем цифры роста резервов оборотного капитала). Новые предприятия, изготовляющие основной капитал, построены и дают продукцию, резервы оборотной части постоянного капитала восстановлены, а также восстановлены резервы средств потребления во II подразделении.

Спрашивается, зачем нужен капиталистической системе столь разбухший производственный аппарат. Переменный капитал возрос с 1 000 до 1 600 в I подразделении, с 375 до 600 во II. Весь производственный аппарат стихийно расширился до таких пределов под влиянием сосредоточения заказа на новый основной капитал в 1 500 на сравнительно узком промежутке времени в течение двух лет. Он расширился так, как если бы заказ повторялся каждые два года. Поскольку этого нет, то теперь 800m фонда накопления I подразделения оказываются лишними и производственный аппарат системы так же стихийно начнет сжиматься, как стихийно он начал расширяться под влиянием большого заказа на основной капитал.

Перед нами с поразительной отчетливостью вырисовывается различное действие на производственный процесс капиталистической и социалистической систем производства. Для социалистической системы, если бы она сменила капиталистическую на гребне подъема перед кризисом, никакого кризисного состояния не могло бы быть. «Излишние» для капиталистической системы 800m, имеющие натуральную форму средств производства, нашли бы свое применение при социалистической системе, работающей непосредственно для потребления, вследствие такого расширения с I/ и с II/, какое только возможно по объективным экономическим причинам, что позволило бы увеличить нормы индивидуального потребления населения и темп всего экономического развития. Частичные затруднения могли бы только возникнуть в распределении отдельных элементов новых средств производства, т. е. одних машин нужно было бы меньше, других больше, нефти больше, угля меньше и т. д. Наоборот, для капиталистической системы эти излишние 800m средств производства превращаются в источник жесточайшего общего экономического кризиса, они являются доказательством расширения производственного аппарата капитализма за пределы рыночного спроса, и стихия кризиса будет безжалостно срезать этот аппарат, временно

вырвавшийся в своем развертывании из структурных лимитов капиталистической системы.

В сущности, если взять материальные размеры перепроизводства, какие мы имеем в нашем примере, то они как будто бы невелики. При общей годовой продукции рассматриваемого года в I подразделении, равной 9 600, что составит менее 10% и еще менее в отношении валовой продукции всего общества, равной 13 200, хотя, разумеется, на рынке элементов основного капитала это перепроизводство будет чувствоваться гораздо острей.

Каков же должен быть предел сжатия для производственного аппарата системы?

Вопрос этот сложен и имеет огромный теоретический и практический интерес. Если брать только материальную сторону дела, то, повидимому, предел сжатия аппарата должен быть следующий. На пятом году цикла и на первом году кризиса производство в I подразделении должно сжаться настолько, чтобы, во-первых, все вообще производство средств производства было уменьшено на 800, с соответствующей перегруппировкой в отношении II подразделения. Во-вторых, в пятый год цикла и в первый год кризиса от четвертого года подъема перейдет нереализуемый остаток в 800 средств производства, т. е. для I подразделения необходимо еще и конъюнктурное сжатие для рассасывания этих 800. Это означает, что уменьшение валовой продукции I подразделения в первый год кризиса только по этим причинам должно достигнуть 1 600. Но это уменьшение продукции в I подразделении должно уменьшить спрос II подразделения на средства производства потому, что это подразделение должно сжаться минимум в пропорции сжатия $V_4 \frac{m}{2}$ I подразделения.

В соответствии с этим сжатие работающего капитала и валовой продукции в первый год кризиса будет выглядеть так:

I) 5 332 c + 1 333 v + 665,5 m (ф. нак.) 665,5 m (ф. потр.) = 8 000,
II) 1 998,5 c + 497 v + 497 m = 2 992,5

Капиталистическая система есть система стихийных закономерностей вообще, в том числе стихийных закономерностей воспроизводственного процесса, она не может регулироваться планово-рационалистическим расчетом. Если она стихийно входит в фазу промышленного подъема, то не может планово-рационалистически выходить и из кризиса. Сокращение производственного аппарата не может остановиться в очерченных рамках, и не только вследствие паники, столь естественной в такое время. Дело в том, что когда II подразделение перейдет на норму обмена с I в размере 1 998,5, вместо 2 400 с последнего года экономического подъема, она будет иметь теперь нереализованный излишек средств потребления в размере 400 с лишним. Правда, в реальной действительности не бывает такого положения, чтобы все циклы шли разделенные по годам и чтобы сжатие I подразделения, а также сжатие II наступило сразу. Но мы вынуждены делать грубые упрощения, необходимые в каждом теоретическом изложении, лишь бы они не искажали существа исследуемых процессов. В данном случае мы исходим все время из упро-

щения, которое допускал и Маркс, рассматривая производственный процесс разделенным на годовые отрезки времени. Вследствие этого в данном случае II подразделение вдруг оказывается с таким огромным нереализуемым количеством лишних средств потребления (не считая обычных резервов), какое не могло бы образоваться в действительности, если бы это подразделение начало приспособляться к изменившейся конъюнктуре при первых признаках кризиса. Это тем более так, что многие предметы потребления вообще не терпят длительного хранения, и в данном случае хозяйство не могло бы накопить, например, почти двухмесячный запас молока, печеного хлеба или вареной колбасы. Однако если не в объеме цифры, фигурирующей в нашем примере, то в какой-либо меньшей цифре указанный нами нереализованный остаток обязательно должен образоваться во II подразделении и должен образоваться как раз вследствие резкого изменения хозяйственой конъюнктуры. Как в I подразделении, в этом ведущем секторе хозяйства и образовался излишек в 800 средств производства и старый производственный аппарат, расширившийся в период подъема, не может быть удержан точно так же, хотя и в порядке зависимости от I подразделения, излишек обнаруживается во II подразделении, и под действием этого будет происходить еще добавочное снижение всего производственного аппарата системы.

Таким образом вышеприведенная схема сжатия производственного аппарата не окончательно. Сжатие продолжится еще на некоторое время, причем инициатива сжатия будет исходить уже из II подразделения. Это добавочное снижение производственного аппарата, приводящее к рассасыванию нереализованного остатка средств потребления, и должно завершить весь процесс свертывания производства. В итоге размеры всего годового производства будут значительно меньше, чем в эпоху подъема, но в то же время несколько выше исходного года цикла.

Из нашей схемы наглядно видно, как вообще может подготовляться и протекать общий экономический кризис и как может создаться положение, когда перепроизводство обнаруживается в обоих подразделениях общественного производства.

Здесь мы исхорим, во-первых, из отмеченного выше упрощения, связанного с делением непрерывного хозяйственного процесса на годовые отрезки времени, во-вторых, мы не принимаем во внимание ни падение цен, ни возможностей расширенного сбыта на внешних рынках.

Что касается деления всего цикла на годовые отрезки времени, то уточнение в этом пункте приблизит цифровые пропорции к действительным, но не может внести принципиальных изменений в ход всего процесса. Наоборот, возможность ослабления кризиса путем открытия новых рынков должна быть принята нами во внимание, потому что, дело идет в данном случае о цикле эпохи свободы конкуренции. Это обстоятельство может и должно игнорироваться только в том случае, если заранее оговорено, что исследование ведется в отношении капитализма, как единого целого, следовательно, с игнорированием внешней торговли, привлечение которой в данном случае ничего не измени

в общих выводах. Поскольку мы исходим из условий конкретного капитализма эпохи свободы конкуренции и из деления его на национальные хозяйственные комплексы, в обстановке существования мелкого товарного производства, то не может игнорировать влияния внешней торговли на характер капиталистического цикла этого периода.

Увеличение возможностей сбыта вовне должно облегчить рассасывание нереализуемых без кризиса остатков: 800 средств производства в I подразделении и 400 с лишним средств потребления во II. Сбыт хотя бы части этих остатков, хотя бы в размере 25% имеет огромное значение для всей системы не вследствие абсолютной величины этого нового рынка, которая является в общем ничтожной (2,7% всей валовой продукции), а вследствие того, что сбыт на внешний рынок позволит в данный момент приостановить сжатие производственного аппарат в обоих подразделениях на уровне более высоком, чем это имело бы место без введения в действие этой запасной пружины капитализма. Важен не этот рынок сам по себе, как ошибочно думала Роза Люксембург, а важно то, что он позволяет обойтись гораздо меньшим сжатием рынка, приобретенного капитализмом внутри его самого, рынка, имеющего несравненно большее значение для капитализма и состоящего в таком расширении обоих подразделений, которое должно остаться и после прекращения подъема, вызванного большим заказом на основной капитал.

Этот заказ втаскивает систему на более высокий уровень расширенного воспроизводства. Сжатие производственного аппарата после выполнения заказа вообще неизбежно, однако это сжатие будет меньше при смягчающих кризис обстоятельствах, а тем самым капитализм в состоянии в большей степени закрепить за собой свой собственный добавочный внутренний рынок, созданный в период подъема. Именно в этом состоит в периоды кризисов главный экономический смысл борьбы за внешние рынки, по абсолютным своим размерам в общем весьма небольшие, и значение которых еще больше уменьшится в период следующего подъема. Разумеется, мы говорим здесь о борьбе за колонии только в связи с проблемой реализации, не касаясь борьбы за сферы вложения капитала, источники сырья, базы военного флота и т. д.

Второй, гораздо более важной рессорой, увеличивающей эластичность капиталистической системы в период кризиса (а также и в при частичном перепроизводстве и депрессии в отдельных отраслях) является снижение цен. До сих пор мы анализировали весь процес воспроизводства в стоимостном выражения, но отвлекаясь от конъюнктурного повышения или понижения цен. Теперь мы должны учесть и это обстоятельство, имеющее особо важное значение в эпоху классического капитализма.

Когда начался подъем в I подразделении, вызванный большими заказами на основной капитал, то это должно было вызвать прежде всего повышение цен на средства производства, и еще большее повышение цен на элементы основного капитала. Это повышение цен на продукцию первого подразделения озна-

чало, что с точки зрения перераспределения общественного капитала I подразделение оказывалось в более выгодном положении: оно продавало свою продукцию II подразделению по более высокой цене, покупало же средства потребления по старой цене. С другой стороны, благоприятная конъюнктура в I подразделении способствовала привлечению в него новых капиталов и другими путями, поскольку норма прибыли здесь повышалась. Когда и II подразделение втягивается в подъем, то цены повышаются также и на предметы потребления. Этот рост цен всего товарного индекса, если повышение является пропорциональным, ставит все отрасли производства в дальнейшем в одинаковые отношения друг к другу, за исключением лишь одной отрасли — золотопромышленности. В этом случае в основе повышения цен лежат два основных факта: 1) Увеличение стоимости товаров вследствие того, что с увеличением общественно-необходимого труда [1] увеличивается средняя стоимость производства, вызванная пуском в ход отсталых предприятий и привлечением менее квалифицированных добавочных рабочих сил, в земледелии — вследствие расширения посевных площадей на менее плодородных землях. 2) Увеличение цен вследствие конъюнктурного превышения спроса над предложением, причем, когда это повышение делается всеобщим, оно превращается просто в падение покупательной способности золота. В этом случае для золотопромышленности создается самая худшая конъюнктура: цены всех элементов производства для нее не возросли, т. е. возросла зарплата, возросла цена элементов основного и оборотного капиталов, а ее продукция «расценивается» по-старому, т. е. из фунта сырого золота чеканится то же самое количество золотых марок, долларов, фунтов стерлингов и т. д.

Когда начинается кризис, то раньше всего он начинается обыкновенно в I подразделении и цены раньше всего начинают падать на средства производства. Временно выигрывает II подразделение, как перед этим выигрывало первое: оно за то же количество единиц денежного капитала приобретает большее количество средств производства в натуральном виде. Но кризисное состояние перебрасывается очень скоро и на II подразделение, которое вынуждено продавать свою продукцию по сниженным, кризисным ценам. Происходит выравнивание отношений между всеми отраслями на базе одинаково сниженных цен, за исключением опять-таки одной золотопромышленности, которая как раз в разгар наибольшего кризиса для всего хозяйства вступает в период процветания. Если цены пали, допустим, на 15% ниже средних, она имеет возможность обновить свой основной капитал и возобновлять элементы оборотного капитала в исключительно благоприятной обстановке, в то время как из фунта добываемого золота попрежнему чеканится одно и то же количество может или получается в обмен одно и то же количество банкнот центральных эмиссионных банков, плюс еще то, что эта отрасль никогда не знает кризиса сбыта на свою продукцию.

[1] Вследствие привлечения менее квалифицированных рабочих сил.

Падение оптовых цен на средства потребления, перебрасывающееся в условиях свободы конкуренции и на розничные цены, встречается, правда, с уменьшением переменного капитала в обоих подразделениях и уменьшением фонда потребления класса капиталистов. Однако сниженные в стоимостном выражении фонды потребления могут купить относительно больше средств потребления в натуральном выражении, а кроме того снижение зарплаты несколько отстает обыкновенно в такие моменты от падения стоимости жизни. Все это в целом является очень существенным фактором смягчения образовавшейся диспропорции и рассасывания нереализованных товарных запасов.

Допустим, в течение пятого года цикла, т. е. в первом году кризиса происходит весь тот первоначальный процесс сжатия производственного аппарата, о котором мы говорили выше, а в течение второго года заканчивается дополнительное сжатие, и ься система приводится к условиям пропорциональности на сниженном уровне воспроизводства. Падение производства достигло своей низшей точки. Какие факторы будут способствовать стихийному выходу из кризиса?

Некоторые из этих факторов мы уже назвали. Это 1) рассасывание товарных излишков вследствие падения цен; 2) увеличение внешних рынков; 3) выступление на рынок золотопромышленности в целях обновления и увеличения основного капитала, а также увеличение ее спроса вследствие роста производства золота, увеличение добычи которого стимулируется всей конъюнктурой; 4) в некоторых случаях некоторые улучшения во II подразделении, если здесь сжатие зашло за пределы необходимого, хотя и сниженного, уровня общественного потребления, 5) но наиболее важным фактором является обновление основного капитала наиболее сильными и жизнеспособными предприятиями, пережившими наиболее острый момент кризиса, в первую очередь предприятиями II подразделения, которые используют наиболее выгодную конъюнктуру для закупок основного капитала вследствие падения цен и вследствие того, что оно имеет неизрасходованные амортизационные фонды основного капитала.

Дело в том, что в период подъема эти предприятия не имели возможности обновить и расширить свой основной капитал в необходимом объеме вследствие напряженного спроса на элементы основного капитала со стороны других заказчиков, слишком высоких цен на него и мобилизации капитала на увеличение переменного капитала. С другой стороны, падение цен на предметы потребления, в условиях сильнейшей конкуренции[1], заставляет приспособиться к такому положению максимальным снижением себестоимости производства.

[1] Маркс, тщательно следивший за ходом всех капиталистических кризисов своего времени, писал об обновлении основного капитала во время кризиса следующее «...конкурентная борьба, в особенности сопровождающаяся решительными переворотами, заставляет заменять старые орудия труда еще до их естественной смерти новыми. Катастрофы, кризисы — вот что главным образом принуждает к такому преждевременному обновлению орудий производства в широком общественном масштабе. (Kapital, B. II, 2 Aufl., S. 141).

Отсюда мы видим, что предприятия второго подразделения обновляют и расширяют свой основной капитал, применяя все новые технические усовершенствования, в другие моменты цикла в сравнении с отраслями, изготовляющими элементы основного капитала. Эти последние обновили свой основной капитал и построили новые предприятия к концу промышленного подъема, тогда как предприятия легкой промышленности приступают к этому (по крайней мере наиболее сильные из них) к концу кризиса, т. е. вслед за золотопромышленностью. Это обстоятельство является очень важным для понимания характера экономического цикла в эпоху свободы конкуренции, и мы еще вернемся к этому вопросу ниже в другой связи.

Если на втором году кризиса начинается процесс такого обновления (а при росте органического состава капитала и неизбежное увеличение) основного капитала на определенных участках хозяйства, то это обстоятельство создает решающий перелом в конъюнктуре. Это обновление и увеличение части основного капитала системы является толчком достаточной силы, чтобы заставить все хозяйство перейти от состояния всеобщего кризиса к депрессии, как первому этапу новой восходящей линии хозяйственной конъюнктуры, как к первой фазе нового промышленного цикла. Перелом распространяется затем и на остальные отрасли хозяйства, увеличение и обновление основного капитала начинается и в других отраслях производства, за исключением пока лишь предприятий, изготовляющих основной капитал, поскольку они обновили и расширили свой основной капитал сравнительно недавно. Но затем, если подъем достаточно сильный, к новому строительству будет сделан переход и в этих отраслях, и вся капиталистическая система снова вступит в эпоху общего подъема.

Из сказанного ясно, почему анализ промышленного подъема начинается с большого заказа на основной капитал. Этого заказа совсем не нужно привносить из-за границы или из некапиталистической среды, апелляция к которой часто является лишь прикрытием незнакомства с динамикой типичного капиталистического цикла и лишь запутывает вопрос. Сосредоточение больших заказов на основной капитал на сравнительно кратком периоде времени, на протяжении 2 — 3 лет, при длине цикла в 8 — 10 лет, вытекает из самой природы капиталистического цикла, как внутренний закон его динамики, в свою очередь определяемой всей структурой капиталистического производства и также и социальной структурой всего капиталистического общества, где господствует частное производство на рынок ради прибавочной стоимости и распределение последней осуществляется в порядке борьбы.

В сущности именно в этот период реализуется в большинстве случаев весь тот технический прогресс, который делается обществом на протяжении хозяйственного цикла, т. е. примерно на протяжении десятилетия.

В нашей экономической литературе вместо вскрытия процесса того, как типичный экономический кризис капитализма имманентно вытекает из общей структуры капитализма, многие

очень часто отделываются простым повторением общего марксистского положения о том, что капиталистические кризисы объясняются противоречием между общественным характером производства и частным характером присвоения. Между тем вся задача как раз и заключается в том, чтобы раскрыть конкретное экономическое содержание этой формулы, причем раскрыть ее как в отношении цикла при классическом капитализме, так и в отношении периода империализма. В данной работе я даю мой вариант построения на эту тему. Я считал бы заслуживающей серьезного внимания только такую критику, которая смогла бы противопоставить этому построению какое-либо другое.

Что касается связи периодичности кризисов с капиталистической структурой, то она для меня прежде всего сводится к установлению причинной связи между неравномерностью восстановления основного капитала и общественными отношениями капитализма. Вообще равномерность в бесплановом хозяйстве может быть лишь исключением. Кроме того в период подъема неравномерность усиливается погоней за прибылью и связанным с этим безудержным расширением производства при благоприятной конъюнктуре; при перепроизводстве сжатие производства диктуется стремлением к спасению индивидуальных капиталов, чем до крайности обостряются размеры кризисной катастрофы для общества.

Из сказанного видно также, что достаточно только одного глубокого хозяйственного кризиса, чем бы он ни был вызван, чтобы все последующие кризисы повторялись периодически. Неравномерность восстановления и особенно увеличения основного капитала в буржуазном обществен является главной непосредственной и ближайшей причиной общих экономических кризисов. Сама же эта неравномерность отнюдь не является, как мы видели, случайностью: случайностью было бы как раз обратное. Только исходя из высказанной Марксом, но недостаточно развитой им мысли о том, что неравномерность восстановления во времени основного капитала является причиной периодичности кризисов, можно не только более подробно объяснить эту периодичность, но и реально доказать, почему не только возможны но и неизбежны общие экономические кризисы при капитализме. В нашей схеме с полной очевидностью показан процесс назревания именно такого общего кризиса.

Вместе с тем мы показали, что такие кризисы неизбежны лишь вследствие капиталистической структуры общественного производства, как стихийного производства на рынок, когда огромное расширение производственного аппарата сталкивается с узким базисом общественного потребления и вся система стихийно стремится восстановить нарушенные условия пропорциональности не путем расширения общественного потребления, а беспорядочным бегством назад ради спасения индивидуальных капиталов. Для производства ради непосредственного расширения потребления системе не имеет непосредственных стимулов, каким является производство ради увеличения прибыли каждого отдельного капиталиста, капитализм восстанавливает равновесие

путем усечения производственного аппарата, что означает как раз неизбежное и сильное сжатие общественного потребления. Происходит сжатие производственного аппарата, развернувшегося в период интенсивного строительства нового основного капитала; тем самым происходит и сжатие общественного потребления, которое при капитализме не является непосредственной целью производственного процесса, а лишь функцией капиталистического производства. Противоречие разрешается не путем расширения потребления, которое могло бы закрепить взятые темпы расширенного воспроизводства, временно вырвавшегося в годы подъема из лимитов обычно недостаточного (структурно недостаточного) платежеспособного спроса при капитализме, а путем сжатия и производства и потребления, т. е. путем задержки развития производительных сил и ограничения потребностей общества.

Из всего выше сказанного особенно отчетливо видна нелепость всяких теорий буржуазных экономистов и критиков Маркса о противоречии между II и III томами «Капитала» в вопросе о причине общих капиталистических кризисов. По этому вопросу замечу следующее. Эти господа, рассматривая схемы воспроизводства II тома «Капитала», исходящие из амортизации всего основного капитала в течение года и из равномерного его восстановления вместе с элементами оборотной части капитала, делают весьма желательный для них вывод о том, что кризисы при капитализме могут происходить лишь от непропорционального распределения общественного капитала между различными отраслями и, что схемы доказывают невозможность общих кризисов. Между тем схемы, которые представляют собой лишь самый общий анализ пропорциональности (а, следовательно, и диспропорциональности) капиталистического воспроизводства, имеют задачей прежде всего показать, как вообще возможно расширенное воспроизводство. Чтобы показать, как возможны общие кризисы при капитализме, надо от схем, вскрывающих общие отношения пропорциональности, продолжить исследование дальше и исходить, во-первых, из того, что основной капитал не амортизуется в течение одного года и, во-вторых, исходить из неравномерности восстановления и увеличения его во времени. Так как Маркс знал о такой неравномерности и ею объяснял периодичность кризисов, то задача заключается в построении схем воспроизводства и схем цикла, которые исходят и из законов пропорциональности, установленных в схемах II тома «Капитала» и из неравномерности восстановления и увеличения основного капитала. Тогда анализ капиталистического цикла, произведенный под этим углом зрения, даст картину назревания типичного периодического общего хозяйственного кризиса, который неустраним для капиталистической системы именно потому, что эта система неспособна на расширение общественного потребления в соответствии с ростом производительных сил. А это значит, что между вторым и третьим томами капитала нет никакого противоречия, а противоречие есть между апологетами капитализма из буржуазных экономистов и критиками Маркса, с одной стороны, и между действительно марксистской

теорией капиталистического вопроизводства и кризисов, с другой [1].

Таким образом мы установили, что скачкообразное восстановление и увеличение основного капитала внутренне связано с самой сущностью воспроизводственного процесса при капитализме, потому что с установлением цикличности расширение и обновление основного капитала неизбежно начинается в золотопромышленности и в легкой промышленности в моменты конца кризиса, при максимальном падении цен на все товары, в том числе на средства производства, а затем распространяется и на другие отрасли. Благодаря этому процесс обновления [2] и увеличение основного капитала сосредоточивается преимущественно на определенных годах всего цикла, вследствие чего весь процесс расширенного воспроизводства принимает скачкообразный характер. Гениальность Маркса проявилась не только в том, что он сумел вскрыть законы пропорциональности капиталистического воспроизводства, но не в меньшей степени и в том, что он успел схватить всю важность для капиталистического цикла факта неравномерности востановления основного капитала, потому что в его время, верней в момент формулировки данного положения (первый набросок сделан в 1863 — 1867 гг.; дополнен

[1] Если искать у Маркса противоречий с тем знанием дела, которое проявляют обыкновенно его критики, то не только схемы воспроизводства II тома окажутся в противоречии с вышеприведенным местом из III тома но они должны находиться в противоречии с другими местами из того же II тома, прежде всего с цитированным выше местом о причинах периодических кризисов. Это «противоречие» для людей, которые не изучают «Капитал» и его проблемы, а только «просматривают» его, либо изучают как Вагнеры из «Фауста», вытекает из того, что схемы II тома исходят из износа и воспроизводства основного капитала в один год, вследствие чего плавно происхдоит и его увеличение пропорционально темпам всего накопления Все это гармоническое развертывание производства исчезает, как только упрощающая дело предпосылка о ежегодном износе всего основного капитала заменяется другой предпосылкой, соответствующей условиям реальной действительности, а именно положением о том, что основной капитал амортизуется в течение года лишь в одной своей части, что воспроизводится и расширяется он неравномерно, что условия его воспроизводства отличны от воспроизводства оборотной части постоянного капитала и что в этой неравномерности лежат ближайшие причины общих кризисов, и основные причины их периодичности. Все это было известно Марксу. Однако если он не построил схем с учетом и этого осложняющего обстоятельства, то по той же причине, по которой вообще не закончил своего великого труда. Но эта незаконченность означает апелляцию к уму, а не к глупости последующих поколений экономистов, за исключением, разумеется, тех, которые тупы по причинам социально классового характера. Из всех видов критики самой неприятной является та, которая противопоставляет у автора не одну систему взглядов другой, находя в них действительные противоречия, а противопоставляет одну стадию исследования другой. Кажется, что критики этого рода делают такое противопоставление, как раз потому что они знают, о чем идет речь и здесь и там. На самом же деле они потому и находят противоречие между началом и концом, что как следует не знают ни начала, ни конца, потому что не понимают всего целого.

[2] Здесь необходимо заметить следующее. Обновление основного капитала, в условиях быстрого прогресса техники, неизбежно превращается и в увеличение общей массы основного капитала вследствие повышения органического состава капитала вообще. От этого надо отличать простое увеличение основного капитала прежего технического качества. В данном случае дело идет об обновлении основного капитала, за исключением пока предприятий, изготовляющих основной капитал.

в начале 70-х годов), производство основного капитала оказывало значительно меньшее влияние на производственный процесс, чем в последующие десятилетия капиталистического развития.

Но все вышесказанное отнюдь не означает, что кризисы и кризисные состояния в капиталистической системе имеют только указанную нами до сих пор причину. Анархия производства при частном руководстве предприятиями, но при общественном характере производства в его целом и сложности отношений пропорциональности неизбежно создает предпосылки не только для вышеуказанной, но и для других причин кризисов. Однако эти другие диспропорции обычно оказывают свое действие уже в рамках сложившейся цикличности всего процесса и либо усиливают, либо уменьшают процесс расширения или сжатия производства [1]. К этому присоединяется еще влияние природных условий на воспроизводственный процесс. Например, неурожай сырья и продуктов питания сельскохозяйственного производства может уменьшить диспропорцию, если общий кризис перепроизводства уже налицо, а урожай, наоборот, может только увеличить нереализуемые массы товаров. В момент развертывания производства и недостатка ряда элементов производства влияние в одном случае урожая в другом неурожая, будет, разумеется, совсем противоположным.

В этом же духе оказывает влияние неравномерное развитие капитализма на территории земного шара, в частности весьма неравномерное поступление заказов из отсталых стран в индустриальные страны при постройке в первых странах железных дорог, новых предприятий и т. д.

[1] Фриц Штернберг пытается спасти хотя бы отчасти позицию Розы Люскембург ссылкой на то обстоятельство, что при росте органического состава капитала в обоих подразделениях второе подразделение должно накоплять быстрей (в натуральной форме средств потребления), и это должно служить постоянной причиной кризиса перепроизводства. Настоящее мое изложение является ответом и на все ошибки Ф. Штернберга (см. его доклад и заключительное слово в Комакадемии, напечатанное отдельной книжкой под названием: «Империализм и кризисы»). Замечу здесь только, что если отмеченная мною и им эта причина диспропорции не ликвидируется перенесением капитала из II подразделения в I, то вполне возможно, как я показал, то эта диспропорция тонет в той, более глубокой и циклически воспроизводимой диспропорции, которая лежит в основе наиболее типических общих кризисов в капталистическом хозяйстве, вызванных специфическими условиями воспроизводства и расширения основного капитала системы.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СХЕМА ХОЗЯЙСТВЕННОГО ЦИКЛА ПРИ МОНОПОЛИЗМЕ

После нарисованной картины нарастания хозяйственного подъема и подготовки общего кризиса при свободе конкуренции гораздо легче проследить изменение цикла при монополизме.

С точки зрения методологической необходимо различать, так сказать, общеродовые черты капиталистической структуры и процесса капиталистического воспроизводства от всего того специфического и особенного, что порождается монополистическим перерождением производственной системы капитализма.

Что остается и что меняется?

Остается индивидуально-частное или частно-групповое руководство общественным производством и частный характер присвоения. Остается анархия производства и закон стоимости как стихийный регулятор хозяйственной жизни, но вследствие переплетения свободы конкуренции с монополией его действие задерживается и искажается. Монополизм портит механизм стоимостного регулирования, но неспособен, разумеется, осуществить планового руководства производственным процессом. Система регулирования, которая отошла от условий свободы конкуренции и не пришла к организованному плановому руководству, увеличивает хозяйственную дезорганизацию в капиталистическом обществе, взятом как целое, и усиливает закупорку в развитии производительных сил.

Остается основное противоречие капиталистической системы как производства на рынок для получения прибыли, а, следовательно, и лимит для развертывания производства, создаваемый размерами платежеспособного спроса. Но условия для увеличения емкости этого рынка изменились, препятствия для его расширения умножились. Погоня за прибылью осталась, но, при наличии монополистических тенденций и при огромной концентрации капитала и чрезвычайного укрупнения предприятий, новое строительство крайне затруднено, анархически-партизанское гюндерство, ориентирующееся на будущий спрос и осуществляемое в условиях ожесточенной конкуренции и под ее давлением, уже не является столь мощным толчком для соединения новых и новых средств производства с рабочей силой ради получения прибыли. Экономическое развитие капиталистического общества замедляется, кривая подъема все больше поворачи-

вается к прямой простого воспроизводства, с соответствующими изменениями в условиях пропорциональности во всей системе и при неизбежном в таком случае росте непроизводительного потребления капиталистического общества за счет накопления.

Капиталистический класс, как в эпоху свободы конкуренции, стремится всеми доступными средствами уменьшить фонд заработной платы, но теперь соотношение сил меняется к невыгоде рабочего класса, средняя заработная плата в исключительных случаях растет, чаще остается стабильной, а в последние годы особенно с обострением общего кризиса капитализма, начинается всюду падать, что закупоривает развитие вследствие приостановки роста платежеспособного спроса, создаваемого переменным капиталом.

Для капиталистической системы необходимы резервы основного капитала и переходящие запасы как средств потребления, так и элементов оборотной части постоянного капитала, без чего невозможно быстрое циклическое развертывание. Однако, это стремление к увеличению резервов основного капитала достигает при империализме чудовищных размеров. Стремление убить всякую конкуренцию в отраслях, охваченных монополистическими объединениями, и удовлетворить весь общественный спрос даже в периоды оживления и подъема приводит к огромному накоплению избыточного основного капитала, переходящему в прямое его омертвление, при одновременном омертвлении все более растущей части рабочих сил общества. Это омертвление, с одной стороны, есть следствие общей закупорки всего процесса экономического развития, а с другой стороны, превращается в сильнейший тормоз для развязывания циклических подъемов и для прогресса техники.

Общее для всякого капитализма стремление к прибыли при свободе конкуренции приводит часто к необходимости снижения цен через снижение себестоимости, достигаемой расширением производства и улучшением оборудования, в то время как при монополизме та же цель гораздо чаще достигается путем удержания прежних цен, сокращением предложения и, если нужно, сокращением производства.

В итоге все эти факторы, из которых один являются причинами замедления экономического развития общества, другие же его следствиями, изменяют характер хозяйственного цикла при монополизме и характер экономических кризисов.

Постараемся теперь выяснить эти особенности цикла при монополизме, сводя к минимуму числовые иллюстрации и избегая ряда частностей, относящихся к делу. При нашем анализе надо иметь в виду, что дело идет о мировом хозяйстве с очень неравномерным развитием капитализма в отдельных странах.

Спрашивается, какие величины должны были бы измениться в нашем примере, если бы мы его конструировали применительно к экономике империализма.

Эти изменения заключаются в следующем.

1. Должен быть взят более высокий органический состав капитала, т. е. допустим, вместо прежнего отношения C к V, равного 4 : 1, следует взять 5 : 1.

2. Должна быть взята гораздо большая ценность всего основного капитала в абсолютных цифрах и увеличено отношение между стоимостью основного капитала и валовой продукцией общества. Теперь мы примем условно стоимость основного капитала в 20.000.

3. Необходимо взять гораздо более высокие резервы основного капитала, примерно 6 000.

4. Относительное увеличение в общей сумме ежегодно воспроизводимого постоянного капитала стоимости износа основного капитала в сравнении со стоимостью оборотного.

5. Увеличение резервов оборотного капитала в сравнении с эпохой свободы конкуренции.

6. Более медленное увеличение переменного капитала в период подъема в сравнении с ростом не только валовой продукции в ее натуральном выражении, но и в ее стоимостном выражении вследствие увеличения производительности труда и повышения органического состава капитала.

7. Увеличение непроизводительного потребления за счет накопления. Однако в нашем примере мы оставим прежнюю долю накопления, чтобы отчетливей показать зависимость происходящих изменений в цикле не от этого фактора, который сам является производным, а от других причин.

Из двух возможных причин промышленного подъема неравномерности восстановления и увеличения основного капитала во времени и неравномерности темпов развития капитализма вообще, т. е. развития одной части капиталистического целого за счет другой, мы рассмотрим сначала первый случай, который не требует конструирования двух разных схем: одной для более быстро развивающейся части капитализма и другой — для стран, приостановивших свое развитие, либо находящихся в состоянии хозяйственного регресса.

Предположим теперь, что исходным пунктом подъема и в данном случае является заказ на новый основной капитал в размере 1 500. Как будет развертываться теперь промышленный подъем?

Ясно, что выполнение такого заказа легче для системы империализма, потому что он раскладывается на аппарат гораздо большей мощности, с большим удельным весом предприятий, изготовляющих основной капитал, с большими резервами основного капитала в работающих предприятиях, с большими резервами оборотного капитала в его натуральном виде. При таком положении для выполнения заказа нет необходимости в широком новом строительстве предприятий, изготовляющих основной капитал, как и нет к этому стимула в виде конкуренции разрозненных и борющихся на рынке индивидуальных предприятий.

Здесь возникает сейчас же вопрос: правильно ли брать для нашего примера ту же абсолютную цифру заказов на основной капитал? Не получится ли тогда, что изменения в цикле происходят от относительного уменьшения этой цифры заказов в сравнении с возросшим производственным аппаратом системы, а не от изменения в структуре капиталистической экономики?

Мы берем не случайно ту же абсолютную сумму заказов на новый основной капитал, так как дело идет об условиях, когда относительная доля скачкообразно увеличиваемого основного капитала, в сравнении с размерами наличного основного капитала, падает вследствие замедления темпа общественного развития, а кроме того изменяются условия создания нового основного капитала во времени. Впрочем, из дальнейшего будет ясно, что мы могли бы скорее исходить даже из меньших размеров единовременного заказа на основной капитал.

Посмотрим, почему система может легче справиться с таким заказом и при менее значительном расширении всего производственного аппарата.

Возьмем в качестве примера следующую цифровую схему.

Первое подразделение. Работающий основн. капит. 20 000, в резерве 35% 6 000 c (2 000 осн. 4 000 обор.) 1 200 v + 1 200 m.

Второе подразделение. Работающий основной капитал 6 000, в резерве 35% 1 800 c (600 осн. 1 200 оборот.) + 360 v + 360 m.

Уже из этой схемы видно, почему мы исходим из нового заказа на основной капитал в размерах прежнего примера, относящегося к эпохе свободы конкуренции. При огромных резервах основного капитала, составляющих характерную черту монополизма, и при существовании монополистических трестов в основных отраслях производства, прежде всего в тяжелой промышленности, создание новых больших масс капитала в короткие сроки не вызывается экономической необходимостью, особенно при перемещении во времени главной массы заказов на него.

Выполнение заказа с точки зрения создания новой стоимости, т.-е. создания нового основного капитала общества, и при империализме имеет тот же самый источник, каковым является фонд накопления первого подразделения, плюс та часть накоплений второго подразделения, которая может превратиться в основной капитал лишь после размена соответствующей части средств потребления на элементы основного капитала, в натуральной форме создаваемые только в I подразделении и только в определенных его отраслях.

Что же касается выполнения заказа, исходя из возможности «займа» у старого основного капитала системы, то теперь эти возможности гораздо более значительны. При этом предполагается, что этот «заем» означает более быстрое выполнение заказа с точки зрения изготовления необходимых элементов основного капитала в их натуральном, в их материальном виде, с растягиванием во времени создания новой стоимости, тем самым с удлинением срока промышленного подъема. Вторая часть этого подъема пойдет на восполнение убыли в основном капитале, который использовался с большим напряжением. В этом сдвижении сроков и заключается одно из самых существенных изменений, которое происходит в хозяйственном цикле монополистического капитализма.

Обращаясь к нашему примеру, мы можем представить себе выполнение заказа в течение примерно одного года следующим образом.

Допустим, что производственный аппарат в I подразделении расширяется следующим образом. Переменный капитал увеличивается на 25%, т.-е. возрастает с 1 200 до 1 500. Из фонда накопления, составляющего производственный годовой итог исходного года, 300 идет на увеличение переменного капитала I подразделения и 300 на увеличение постоянного капитала. Постоянный капитал (при том же органическом составе капитала) увеличивается с C 6 000 до 7 500. Из этих добавочных 1 500 с 300 покрывается из прибавочной ценности, 500 получается вследствие увеличения амортизации более интенсивно используемого основного капитала I подразделения и 700 вовлекается из резервов оборотной части постоянного капитала. Во всяком случае вовлечение в работающий капитал 700 из резервов оборотной части постоянного капитала, при достаточных резервах основного капитала, есть проблема, которая решается теперь гораздо легче, чем в эпоху свободы конкуренции. Из годовой продукции первого подразделения исходного года, т.-е. из 8 400 это составит немногим более 8%. Во всяком случае мобилизация таких резервов, при мощности производственного аппарата монополизма, может обойтись без нового строительства, тем более, что такое строительство до крайности затруднено ограничением свободы конкуренции и свободного грюндерства. Наоборот, в эпоху свободы конкуренции как мы видели, новое строительство начинается уже на первом году, в крайнем случае на втором году промышленного оживления.

При темпе расширения, которое вытекает из взятых нами цифр, и предполагая расширение II подразделения пропорционально I, мы будем иметь следующий итог первого года хозяйственного подъема:

Первое подразделение.

7 500 *c* (2 500 основ. 5 000 обор.) + 1 500 *v* + 750 ф. накл. + 750 ф. потребл. капиталистов.

Второе подразделение.

2 250 *c* (750 основ. + 1 500 оборот.) + 450 *v* + 450 *m*.

В сравнении с исходным годом перед промышленным подъемом средств производства будет создано 10 500, против 8 400, т.-е. на 2 100 больше. Если из прироста переменного капитала II подразделения на 300 на увеличение предприятий, изготовляющих основной капитал, пойдет 200, то при отношении с kv, равном 5 : 1, это даст 1 000 элементов добавочного основного капитала, который может быть создан внутри I подразделения в результате развертывания именно этих отраслей; а нехватающие 500 могу быть покрыты либо путем займа у основного капитала I подразделения, либо путем займа у основного капитала II подразделения, вследствие чего II подразделение продаст в I средств потребления в размере необходимых 2 250 в течение года, но купит для возмещения основного капитала лишь на 250 из 750, от-

кладывая 500 в форме денежного капитала. Либо наконец эти недостающие 500 могут быть покрыты «займом» из основного капитала обоих подразделений в разных пропорциях, что будет означать перевод в денежный капитал амортизационных отчислений на эту сумму, с тем, что восстановление основного капитала в натуральном виде на эту сумму переносится на следующий хозяйственный год.

В реальной действительности такие операции происходят всегда. Маркс называл это процессом высвобождения капитала. В данном случае дело идет о высвобождении части основного капитала, который принимает форму денежного капитала и принимает снова натуральную форму основного, когда амортизационные фонды употребляются на заказы нового основного капитала. Возможность маневрирования амортизационными фондами основного капитала вообще является очень важной рессорой в системе капиталистического воспроизводства, увеличивая его эластичность в периоды циклических подъемов.

Как бы ни распределился этот «заем» у основного капитала между обоими подразделениями, ясно, что в течение второго года подъем должен продолжаться. Однако базой для этого подъема будет теперь не выполнение того заказа, с которого началось оживление, поскольку материально этот заказ уже выполнен, а покрытие «займа» у основного капитала системы на 750, т. е. воссоздание израсходованных старых стоимостей, а не производство новых стоимостей на эту же сумму. В этом случае, если в I и II подразделениях уровень производства остается такой же, как и в первом году подъема, фонд накопления I подразделения пойдет на пополнение убыли в основном капитале там, где эта убыль образовалась.

Пополнение этой убыли может быть сделано накоплениями одного только первого подразделения, но это необязательно. В этом может участвовать и второе подразделение, несмотря на другую натуральную форму своей продукции. Я уже указывал выше, что препятствия для перенесения новой стоимости из II подразделения в I вполне преодолимы и лишь при чисто ученическом отношении к букве марксовых схем из II тома «Капитала» можно усматривать здесь непроходимые трудности. Практически этот вопрос в разных условиях решается по разному. Но если бы даже II подразделение не участвовало ни в «займе» у старого основного капитала, ни в его покрытии, то весь процесс создания нового основного капитала не только с натуральной стороны, что само собой разумеется, но и со стороны создания новых стоимостей лег бы только на I подразделение. В этом случае подъем дольше затянулся бы в I подразделении, а кризис раньше бы начался во II, если размеры увеличенного производства в I подразделении оставались бы теми же.

Но при том или другом ходе всего этого процесса с окончанием заказа и с восполнением убыли в старом основном капитале производственный процесс вступает в новую фазу. В эпоху свободы конкуренции эта новая фаза есть общий кризис, потому что все возможности расширения производственного аппарата в связи с ростом рынка исчерпаны и дело может итти лишь о рес-

сорах, которые способны смягчить кризис, как напр. открытие новых рынков в других странах.

Наоборот, в эпоху империализма цикл подъема еще не закончен, потому что предприятия, изготовлявшие основной капитал, а также предприятия других отраслей, не увеличивавшие своего основного капитала, еще имеют стимулы для увеличения производственного аппарата именно в этой части. Если мы предположим для упрощения, что заказ на новый основной капитал выполнялся не только ресурсами I подразделения, но и ресурсами II подразделения, то теперь он равен 21 000 вместо старых 20 000, т.-е. он далеко еще не достиг увеличения, пропорционального увеличению оборотной части постоянного капитала и увеличению переменного капитала. При сохранении прежних пропорций он должен был бы равняться 25 000. Мы не говорим уже о том, что такие же стимулы к увеличению основного капитала есть и во II подразделении. Вот это-то увеличение основного капитала и есть *последний резерв промышленного подъема при империализме*. Необязательно, чтобы увеличение осуществлялось в указанных пропорциях, в этом нет никакой экономической необходимости, но в каком-то размере это увеличение может и будет происходить.

Из этого видно, что кризис может развернуться в полном объеме лишь после исчерпания этого последнего ресурса для промышленного подъема. Совершенно не исключен при этом такой вариант, что этому кризису будет предшествовать кратковременная депрессия, происхождение которой может быть следующее. Если после исчерпания первого толчка к подъему кризисное состояние обнаружится раньше всего во II подразделении, то оно прежде всего вызовет кризисное состояние не во всем I подразделении, а в отраслях, изготовляющих средства производства для II, прежде всего в отраслях, изготовляющих сырье, как хлопок, кожа и т. д. Но если I подразделение вступит во вторую фазу подъема т. е. начнется увеличение основного капитала системы, то I подразделение временно придушит депрессию. В этом случае кризисное состояние во II подразделении будет преодолено либо путем увеличения спроса на предметы потребления из I, либо путем переноса из II подразделения в I не используемой полностью части фонда накопления II, что будет высвобождать в I подразделении часть переменного капитала, имеющего натуральную форму средств производства, в том числе элементов основного капитала.

Если мы предположим, что эта вторая стадия подъема длится два года и вся прибавочная стоимость и I и II подразделения мобилизуется на увеличение основного капитала системы, и что пределом развертывания является добавочное увеличение основного капитала на 1 750, то кризис разразится к концу 4-го года подъема. Кризис разразится потому, что на 5-м году цикла 750 *m* I подразделения, имеющие натуральную форму средств производства, не найдут себе применения ни в I, ни во II подразделении. Вследствие же перехода I подразделения к автоматическому сжатию производства не найдут себе применения не только 225 средств потребления, составляющие фонд накопления II подраз-

деления, но не найдет рынка и часть тех 2 250 с II, которые составляли на протяжении всего периода подъема обменный фонд II подразделения с I.

Итак мы видим, что особенность кризиса при монополизме, в сравнении с эпохой свободы конкуренции заключается, во-первых, в перемещении времени восстановления и увеличения основного капитала на другой момент всего цикла, что связано с охватом монополиями основных отраслей производства и с огромными резервами основного капитала к периоду начала хозяйственного подъема.

Вторая особенность кризиса заключается в том, что он может начаться внезапно, когда достигнутые размеры расширения производственного аппарата кажутся прочным завоеванием всей системы, результатом органического роста внутреннего рынка, а не результатом временного циклического расширения. В противном случае увеличение основного капитала системы во второй фазе подъема вообще не имело бы смысла, и не имело бы места в действительности за отсутствием необходимого стимула к этому.

Третьей особенностью цикла является то, что увеличение основного капитала во вторую фазу подъема происходит в условиях, когда система справляется с возросшим спросом без того напряжения, которое характерно для эпохи свободы конкуренции. Весь процесс может протекать без резкого увеличения цен на элементы основного капитала, вследствие чего и самый кризис тем более кажется внезапным и необъяснимым из предыдущей конъюнктуры.

Наконец четвертая особенность цикла может заключаться в том, что между переходом хозяйственного подъема из первой фазы во вторую, вследствие происходящей здесь перестановки в распределении производительных сил, этой второй фазе подъема может предшествовать кратковременная депрессия, которая быстро затем преодолевается, причем экономический смысл и этой депрессии также оказывается мало понятным для конъюнктурных обозревателей, как и причины следующего затем подъема и кризиса.

В случае, если первоначальной причиной подъема является не единовременный большой заказ на основной капитал, а внезапное расширение внешней торговли, позволяющее развертывать производство на всю сумму новых ежегодных накоплений, то тогда процесс будет развертываться следующим образом. Если внешняя торговля будет увеличиваться за счет экспорта средств производства, прежде всего элементов основного капитала, то картина будет приближаться к той, которую мы только что обрисовали при анализе первого варианта. Разница будет в том, что отложения нового основного капитала в натуральной форме будут делаться в первой фазе подъема не внутри системы, а за ее пределами, что может увеличить ресурсы подъема в его второй стадии. Причины этого ясны из предыдущего. Если экспорт будет расти пропорционально и в отношении продуктов потребления и

средств производства, то ресурсы наличного основного капитала будут использоваться равномерней в обоих подразделениях и во второй фазе подъема увеличение основного капитала системы также развернется равномерней в обоих подразделениях. На первой фазе оба подразделения будут развертываться, используя свои накопления и создавая элементы нового добавочного внутреннего рынка.

Когда развертывание выйдет за пределы первоначального толчка, стимулировавшего подъем, когда оно выйдет за пределы добавочного рынка, созданного этим подъемом и когда назревающий кризис будет приглушен увеличением основого капитала и тем самым на время отсрочен, то после исчерпания этого последнего резерва высокой конъюнктуры начнется общий кризис. Он начнется с I подразделения, где расширившийся производственный аппарат, с окончанием полосы больших заказов, окажется в таком объеме излишним, начнется сокращение производства, уменьшение занятой рабочей силы и фонда заработной платы, а вследствие такого сжатия в I подразделении начнется кризис и во II.

Этот второй вариант хозяйственного подъема и кризиса возможен в случае, когда одна часть капиталистического целого развивается за счет другой части, т. е. возможен и даже неизбежен на основе закона неравномерного развития (и неравномерного загнивания) капитализма. В этом случае весь процесс рисуется в таких основных чертах. Часть капиталистического целого, развивающаяся за счет другой его части, получит возможность развертываться в размере всех своих накоплений. В этом случае для «преуспевающей» части капитализма будет ослаблена та структурная закупорка в развитии производительных сил, которая еще более усиливается при системе монополизма. Для цифровой иллюстрации такого развертывания можно было бы взять исходный год нашего последнего примера, относящегося к первому варианту цикла при монополизме, и допустить пропорциональное развертывание двух подразделений по типу марксовых схем расширенного воспроизводства (рисующих идеальную для капитализма картину расширенного воспроизводства, когда половина всей вновь созданной прибавочной стоимости идет в накопление, т. е. вся ситема развертывает свое хозяйство плавно и с очень большой быстротой). После 3 — 4 лет такого плавного развертывания весь производственный аппарат увеличивается: в первый год на 600 в I подразделении и на 150 во II. Второй год I подразделение увеличивается на 650 и II на 162,5 и т. д.

Когда таким образом через 3 — 4 года производственный аппарат возрастет примерно на 20 — 25%, т.-е. в размере приблизительно того резкого, скачкообразного роста, который изображен в нашем 1-м варианте развертывания, и когда будут исчерпаны те источники подъема, которые вытекали из неравномерности капиталистического развития и увеличения внутреннего рынка, то капиталистическая система приступит к увеличению основного капитала, размеры которого будут приводиться в соответствие с общим расширением производства и производ-

ственного аппарата. В этом случае кризис разразится тогда, когда этот процесс увеличения основного капитала будет закончен.

В нашем примере, если подходить к делу формально и догматически, кризис должен наступить, когда основной капитал возрастет на 20 — 25%. Такие размеры увеличения основного капитала (необычайно высокие для капитализма), конечно, необязательны, как условны и все приводимые здесь цифровые примеры.

Теперь возникают следующие вопросы.

1. Какой вариант подъема из двух выше обрисованных ближе к существу монополизма и реальной исторической действительности?

2. В чем состоит основное различие в характере цикла при монополизме в сравнении с периодом свободы конкуренции?

3. Где могут заключаться источники выхода из того хозяйственного кризиса при монополизме, который мы здесь обрисовали?

Я считаю, что первый вариант подъема возможен при империализме, но не типичен для империализма, как он типичен для эпохи свободы конкуренции, где цикл, начатый большим заказом на основной капитал, после периода подъема, а затем кризиса, снова вступает в период нового обновления и увеличения основного капитала и весь круг оказывается замкнутым и основные процессы очевидными. Для империализма такой толчок, вызванный большими заказами на основной капитал, не исключен для одной части капитализма, если этот заказ сосредоточивается в определенных пунктах и в определенных отрезках времени за счет другой части мирового капитализма. Но этот случай не является типическим, потому что если в основе подъема одной части капитализма лежит задержка развития другой его части (которая может быть отчасти втянута в оживление из главного источника хозяйственного подъема), то дело будет итти, вероятно, о расширении рынка не только на основной капитал, но и на другие элементы производства, а также и на средства потребления. С этой стороны второй вариант является, пожалуй, более типичным.

Основное различие в характере цикла заключается в том, что при свободе конкуренции новое строительство начинается с развертыванием подъема, обусловленного как менее значительными резервами старого основного капитала, так и всей обстановкой эпохи свободы конкуренции, стимулирующей такое строительство по указанным выше причинам и поднимающей его на максимальную высоту. Цикл начинается сосредоточением на небольшом сравнительно промежутке времени больших заказов на основной капитал, и новый цикл начинается с процесса обновления и увеличения основного капитала в условиях кризисного падения цен. Наоборот, при монополизме обновление и увеличение основного капитала происходит во время самого подъема, главным образом во второй его фазе, перед кризисом, и тем самым вся система теряет основной стимул к быстрому подъему, который существовал при свободе конкуренции и периодически воспроизводился на определенной ступени развития цикла. При моно-

полизме, вследствие перемещения процессов увеличения основного капитала на конец подъема, самый подъем может затянуться, кризис может быть отсрочен, но зато система теряет важный рычаг для выхода из кризиса.

Из предыдущего видно, что перемещение процессов увеличения основного капитала на другую ступень экономического цикла ведет к двум вышеописанным особенностям кризиса при империализме. Ниже я останавливаюсь на третьей особенности кризиса при империализме, который, в отличие от эпохи свободы конкуренции, может не сопровождаться вначале кредитным кризисом. Более подробно об этом будет сказано в другом месте.

Что касается условий для изживания кризисов и предпосылок для нового подъема, то в характере хозяйственного цикла при империализме лежат как раз предпосылки для обратного: предпосылки для затяжки кризиса, поскольку система не сможет выйти из кризиса теми путями и методами, которые были возможны в условиях классического капитализма. Система входит в кризис уже после увеличения основного капитала, который лежит теперь тяжелой гирей и затрудняет движение вперед. В системе монополизма, ослабляющей движущие пружины развития и усиливающей элементы закупорки производительных сил, лежат, наоборот, условия для удлинения срока кризиса. Кризис должен ликвидировать то разбухание производственного аппарата, которое было связано со специфическими и преходящими причинами, вызвавшими хозяйственный подъем. Когда размеры производства будут сброшены на соответственный уровень, после этого может начаться медленное оживление, гораздо более медленное, чем в эпоху свободной конкуренции, поскольку элементы закупорки производительных сил действуют теперь несравненно сильней, чем в эпоху свободы конкуренции. Капиталистическая система будет все больше и больше склоняться к условиям простого воспроизводства.

Ситуация могла бы измениться лишь в случае мировой войны и создания более благоприятных условий для одной части капитализма за счет другой (однако при замедлении темпа развития для всего капитализма в целом), либо в случае каких-либо новых технических изобретений исключительного значения, которые привели бы к быстрому моральному износу значительной части старого основного капитала и открыли бы новый рынок для отраслей, изготовляющих основной капитал. Все это могло бы подтолкнуть к выходу из кризиса, но не изменило бы нисколько тех общих причин, которые ведут при монополизме к переменам в характере хозяйственного цикла и с небывалой остротой ставят для капитализма проблему все растущей его беспомощности в деле выхода из кризисного состояния. Капиталистическая экономика в период империализма все больше и больше начинает напоминать машину, в которой увеличение двигательной силы все в большей и большей степени съедается увеличением силы трения.

В случае отсутствия стихийных толчков описанного выше типа, капиталистическая система, как мы сказали выше, будет иметь тенденцию вернуться к уровню производства, существовав-

шему до подъема, и вообще к условиям простого воспроизводства. Восстановление основного капитала будет тяготеть к размерам средней годовой амортизации, и именно здесь кризисное сжатие найдет свой предел в движении кривой производства вниз. Производство средств потребления снизится до уровня, существовавшего до подъема, плюс добавочный спрос на необходимейшие предметы потребления со стороны возросшего народонаселения. Однако здесь возможен даже и регресс, если дело закончится снижением общего уровня заработной платы, и капитализм вступит в эпоху насильственного снижения уровня потребности рабочего, сложившегося в предшествующую эпоху. Производства элементов оборотной части постоянного капитала будут колебаться в пределах, лимитированных вышеназванными границами. В целом это означает, что система вступит в период длительной послекризисной депрессии, причем эта депрессия будет носить совершенно иной характер в сравнении с депрессией эпохи свободы конкуренции. Депрессия в эпоху классического капитализма означала определенный момент в развитии цикла, а именно тот момент, когда кризисное сжатие производственного аппарата в основном закончилось, когда начался спрос на основной капитал со стороны предприятий, приспособляющихся к низкому уровню цен и когда вследствие этого вновь начинается движение по восходящей линии, хотя еще довольно медленно. Депрессия, которая следует за кризисом монополизма, если он не перерастает в мировую войну, носит совершенно другой характер. Она, если можно так выразиться, с одной стороны, будет ликвидировать те излишества в сжатии производственного аппарата, которые имели место в результате кризиса, а с другой стороны, будет отражать стремление наиболее сильных экономически капиталистических стран приспособить их условия производства к новому уровню мирового индекса цен.

Если при свободе конкуренции наиболее сильные предприятия приспособлялись к низким ценам путем улучшения техники производства, при монополизме наиболее сильные экономические страны, проводя известную рационализацию и пересматривая свои тарифы в сторону повышения, будут стремиться оторвать у более отсталых стран долю их участия в мировой торговле. В этом случае послекризисная депрессия принесет известное улучшение в хозяйственную конъюнктуру наиболее сильных капиталистических стран (в сравнении с кризисным состоянием) и гораздо более быстрый регресс в странах наиболее ярко выраженного хозяйственного упадка. Если брать все мировое хозяйство, как единое целое, мы будем иметь теперь такое положение: после хозяйственного оживления и подъема в одной части капитализма, при общем слабом оживлении в другой его части, мы будем иметь затяжную депрессию в передовых странах и перманентный кризис в других. В общем и целом это будет означать, что вся капиталистическая система, если не произойдет каких-либо исключительных обстоятельств, должна вступить в условия, когда постепенно рассасывается самая форма циклического движения (если только капитализм доживет до этого), когда вообще приостанавливается постепенное экономическое развитие и все

больше и больше берут верх тенденции к простому воспроизводству. Поэтому можно утверждать, что всеобщий экономический кризис при монополизме, если он не приводит к мировой войне или не прерывается технической революцией, неизбежно перерастает в общий не только экономический, но и общесоциальный кризис всей исторической системы капитализма.

Задача теоретического исследования заключается в данном случае в том, чтоб в условиях воспроизводства при империализме, в условиях своеобразного хозяйственного цикла при империализме открыть черты общего социального кризиса всего капиталистического общества, а с другой стороны, показать, как этот кризис расшатывает всю систему, в которой уже пробита брешь на территории СССР, и почему первый же глубокий экономический кризис монополизма может завершить собой одновременно не только определенный хозяйственный цикл, но и завершить curriculum vitae, завершить жизненный путь всего капиталистического общества.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС МОНОПОЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И МИРОВАЯ ВОЙНА

Из всего нашего анализа вытекает, наряду со многими другими, один весьма важный политический момент. Чрезвычайно серьезное потрясение, которому подвергается капиталистическая система при общехозяйственном кризисе в эпоху монополизма, объясняет, почему каждый назревающий мировой кризис, как это не раз отмечалось, имеет тенденцию перерасти в империалистическую войну. Как видно из нашего изложения, каждый такой кризис начинается с тяжелой промышленности, т. е. с ведущего участка капиталистической экономики, и непосредственно задевает интересы самого влиятельного слоя буржуазии. Этот кризис создает положение, из которого очень трудно подниматься всей системе, несравненно трудней, чем из типичного кризиса периода свободы конкуренции. Отсюда крайнее обострение империалистических противоречий при каждом кризисе монополизма. Отнюдь не случайно то обстоятельство, что первое серьезное столкновение империалистического типа на территории Европы, имевшее место в 1908 г. и едва не приведшее к войне между Германией и Францией, произошло в период кризиса в 1907/08 г. Этот кризис, несмотря на его переходно-смешанный характер, однако, имел уже многие черты империалистического кризиса. В другом месте мы более подробно остановимся на характере предвоенных кризисов и в том числе на кризисе 1907/08 г., который, подобно настоящему кризису, так же начался внезапно, так же начался в стране наибольшего развития монополизма и так же имел тенденцию перейти в империалистическую войну[1].

[1] Когда настоящая книга была уже набрана, я познакомился с недавно вышедшей книгой Фердинанда Фрида (Ferdinand Fried, «Das Ende des Kapitalismus», Jena, 1931). В этой книге есть между прочим такое интересное место:

«Кризис 1900—1901 гг. является собственно последним большим мировым

Далеко не случайно, что взрыв мировой войны произошел в начале развертывания следующего кризиса монополизма. Здесь кризис в самом своем начале перешел в мировую войну, которая превратилась в попытку путем срезывания одной части капиталистического тела обеспечить более свободное развитие для другой. Этот результат был достигнут. В Европе Франция развернула свои производительные силы за счет Германии и Австрии, а за океаном Соединенные штаты развернулись за счет всего прочего капиталистического мира, прежде всего за счет «победившей» Англии.

Кризис 1920/21 г., как мы уже говорили выше, был кризисом по ликвидации инфляции. Его объективная задача состояла в утряске мирового хозяйства применительно к тем новым условиям, которые создались после войны. В этом смысле этот кризис не был типичным империалистическим кризисом, а последующие депрессии, вроде депрессии 1924 г., не развернулись в общий мировой экономический кризис. Наоборот, кризис 1930 г. носит все характерные черты классического кризиса монополизма, который может стать для капитализма последним ударом, убивающим одряхлевший организм. Замечательно интересный факт! Империализм, как последняя ступень капитализма, насчитывает свыше 30 лет. Между тем за это время не было ни одного глубокого хозяйственного кризиса империализма, который позволил бы отличить его наиболее характерные черты. Но это как раз и доказывает, что для империалистической системы всеобщий экономический кризис вообще означает катастрофу. Такая катастрофа едва не случилась в 1908 г. Такая катастрофа случилась в 1914 г., и она не только изранила и обескровила капиталистическое тело, но и оторвала от него одну шестую часть. Теперешний мировой кризис есть первый типичный хозяйственный кризис империализма, однако и он может оказаться прерванным военной катастрофой, либо пролетарской революцией, предупреждающей войну. В области международной политики этот кризис пригнал капиталистические страны очень близко к барьеру новой мировой войны. Никогда еще после 1918 г. не пахло так порохом и удушливыми газами, как в 1929—1931 гг.

Война или социалистическая революция?

Так стоял вопрос в 1914 г., точно так же стоит он и теперь.

Разница в том, что в 1914 г. мир не знал ни того, что означает «выход» из положения на путях войны, ни того, что означает выход на путях революции. Мир в 1930 г. это знает; по крайней мере, знает та его часть, которая способна что-либо

кризисом в нормальных капиталистических условиях и таким образом представляет последнюю и наилучшую возможность для сравнения с послевоенными кризисами» (S. 157). К сожалению, автор дает только поверхностный обзор внешних проявлений кризисов в экономике Германии, а систематический анализ кризисов при империализме в отличие от кризисов классического капитализма у него вообще отсутствует. В своей же основной части он защищает уменьшение связей с мировым хозяйством и ориентацию на региональное замкнутое хозяйство. Таким образом регрессивный распад мирового хозяйства находит уже своих теоретиков и возводится в принцип экономической политики.

понимать во всем происходящем. Он знает, что новая мировая война, во-первых, отбросит назад мировое хозяйство гораздо дальше в сравнении с тем, насколько отбросила его мировая война 1914 — 1918 гг.

Во-вторых, новая война, не заканчивающаяся пролетарской революцией, не дает никакого выхода. Она выгонит большинство человечества, которое находится еще в плену у капитализма, из одного тупика и под обстрелом орудий и пулеметов и отравленное удушливыми газами прогонит по кровавой дороге в другой тупик, еще более безысходный!

Вот почему так мало заразителен шовинизм современной предвоенной империалистической печати, где и когда она еще пытается играть на этой, уже оборванной и кое-как связанной струне. Вот почему так велики усилия буржуазии до последнего часы катастрофы разыгрывать на женевской и на других сценах одну мирную постановку за другой. Людей хотят разбудить ночью орудийными выстрелами и со сна, еще не разбравшихся в чем дело и не протерших как следует глаза погнать «защищаться от нападения», т. е. погнать в идеально оборудованные передвижные фабрики по сокращению избыточного народонаселения. Вот почему так мрачно настроены теперь сами капиталистические круги и идущие за ними слои населения. Даже они не уверены, что война путем урезывания капиталистического организма дает какой-то выход для них и в то же время они полны мрачных предчувствий насчет появления неизбежного спутника империалистической войны, т. е. войны гражданской.

Если полипы, умирая, служат прогрессу рифа, как образно выразился Герцен, то прогрессу какого рифа послужат миллионы тех полипов, которые будут истреблены во второй по счету мировой войне? Если тому рифу, о который разобьется в гражданской войне капиталистический корабль, то тогда защитникам капитализма нет никакого смысла ее начинать. А всем тем, кто заинтересован в крушении капитализма, естественно стремиться к новому строю более прямым и менее кровавым путем. Если в 1917 г. гражданская война вытекла из империалистической, то почему 15 лет спустя и после опыта нашей великой Октябрьской революции невозможна гражданская война, предупреждающая империалистическую?

Но возможен еще риф второго рода, тот риф, о который, в случае равенства сил борющихся классов, разобьется корабль всей человеческой культуры. Теоретически говоря, этот путь не исключен, что должно обязывать пролетариат ко всемерной мобилизации своих сил и использованию всех возможностей для разгрома капитализма. Если возможность такой трагедии сильно уменьшилась и уменьшается с каждым днем, если не исчезла совсем, так это прежде всего вследствие изумительных успехов социалистического строительства в СССР. На опыте нашей революции доказана возможность выхода на путях пролетарской революции из того тупика, в который загнал империализм пять шестых мира. На опыте нашего социалистического строительства экспериментально доказано, что взрыв капиталистической оболочки дает такой разбег лавине производи-

тельных сил, когда расширенное воспроизводство лимитируется только наличием средств производства, природных богатств и обученных рабочих сил. Именно наша система с небывалой яркостью вскрывает самим своим существованием все источники загнивания капитализма и размеры этого загнивания и в то же время она прямо кричит о том, насколько в сущности затянулся процесс ликвидации этой системы.

Монополистический капитализм ни сам уже в не в состоянии организовать человеческий труд, ни другим не дает его организовать, а лишь терзает и мучает почти два миллиарда людей. Эти другие, которые могут его организовать по-иному, и доказали свою способность организовывать,— коммунисты.

Как и когда состоится получение пролетариатом, руководимым большевиками, принадлежащего ему наследства от капитализма, на этот вопрос экономический анализ монополизма, которым мы до сих пор занимались, не может дать точного ответа. Один только экономический анализ вообще не может дать такого ответа. Но ответ приблизительный он дает. Все признаки говорят за то, что дело идет об очень ограниченном количестве лет, даже если настоящий кризис не кончится в самое ближайшее время новой мировой войны и взрывом социалистической революции в самых слабых звеньях капиталистической цепи.

Об этом с полной достоверностью говорит нам наша наука (и наша практика). В современной буржуазной «науке» (если только уместно это слово), кроме растущей группы людей, разочаровавшихся в капитализме, но боящихся коммунизма, нет ясного представления о том, к чему идет капитализм. Эта наука переживает или состояние растерянности или же тупого обалдения. Ее теория занимается по преимуществу не распутыванием сложных вопросов, а запутыванием ясных и простых. Ее конкретная наука всячески избегает обобщений, что вполне понятно. Никому неинтересно заниматься теоретическим анализом условий своей смерти и способов погребения. Поглупение буржуазной мысли глубоко фундировано в социальной обстановке. Всякая настоящая, научная теория, как наша марксистско-ленинская теория, есть способность видеть внешне невидимое, это есть способность осязания подспудных законов общественных явлений. Социально-фундированная глупость буржуазной науки есть, наоборот, способность не видеть даже видимого и забывать, что было вчера. По вопросу же о том, что будет завтра, эта наука уступает место гадалкам на картах, которые составляют сейчас очень серьезную конкуренцию буржуазной экономической науке в капиталистических кругах Соединенных штатов и Европы.

Надо надеяться, что не только на страницах «Крокодила», но и в серьезных научных и марксистских журналах появится как-нибудь исследование на тему: Теория воспроизводства и конъюнктурных прогнозов в буржуазной науке от Смита и Рикардо до гадалок на картах в буржуазных кварталах Нью-Йорка.

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1930—1931 гг.

Мировой экономический кризис 1930 г. является, как мы уже заметили выше, первым типичным кризисом империализма. Империалистический характер кризиса 1907 г. нашел свое выражение больше в международно-политических влияниях его, чем в характере самого экономического цикла. Хотя этот кризис разразился в стране наибольшего развития монополизма и наступил внезапно, что, как мы видели, вытекает из природы самого цикла при монополизме, однако этот кризис носил еще переходные черты, т. е. черты и кризиса эпохи свободной конкуренции. Впрочем более подробно об этом будет сказано в другом месте.

Назревавший кризис монополизма в 1914 г. перешел в мировую войну. Благодаря этому мир узнал на практике, что такое мировая империалистическая война, но не имел возможности экспериментально познакомиться с наиболее характерными чертами мирового экономического кризиса при империализме. Эти черты остались скрыты и при экономическом кризисе 1920—1921 гг. как кризисе ликвидации инфляции. Этот кризис, с другой стороны, способствовал утряске мирового хозяйства на базе условий, созданных мировой войной, когда экономическое развитие одних стран было насильственно задержано исходом столкновения, в то время как другие капиталистические страны получили возможность развиваться за счет побежденных или за счет истощенных войною стран при общем замедлении всего темпа развития целого.

Мировая война, означавшая кровопускание в одной части капиталистического целого ради более свободного развития другой, чрезвычайно усилила неравномерность капиталистического развития вообще и тем самым создала предпосылки и для однобокого, для одностороннего экономического подъема в части мирового хозяйства. Война чрезвычайно ускорила наметившийся еще раньше процесс перенесения экономического центра мира из Европы в Америку, и новый односторонний экономический подъем мог начаться лишь по ту сторону океана. В Европе исключение представляла лишь Франция, получившая сильный толчок для развития в результате разгрома Германии и Австрии и за их счет. Односторонний характер экономического развития мира после войны и в результате войны предопределил также не только характер хозяйственного подъема, но и очаг будущего экономического кризиса. Совершенно неизбежно этим очагом ока-

зались Соединенные штаты и вовлеченная ими в подъем их ближайшая экономическая периферия в Южной и Северной Америке.

Наша задача заключается теперь в том, чтобы применить для объяснения настоящего мирового кризиса те общие теоретические положения о воспроизводстве и кризисах при монополизме, которые мы развили в предыдущих главах. Настоящее изложение будет в одно и то же время и применением этих положений для конкретного экономического анализа и их экспериментальной проверкой.

Прежде чем приступить к изучению условий, в которых происходила подготовка теперешнего мирового кризиса, мы должны, исходя из нашего предыдущего изложения, предварительно решить, с каким типом подъема мы имеем здесь дело: с подъемом ли на базе единовременного большого строительства основного капитала, что так характерно для классических подъемов эпохи свободы конкуренции, или же с подъемом, который происходит в одной части капиталистического целого за счет задержки развития в другой его части.

Так как дело идет о промышленном подъеме и кризисе после мировой войны, то уже до знакомства со всей массой конкретных фактов должно быть ясно, что для нашего исследования мы должны будем опереться преимущественно на второй из проанализированных нами вариантов, т. е. на вариант одностороннего промышленного подъема, толчок которому дается перераспределением рынков в пользу одной части капиталистического целого за счет другой. В этом случае дело может итти и о новых рынках для вывоза элементов основного капитала, и о новых рынках для вывоза предметов потребления, и о новых территориях для экспорта капитала.

Послевоенная экономическая литература накопила огромное количество конкретных фактов и экономических исследований, которые иллюстрируют систематическое вытеснение Европы с ряда рынков капитализмом Соединенных штатов во время и после мировой войны, усиление экономических позиций Америки в капиталистических странах Европы, превращение этой страны из должника Европы в ее кредитора и т. д. Из огромной массы фактического материала, относящегося к этой теме, мы выделим лишь то, что непосредственно относится к условиям расширенного воспроизводства в Соединенных штатах в период войны и после войны. К сожалению, я не смогу составить такие схемы воспроизводства за ряд лет, относящиеся к Соединенным штатам, которые я сам считал бы необходимыми для полного выяснения того, как подготовлялся современный мировой кризис. Статистические данные буржуазных государств не всегда дают ответ на многие из вопросов, которые приходится ставить при марксистском анализе хозяйства. Однако для доказательства основных положений, защищаемых в этой главе, будет достаточно и того, что приводится в дальнейшем.

Наше исследование начинается с данных о внешней торговле Соединенных штатов. Мы начинаем с этого вопроса потому, что именно в быстром расширении внешней торговли Соединен-

ных штатов за время войны и в закреплении за ними новых рынков, отвоеванных у Европы, нужно видеть тот мощный толчок, который дал огромное ускорение процессу расширенного воспроизводства в этой стране. Страна, имевшая и до войны мощный внутренний рынок, получила дополнительные внешние стимулы к развертыванию производства во время войны и после войны, а в дальнейшем на базе дополнительного внешнего рынка развила и закрепила дополнительный внутренний рынок. В итоге за счет темпа развития других капиталистических стран, прежде всего за счет воевавшей Европы Соединенные штаты получили то ускорение темпа развития, которое обеспечило им промышленный подъем после войны, с его последним всплеском,—с промышленным подъемом 1927—1929 гг.

Мы начнем с суммарных данных по внешней торговле Соединенных штатов за последние 20 лет.

Экспорт (включая реэкспорт) и импорт
(в тысячах долларов)

Годы	Экспорт	Импорт	Индекс цен (1926=100)
1909	1 663 011	1 311 920	67,6
1910	1 744 985	1 556 947	70,4
1911	2 049 320	1 527 226	64,9
1912	2 204 332	1 653 265	69,1
1913	2 465 884	1 813 008	69,8
1914	2 364 579	1 893 926	68,1
1915	2 768 589	1 674 170	69,5
1916	5 482 641	2 391 435	85,5
1917	6 233 513	2 952 468	117,5
1918	6 149 088	3 031 213	131,3
1919	7 920 426	3 904 365	138,6
1920	8 228 016	5 278 481	154,4
1921	4 485 031	2 509 148	97,6
1922	3 831 777	3 112 717	96,7
1923	4 167 423	3 792 066	100,6
1924	4 590 984	3 609 963	98,1
1925	4 909 848	4 226 589	103,5
1926	4 808 660	4 430 888	100,0
1927	4 865 375	4 184 742	95,4
1928	5 012 357	4 091 444	97,7
1929	5 240 995[1]	4 399 361[2]	96,5

(Statistical abstracts of U. S., 1930, p. 482—483, для цен *p. 322)*

Приведенные цифры показывают огромный рост внешней торговли Соединенных штатов, прежде всего экспорта, начиная с 1916 г. Правда, хотя цены даны в долларах, а доллар всегда оставался золотым, рост экспорта в натуральном выражении был значительно меньше, принимая во внимание огромный рост золотых цен во время войны. Но если даже принять во внимание и это обстоятельство, то и тогда рост экспорта оказывается огромным, как видно из сравнения всех цифр с индексом цен.

Этому огромному росту экспорта во время войны соответствовал и огромный рост экспорта в сравнении с общей суммой внутреннего производства, что как раз имеет решающее значе-

[1] Среднемесячная 1930 г. 315,1 млн., в мае 1931 г. 199,2 млн.
[2] Среднемесячная 1930 г. 260 млн., в мае 1931 г. 180,1 млн.

ние для стимулирования более быстрого темпа расширенного воспроизводства.

Для характеристики доли экспорта в сравнении с внутренним производством и для сравнения размеров экспорта промышленных продуктов и продуктов питания приведем одну таблицу, которая, между прочим, очень ярко рисует индустриализацию экспорта Соединенных штатов в сравнении с тем, что было 30 лет тому назад.

Процент экспорта в чистой годовой продукции

Годы	Все товары	Предметы потребления	Все товары, кроме предметов потребления
1899	9,8 — 10,5	16,4 — 18,4	7,6 — 8,0
1904	8,6 — 9,2	11,6 — 13,2	7,6 — 7,9
1909	9,3 — 7,8	8,1 — 9,5	7,0 — 7,3
19 4	9,3 — 10,0	8,6 — 10,0	9,5 — 10,0
1919	13,9 — 14,6	18,3 — 26,7	12,2 — 12,6
1921	9,8 — 10,3	9,9 — 11,0	9,8 — 10,1
1923	6,7 — 7,0	7,3 — 8,1	6,6 — 6,8
1925	7,6 — 8,0	6,6 — 7,2	7,9 — 8,1
1927	7,7 — 8,0	5,0 — 5,5	8,4 — 8,7

(Abstract, 1930, p. 465)

Эта таблица дает не абсолютные цифры экспорта в меняющемся стоимостном измерении, а процентное отношение стоимости экспортируемых товаров к стоимости всего внутреннего производства. Так как рост индекса цен распространялся на все товары, то это процентное отношение доли экспорта в сумме всей годовой продукции элиминирует влияние роста цен, вследствие чего динамика роста экспорта и его доли во внутренней продукции получает свое правильное отражение в вышеприведенной таблице. Ниже мы приводим таблицу, дающую процент экспорта в отношении к экспортабельной продукции, которая еще более подчеркивает рост экспорта.

Из приведенных двух таблиц вытекает с полной очевидностью, что годы мировой войны были годами огромного роста экспорта из Соединенных штатов как в абсолютных цифрах, так и в отношении к сумме всей продукции страны, что означало огромный толчок для усиления темпа расширенного воспроизводства. Так как основным лимитом для расширенного капиталистического воспроизводства по самой структуре капитализма, особенно в эпоху монополизма, является емкость рынка, то это расширение экспорта должно было усилить темп экономического развития Соединенных штатов, что означает вместе с тем еще более значительный абсолютный рост внутреннего рынка страны.

Во-вторых, из приведенных таблиц мы видим рост индустриализации экспорта Соединенных штатов. Этот факт достаточно освещен в экономической литературе и на нем мы не будем здесь останавливаться. Исключения представляют лишь годы войны, когда Соединенные штаты снабжали по вздутым ценам воевавшую Европу большим количеством предметов потребления,

и доля их во всем их экспорте за это время чрезвычайно возросла. Заметим только, что огромный рост цен на предметы питания и на сырье, в том числе на сырье сельскохозяйственного производства, способствовал разбуханию сельскохозяйственного производства в Соединенных штатах, вследствие чего с падением цен после войны особенно острый кризис переживало в Соединенных штатах именно фермерское хозяйство.

Но резкое расширение экспорта из Соединенных штатов во время войны имело длительные последствия для хозяйства этой страны не только благодаря огромному расширению внутреннего рынка и закреплению за страной огромной части внешних рынков Европы, но и с точки зрения резкого изменения расчетного баланса Соединенных штатов. Соединенные штаты были до войны и остались до сих пор страной активного торгового баланса. Но эта «активность» в корне изменила свою экономическую и социальную природу.

До войны активный баланс Соединенных штатов был активным балансом страны-должника. Она должна была оплачивать капиталовложения других стран в ее хозяйство в виде уплаты дивидендов на импортируемый в страну иностранный капитал и тем выправлять свой расчетный баланс. Во время войны огромное активное сальдо по торговому балансу Соединенных штатов, достигшее около 20 млрд. долларов за семь лет, было активным сальдо по стремительному превращению страны из должника в кредитора, было рычагом создания финансовой диктатуры этой страны над миром. Эти 20 млрд. в их реальном товарном выражении были суммой гораздо меньшей, вследствие резкого падения покупательной способности золота, что на экономическом языке означало: 1. Покрытие страной довоенной задолженности при максимально благоприятной конъюнктуре. 2. Новые должники Соединенным штатам увеличивали свою задолженность этой стране, когда золото стоило вдвое дешевле, покрывать же эту задолженность вынуждены были после резкого падения индекса мировых золотых цен. Грубо говоря, один заемный доллар превратился для них в два, в то время как за единицу товара, стоящую теперь доллар, они во время войны и в первые годы после нее платили два доллара. 3. За эти миллиарды долларов экспорта Соединенных штатов страны-покупательницы и страны-должники платили наличным золотом, которое уплывало в Америку, продавали за полцены свои ценные бумаги, в которых выражалась довоенная задолженность Соединенных штатов странам, импортировавшим в нее капитал, и, наконец, либо накопляли задолженность в отношении Соединенных штатов, либо капиталисты этой страны предпринимали в огромных размерах новое промышленное строительство в Европе и других странах.

Весь этот процесс перемещения финансового и экономического центра мира из Европы по ту сторону океана имел различные последствия с точки зрения процесса расширенного воспроизводства в Соединных штатах, но в двух отношениях результаты этого процесса совершенно очевидны.

Во-первых, сам по себе этот процесс означал для Соединенных штатов массовые продажи товарных ценностей без встреч-

ных покупок, потому что Соединенные штаты, ликвидируя свою задолженность, только продавали, не покупая, а их бывшие кредиторы только покупали. Это было лишь другим выражением роста огромного добавочного, но вместе с тем и временного рынка для Соединенных штатов. Теперь этот процесс, правда, еще не закончился, но золотые дни его уже прошли, а вместе с тем исчез временный добавочный стимул к развертыванию производства в Соединенных штатах. По состоянию своего платежного баланса Соединенные штаты, превратившиеся в кредитора мира и в страну огромного экспорта капитала, могли бы быть страной с большим пассивным торговым балансом. Однако такое превращение для них трудно наряду с другими причинами также и потому, что они вынуждены были всеми силами сохранять тот уровень экспорта и тот темп экономического развития, которого они достигли под действием совершенно исключительной обстановки периода войны и после войны. Мы говорим здесь о том положении, которое складывалось до мирового кризиса.

Другое следствие отмеченного выше процесса заключалось в том, что страны, бывшие прежде кредиторами Соединенных штатов, превратившиеся в должников этой страны для достижения равновесия в своих платежных балансах, начали всячески стимулировать экспорт как в Соединенные штаты, так и на рынки, где они встречаются с этой страной как конкуренты. Это, с одной стороны, усилило протекционистские стремления в Соединенных штатах, а с другой стороны, поставило эту страну как кредитора Европы в безысходное противоречие с своим существом как экспортера и как страны быстрого экономического развития вообще. Это обстоятельство давно уже было отмечено в экономической литературе, а для Германии служит главным мотивом (поскольку мотивировка адресуется в Америку) для снижения платежей по репарационным обязательствам. Вся эта проблема, имеющая большое экономическое и политическое значение, интересует нас в данном случае лишь с точки зрения изменившихся условий воспроизводства для Соединенных штатов. Это изменение явным образом ухудшает ситуацию для этой страны со стороны внешней торговли и должно усиливать в ней стремление к такому переделу мира, который обеспечил бы ей за счет остальных государств сохранение тех темпов экономического развития, которые также были достигнуты за счет другой части капиталистического целого.

Посмотрим теперь, как развивался экспорт Соединенных штатов по странам назначения.

Чтобы не загромождать изложение большим количеством статистических данных, мы приведем данные только для важнейших территорий и для наиболее характерных лет, начиная с предвоенного 1913 г.

Годы	Сев. Амер.	Юж. Ам.	Европа	Азия
	(в миллионах долларов)			
1913	617,4	146,1	1479,0	140,0
1918	1327,4	302 7	3858,7	498,5
1919	1295,8	441,7	5187,7	771,7
1920	1929,1	623,9	4466,1	871,6

Годы	Сев. Амер.	Юж. Амер.	Европа	Азия
	(в миллионах долларов)			
1926	1176,4	443.5	2310,1	564,5
1927	1253,1	438,2	2313.8	559,6
1928	1321,4	480,8	2375,0	654,5
1929	1395,1	539,3	2340,8	643,2

Кроме того ввоз в Океанию увеличился с 53,7 млн. долларов в 1913 г. до 192 млн. в 1929 г., ввоз в Африку с 29,0 млн. в 1913 г. до 130,5 млн., в 1929 г. Все эти цифры настолько выразительны, что они не нуждаются ни в каких пояснениях. К этому надо еще добавить, что не менее интенсивно шло возрастание экспорта капитала из Соединенных штатов в Канаду, страны Южной Америки, в Индию, Китай и т. д. Из европейских стран от этой экспансии Соединенных штатов более всего относительно пострадала Англия, которая увеличивала свою внешнюю торговлю гораздо медленней, в том числе медленней увеличивала даже в отношении своих доминионов и такой важной колонии, как Индия. Вот итоги британского экспорта в европейские страны, в страны за пределами Европы и в ее собственные владения.

Британский экспорт

Годы	В стр. Евр	В стр вне Евр.	Соб. влад.
	(в тысячах фунтов).		
1913	195138	134902[1]	195307
1928	225122	170789	327668
1929	235501	169396	324451
1930	203247	119203	248103

(Economist, February, 28, 1931, p. 432, 433)

Из приведенных цифр видно, что Соединенные штаты не только завладели внеевропейскими рынками Европы во время мировой войны, но и удержали там свои позиции, увеличив экспорт в три-четыре раза в сравнении с довоенным положением, если не принимать во внимание роста мирового индекса цен. Прежде всего именно Соединенные штаты сняли сливки с этих стран в процессе их сравнительно быстрого капиталистического развития, которое означает для каждой страны рост ее импорта, в том числе импорта иностранного капитала. Наоборот, рост экспорта в эти страны из Англии шел несравненно медленней. Но этот рост все-таки имел место, как показывают приведенные цифры, как увеличивался экспорт в них и из других капиталистических стран Европы и из Японии. В общем и целом это поставило преграды перед дальнейшей экономической экспансией Соединенных штатов и крайне обострило для них проблему экономического соперничества с Европой и угрозу нового передела мира. Для нас здесь важно пока констатировать, что золотые дни экспансии Соединенных штатов кончились и перед ними стоит проблема прежде всего удержания уже завоеванных позиций.

Но отдушина для ускорения капиталистического развития, которой воспользовалась эта страна за период войны и десятилетие после ее, сделала свое дело. Это видно из размеров роста

[1] В этой цифре в журнале допущена грубая опечатка, нами исправленная.

продукции Соединенных штатов за период с начала мировой войны и огромного увеличения емкости ее внутреннего рынка, как естественного следствия такого роста.

Теперь мы перейдем к выяснению именно этого обстоятельства. Мы воспользуемся для этого самыми основными фактическими данными: о росте народонаселения, о росте валовой и чистой продукции, о соотношении между тяжелой и легкой промышленностью, о фонде заработной платы, о росте производительности труда, о доходе фермеров, о размерах и динамике непроизводительного потребления, о размерах капитализонакопления, о росте основного капитала, о характере послевоенного кризиса и депрессии 1927 года.

После этого предварительного обзора условий подготовки промышленного оживления 1927 — 1929 гг. мы остановимся на влиянии этого подъема на мировое хозяйство и на причинах кризиса.

Размеры общей продукции Соединенных штатов в отношении транспортабельных товаров и пропорция экспорта в общей сумме продукции видны из следующей таблицы:

Годы	С.-х. продукты	Промышленность	Горное дело	Всего	Экспорт товаров	% экспорта
1899	3 355	4 831	700	9 767	1 253	12,8
1904	4 262	6 294	8 0	19 821	1 426	11,1
1909	6 4 2	8 529	1 2 8	18 040	1 701	9,4
1914	8 165	9 675	1 450	21 37 2	2 071	9,7
1919	17 87	24 748	3 158	49 708	7 750	15.7
1921	10 26	18 327	2 900	35 99	4 379	12,3
19 3	12 3 2	25 849	4 300	4 2 0	4 091	8,
1925	13 034	26 7 1	4 100	48 553	4 819	9,9
1927	13 000 (пр бл.)	27 585	4 000	49 314	4 759	9,7

(Commerce Yearbook, v. I, 1930, p. 89, table 8).

Эта таблица показывает огромный рост производства в Соединенных штатах за время войны и после войны, хотя здесь дана не вся валовая продукция. Необходимо только при этом иметь в виду, что цифры эти даются в стоимостном выражении. Наиболее огромный рост продукции совпадает с периодами наиболее резкого повышения цен. Для того чтобы эта таблица была правильно оценена по ее реальному материальному содержанию, надо принять во внимание изменение индекса цен, который мы привели выше в одной из предыдущих таблиц, и рост народонаселения. Тогда этот рост представится гораздо скромней, а на душу населения даже почти стабильным.

Отчасти динамика продукции Соединенных штатов за время войны и после войны видна и из данных о национальном доходе Соединенных штатов, которую мы берем из мартовского бюллетеня за 1931 г.

Годы	Весь доход в млн. долл.		На душу населения	
	По индексу 1929 г.	В долларах 1913 г.	По индексу 1929 г.	В долларах 1913 г.
1912	33,0	33,6	347	35
1913	43,4	34,4	356	256
1920	74,3	37,5	697	352
1922	60,0	37,9	946	345
1924	70,0	43,7	619	386
1926	79 3	47,7	681	410
1927	78,1	48,2	661	408
1928	81,0	50,6	676	422
1929	84,0	52,5	692	433

Я не буду останавливаться на ряде других цифр, характеризующих рост продукции Соединенных штатов за время войны. Эти цифры всем известны как по промышленности, так и по сельскому хозяйству, которое получило сильный толчок к своему развитию вследствие огромного роста цен на пшеницу и на сырье сельскохозяйственного производства в период войны. Например, продукция фермеров увеличилась с 1913 г. до 1918 г. с 7 886 млн. долларов до 17 677 млн. долларов. Правда, эта продукция продавалась по вздутым ценам, но это были золотые цены, и воюющая Европа платила за эту продукцию или реальным золотом, которое притекало в Америку, или продажей ценных бумаг, или накоплением своей задолженности Америке, за которую потом ей пришлось расплачиваться при низком уровне цен.

Когда кончилась война и когда был ликвидирован тот специфический рынок, который получили Соединенные штаты на территории воюющей Европы, то хозяйство Соединенных штатов начало развертываться в послевоенный период, опираясь, с одной стороны, на те внешние рынки, которые они завоевали за время войны, а с другой стороны, на чрезвычайно возросший внутренний рынок. Именно благодаря этому обстоятельству кризис 1921 года хотя и был очень глубоким по размерам падения производства и по степени падения индекса цен, однако он был весьма кратковременен и заставил хозяйство Соединенных штатов лишь перестроиться применительно к новой обстановке, не задерживая дальнейшего его роста. Кризис продолжался только один 1921 год, перешел в депрессию в следующем году. Затем начался подъем 1923 года, который был пресечен депрессией 1924 г., а затем хозяйство Соединенных штатов находилось в состоянии подъема вплоть до лета 1929 г., если не считать наметившейся, но не получившей развития депрессии во второй половине 1927 г., о которой более подробно мы будем говорить ниже.

Из предыдущего изложения ясно, каковы были причины подъема производства Соединенных штатов за период войны. Здесь основная причина подъема заключалась в той отдушине, которую получила капиталистическая система Соединенных

штатов от расширения внешнего рынка. Наоборот, после окончания войны и после кризиса 1921 г. доля экспорта продукции Соединенных штатов, несмотря на большой абсолютный рост экспорта, в процентном отношении к стоимости продукции возвращается к довоенным пропорциям. Это совершенно ясно доказывает, что дальнейший подъем Соединенных штатов опирался главным образом на рост внутреннего рынка. Мы видим здесь прекрасную иллюстрацию для того положения теории воспроизводства, что расширение внешней торговли имеет для капиталистической системы свой главный результат и свои главные положительные последствия не столько в абсолютных цифрах этого расширения, сколько в том обстоятельстве, что система за это время создает гораздо более широкий добавочный внутренний рынок. Увеличение производства Соединенных штатов после кризиса 1921 г. представляет собой реализацию этого благоприятного толчка. Несмотря на то, что сельское хозяйство Соединенных штатов пережило серьезный кризис, гораздо более серьезный, чем промышленность, развитие внутреннего рынка внутри самой промышленности перекрыло последствия этого кризиса. Здесь перед нами очень убедительное доказательство неправильности теории воспроизводства Розы Люксембург, поскольку в этом пункте она пыталась критиковать Маркса.

Теперь мы приступаем к изучению периода подъема Соединенных штатов, начиная с 1923 г. О движении промышленного производства за эти годы вплоть до 1930 г. включительно дает представление следующая таблица, где размеры производства 1923 — 1925 гг. взяты за 100 и все исчисление произведено с учетом сезонных колебаний.

Индекс промышленной продукции

Месяцы	1923—1925 гг.=100			Годы				
	1923	1924	1925	1926	1927	1928	1929	1930
Январь	100	99	105	107	106	106	118	104
Февраль	100	102	105	106	108	108	118	107
Март	103	100	104	107	111	109	119	104
Апрель	107	95	103	107	108	109	122	107
Май	106	89	103	106	111	109	124	104
Июнь	105	85	102	108	108	109	126	100
Июль	104	84	103	107	106	109	124	95
Август	102	89	103	110	106	111	123	91
Сентябрь	100	94	101	111	105	114	122	91
Октябрь	100	95	104	111	103	116	118	87
Ноябрь	98	97	107	109	100	116	108	85
Декабрь	97	101	109	106	101	117	101	82
Итого за год	101	95	104	108	106	111	119	97

(Federal reserve bulletin, February 193[illegible], p. 107)

Здесь перед нами внешняя материальная картина всего движения вперед, прерванного депрессиями 1924 и 1927 гг. Задача исследования заключается в том, чтобы вскрыть внутренние движущие причины всего этого процесса.

Что лежало в основе всего этого подъема хозяйства Соединенных штатов до кризиса 1930 г.?

Если говорить об общих материальных предпосылках этого движения, то необходимо остановиться на динамике размеров рабочей силы, уровне заработной платы, на динамике доходов фермерского хозяйства, на размерах внешней торговли, на увеличении производственного аппарата промышленности и на экспорте капитала.

Если мы возьмем число занятых рабочих и служащих в обрабатывающей промышленности Соединенных штатов, то будем иметь следующую картину.

Число занятых рабочих и служащих в обрабатывающей промышленности Соединенных штатов

1913	8 400	1921	8 251
1914	8 163	1922	9 030
1915	8 470	1923	10 267
1916	9 960	1924	9 6[illegible]0
1917	10 [illegible]70	1925	9 858
1918	11 120	1926	9 975
1919	10 813[1]	1927	9 7[illegible]0
1920	10 669[2]	1928	9 580
		1929	9 850

Из этой таблицы мы видим, что количество занятых в промышленности рабочих хотя и увеличилось в годы подъема приблизительно на полтора миллиона в сравнении с довоенным положением, однако уменьшилось в сравнении с последними годами войны. Во всяком случае за годы подъема, начиная с 1922 г., цифра рабочих оставалась почти неизменной. Наоборот, реальная заработная плата на одного рабочего в среднем повышалась, что видно из следующей таблицы, приводимой Кучинским (Zöhne und Konjunktur in America, 1928).

Средний годовой заработок 1 рабочего в обрабатывающей промышленности

Годы	Номинальная зарплата в долл.	Реальная зарплата в долл.	Индекс реальной зарплаты
1899	426,15	426,15	100
1904	477,37	427,75	100,4
1908	518,07	592,77	92,2
1914	579,62	384,62	90,3
1919	1 157,98	424,95	99,7
1920	1 391,07	446,43	104,8
1921	1 180,77	457 66	107,4
1922	1 146,98	471,04	110,5
1923	1 2[illegible]4,17	503,[illegible]8	118,1
1924	1 276,37	518,01	121,6
1925	1 279,78	504,65	118,4
1926	1 298 93	512 20	120 2
1927	1 299,06	514,07	121,8

[1] Предприятия с продукцией свыше 500 долл.
[2] С продукцией свыше 5 000 долл.

Посмотрим теперь, как обстоит дело со стороны фермерского спроса и фермерского предложения.

Что касается фермерского предложения, то его можно видеть из следующих цифр.

Стоимость продукции фермеров Соединенных штатов (в долларах)

Годы	Животноводство	Полеводство	Всего, исключая собственное потребление
1912 . .	3 773	6 799	7 467
1913 . .	4 099	6 717	7 866
1914 . .	4 249	7 268	8 638
1915 . .	4 303	7 957	10 59
1916 . .	4 862	10 305	13 949
1917 . .	6 539	14 277	16 504
1918 . .	8 082	14 814	17 677
1919 .	8 275	16 561	14 811
1920 . .	7 709	11 578	10 2 8
1921 .	5 589	7 759	11 211
1922 . .	5 651	9 430	12 382
1923 . .	6 271	10 401	12 219
1924 . .	5,902	10 770	13 034
1925 . .	6 647	10 1 0	12 985
1926 . .	7 300	9 286	

(Abstracts, 1930, p. 649).

Из этой таблицы мы видим, что если внести поправки на увеличение индекса цен на сельскохозяйственные продукты в сравнении с довоенным индексом, то фермерское предложение увеличилось, но увеличилось далеко непропорционально увеличению за это время промышленной продукции.

Увеличение рабочего спроса и увеличение фермерского спроса как потребительского, так и производственного есть очень существенная часть в увеличении внутреннего рынка. Однако решающее значение имело не это, а рост производственного спроса самой промышленности и рост непроизводительного потребления.

Читатель должен здесь иметь в виду то, что мы сказали в теоретической части нашей работы о росте непроизводительного потребления при империализме. Рост непроизводительного потребления есть, разумеется, рост внутреннего рынка. Но эта величина имеет совершенно специфическое значение для понимания динамики всего процесса расширенного воспроизводства. Рост этого спроса не есть фактор экономического развития, не есть стимул к этому развитию, а есть результат замедления экономического развития. Если б непроизводительное потребление не возрастало в такой степени, как это имело место в Соединенных штатах, то при тех же размерах валовой продукции это означало бы в каждый данный момент большую долю производительного накопления, если только такое накопление возможно по условиям емкости рынка.

Но, разумеется, самым важным элементом расширения внутреннего рынка было расширение спроса самой промышленности как на новый основной капитал, так и на другие средства производства. Когда Соединенные штаты оказались в условиях резкого расширения их экспорта в период войны, они покрывали возросший спрос путем более интенсивного использования наличного оборудования. Однако дальнейшее расширение производства потребовало огромного увеличения основного капитала и увеличения резервов основного капитала. Насколько велик должен был быть рост внутреннего спроса на основной капитал, можно видеть из процента использованного наличного капитала в довоенное время, во время военного подъема и во время подъема после войны. Например использование оборудования по качественной стали, равнявшееся в 1913 г. 67,2, поднимается в 1916 г. до 106,5, в 1918 г. до 104,5, чтобы спуститься в 1926 г. до 61,8%, хотя за это время выработка стали в абсолютных цифрах увеличилась, что позволяет измерить размеры нового основного капитала, который был создан в этой отрасли. В других отраслях дел обстояло примерно так же[1].

Многие из экономистов ломали себе голову над вопросом, на какой собственно базе происходило развертывание промышленности в Соединенных штатах после кризиса 1921 г. Размеры индивидуального потребления или, вернее, размеры роста этого потребления были совершенно непропорциональны росту валовой продукции. Объяснение заключается в том росте внутреннего рынка, который сама капиталистическая промышленность создает для себя в области роста спроса на средства производства. Из теоретической части нашей книги читатель может видеть, каким огромным стимулом для расширения всей хозяйственной системы является значительное увеличение спроса на основной капитал. Во всяком случае те исследования американского хозяйства за период его послевоенного подъема, которые игнорируют эту сторону дела, либо не умеют понять ее значения в истории этого подъема, вообще не в состоянии ничего понять в причинах этого подъема и в причинах последующего кризиса.

Но кроме расширения собственного внутреннего рынка Соединенных штатов известную роль играли и два другие фактора, а именно: не особенно быстрое, но систематическое увеличение экспорта Соединенных штатов после кризиса 1921 г., а также экспорт капитала Соединенных штатов.

Что касается роста экспорта, то, как мы видели, он увеличился с 3 831 млн. долл. в 1922 г. до 5 340 млн. долл. в 1929 г. Решающее значение имеет, разумеется, рост этого товарного экспорта и превышение экспорта над импортом, поскольку в 1922 г. импорт равнялся 3 112 млн. долл., а в 1929 г.—4 399 млн. долл. Увеличение экспорта американского капитала имело значение только постольку, поскольку эта страна, превратившаяся из должника других стран в кредитора всего мира, продолжала сохранять активный торговый баланс. Активность торгового баланса страны, которая не увеличивает свою задолженность, а,

[1] Record book of business statistics, part II. Metals and Machinery, p. 31.

наоборот, увеличивает задолженность других стран этой стране, представляет по сути дела рост добавочного рынка для этой страны. Само собой разумеется, страна, которая увеличивает свои заграничные инвестиции при пассивном торговом балансе и при росте такой пассивности, испытывает не увеличение, а сокращение своих внешних рынков сбыта, во всяком случае относительное.

Вот те общие причины, которые обусловили промышленный подъем Соединенных штатов после кризиса 1921 г.

Теперь мы должны приступить к самой важной части нашего изложения и путем более подробного анализа показать, каким образом подготовлялся кризис в Соединенных штатах, начавшийся во второй половине 1929 г.

Послевоенный подъем промышленности в Соединенных штатах, прерванный депрессией 1924 г., продолжался до половины 1927 г. В 1927 г. наметилась депрессия, состоявшая в следующем. К этому году промышленность Соединенных штатов развернулась на базе внутреннего рынка и уже более или менее исчерпала его возможности. С другой стороны, Соединенные штаты провоцировали на увеличение производства сырья и средств потребления свою хозяйственную периферию в лице Канады, Южной Америки, а также других стран, производящих сырье и средства потребления. На основании динамики сельскохозяйственных цен, а также на основании размера материальной продукции легкой промышленности в Соединенных штатах можно утверждать, что 1927 г. должен был быть годом перелома промышленной конъюнктуры. К этому году были более или менее исчерпаны все источники для дальнейшего подъема, и военный разгон производства в Соединенных штатах, продолжавшийся на базе роста внутреннего рынка, должен был бы притти к своему естественному концу. Если б мы имели дело со страной, развивающейся в условиях свободы конкуренции, то именно в 1927 г. должен был бы разразиться общий промышленный кризис, к которому толкало, с другой стороны, и депрессивное состояние производства стран, вовлеченых в подъем Соединенными штатами, прежде всего стран, производящих промышленное сырье.

Но здесь наступил самый интересный момент в развертывании цикла в Соединенных штатах, а именно вся система перешла к быстрому увеличению своего основного капитала, к доведению резерва основного капитала до того уровня, который свойственен монополизму, началось введение в действие более усовершенствованного оборудования, и это обстоятельство плюс широко развившаяся практика сбыта в кредит на широком потребительском рынке не только приглушило начавшуюся депрессию 1927 г., но и обеспечило промышленности Соединенных штатов добавочный подъем на два с лишним года. В этом обстоятельстве заключается разгадка всех тех специфических явлений, которые обнаружились в экономике Соединенных штатов перед кризисом и в период самого кризиса.

Так как наше изложение в том пункте, до которого мы дошли, имеет не только огромное значение для понимания причин

мирового кризиса, но и для проверки нашей теории хозяйственного цикла при империализме, мы должны будем подробней остановиться на этом моменте.

Итак, я выставляю здесь то положение, что период наивысшего подъема производства в Соединенных штатах перед кризисом был подъемом в тяжелой промышленности, который и втянул в этот добавочный подъем смежные отрасли, задержал начало кризиса в легкой промышленности и обеспечил увеличение торговли в кредит предметами потребления (особенно автомобилями). С другой стороны, я выставляю второе положение, а именно, что самый кризис начался с тяжелойй промышленности, после того как процесс расширения и обновления основного капитала был в основном закончен.

Для доказательства выставленных нами положений мы начнем с динамики занятой рабочей силы. Чтобы характеризовать положение, приведем цифры движения рабочей силы, с одной стороны, по машиностроительной промышленности, с другой — по самой крупной и самой показательной отрасли легкой промышленности, по текстильной промышленности.

Индекс занятой рабочей силы
(1923 — 1925 = 100)

Месяцы	1928 год			Месяцы	1929 год		
	Вся промышленность	Машиностроение	Текстильная пром.		Вся промышленность	Машиностроение	Текстильная пр м.
Январь	95,7	94,5	10 ,0	Январь	100,9	112,3	97,0
Февраль	101,1	99,0	105,1	Февраль	08,1	120,7	103,6
Март	02,5	10 ,9	104,0	Март	11 ,1	126,5	108,8
Апрель	10 ,3	101,8	95,3	Апрель	111,7	1 9,5	10 ,2
Май	100,8	104,2	92,0	Май	11 ,5	131,9	99,3
Июнь	100,9	106,1	90,9	Июнь	109,2	131,6	97,8
Июль	98,3	102,5	85,8	Июль	104,	128,	9 ,4
Август	102,5	105,3	90,2	Август	109,4	127,	97,1
Сентябрь	104,2	106,0	94,	Сентябрь	110,5	127,9	103,0
Октябрь	107,5	111,3	101,1	Октябрь	110,0	129,0	104,5
Ноябрь	103,6	110,0	96,7	Ноябрь	102,0	121,6	96,2
Декабрь	104,2	114,0	100,3	Декабрь	98,7	119,9	93,8

(Sixtenth annual report of the Federal reserve Board to 1929, p. 22, Washington, 1930)

Наибольший рост дает машиностроение, в частности автомобильная промышленность (1928 г. и первая часть 1929 г.), а кроме того резиновая промышленность, затем железо и сталь, а также производство других металлов, т. е. иными словами все то, что непосредственно обслуживает машиностроение. Наоборот, как мы видим, уровень занятости рабочей силы в текстильной промышленности очень немногим отличается от взятого за 100 уровня 1923 — 1925 гг. Так же обстояло дело в целом ряде других отраслей легкой промышленности, как кожевенная, пи-

щевая, табачная и т. д. Эти отрасли либо не обнаруживали роста занятой рабочей силы, либо показывали рост, совершенно непропорциональный росту рабочей силы в машиностроении [1].

Вторым показателем является движение невыполненных заказов. Здесь мы приведем таблицу, которая характеризует положение, начиная с 1925 г., а кроме того мы приведем также и помесячные данные за 1929 г. Эти последние данные нам нужны будут, главным образом, для дальнейшего, для характеристики развертывания самого кризиса.

Движение продукции, запасов и невыполненных заказов по машиностроительной и хлопчатобумажной промышленности

Годы	Невыполненные заказы на машинное оборудование (в милл. долл.)	Хлопчатобумажная промышленность	
		Запасы к концу месяца (в тыс. ярд.)	Невыполненные заказы (в тыс. долл.)
1925	290	—	—
1926	244	257 103	278 644
1927	227	214 840	454 800
1928	413	414 015	358 851
1929	684	381 272	410 087

Месяцы	Невыполненные заказы на машинное оборудование (в милл. долл.)	Хлопчатобумажная промышленность	
		Запасы к концу месяца (в 1000 ярд.)	Невыполненные заказы (в тыс. долл.)
1929 г.			
Январь	676	389 194	440 585
Февраль	702	372 950	452 170
Март	687	345 311	504 298
Апрель	718	352 091	450 298
Май	721	367 340	382 512
Июнь	722	401 260	358 748
Июль	694	382 320	368 858
Август	693	364 060	355 095
Сентябрь	709	345 043	438 952
Октябрь	697	363 657	395 633
Ноябрь	629	431 426	342 232
1930 г.			
Апрель	407	414 736	431 018
Июнь	282	466 968	—

(Survey of current business, 1930, p. 42—43)

Данные этой таблицы говорят о том, что количество невыполненных заказов на машинное оборудование резко увеличивается против предыдущих лет как раз в 1928 г., т. е. в типич-

[1] Наиболее наглядно всю эту картину можно проследить по диаграммам занятой рабочей силы в разных отраслях, приведенным в январском номере Annalist'a за 1931 год, 16, стр. 94.

ном году оживленного строительства нового основного капитала. В 1929 г. процент невыполненных заказов продолжает увеличиваться, но с июня месяца замечается перелом, поскольку в это время намечается перелом вообще по всей линии промышленного подъема в тяжелой промышленности.

Если же мы возьмем количество невыполненных заказов по хлопчатобумажной промышленности, то 1928 г. дает резкое сокращение в сравнении с предыдущим годом. 1929 г., хотя и дает увеличение, но это увеличение не достигает уровня 1927 г. Здесь перед нами очевидное доказательство того, что под покровом общего промышленного оживления, общего роста конъюнктурной кривой тяжелая и легкая промышленность находились в разных условиях. В то время как в тяжелой промышленности замечается сильный подъем, легкая промышленность лишь удерживает позиции и только в 1929 г. под влиянием оживления в тяжелой промышленности, т. е. перед самым кризисом, здесь намечается движение вперед. Это доказывает, что в этих основных подразделениях конъюнктура в течение последних лет подъема была различной. Руководящим звеном всего оживления была тяжелая промышленность, которая задержала переход депрессии 1927 г. в кризис. Точно так же и цифры запасов по хлопчатобумажной промышленности дают приблизительно ту же картину. В год наиболее быстрого подъего в тяжелой промышленности, т. е. в 1928 г., количество запасов резко возрастает в сравнении с предыдущим годом и сокращается только в 1929 г. в сравнительно незначительных размерах и под очевидным влиянием оживления в тяжелой промышленности. (Здесь надо учитывать, правда, и сезонные колебания).

Совершенно ту же картину мы видим в области динамики зарегистрированных заказов на электрическое оборудование. В этой очень важной отрасли машиностроения дело обстояло следующим образом.

Заказы на электрическое оборудование

(по данным 81 предприятия, в тыс. долл.)

1923 г.	863 701
1924 „	844 556
1925 „	912 234
1926 „	982 090
1927 „	926 725
1928 „	1 029 721

	I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал	Всего
1929 г.	332 425	340 863	338 170	288 696	1 290 154
1930 „	298 733	276 732	217 813	—	—

Эти цифры показывают то же самое, а именно резкое увеличение заказов на электрическое оборудование как раз в 1928 и 1929 гг.

Отраслью, наиболее связанной с производством основного капитала, является металлургия, прежде всего выплавка стали. Если по сравнению с 1932 г. выплавка стали в 1925, 1926 и 1927 гг. почти не изменилась, то 1928 г. и первая половина 1929 г. дают значительное увеличение. То же относится и к выплавке чу-

гуна, хотя и в меньшей степени, также и к добыче меди. Более подробные данные мы приводим ниже, где дело будет итти об определении хронологического момента перелома конъюнктуры в сторону кризиса.

Не останавливаясь на статистическом освещении положения в целом ряде других отраслей, поскольку все цифры более или менее подтверждают наше положение, мы упомянем здесь только об одном интересном факте нестатистического порядка. Когда советские органы распределяли заказы в Соединенных штатах в 1928 г., то они встретили затруднение с размещением срочных заказов как раз на машинное оборудование вследствие того, что предприятия, изготовляющие основной капитал, были сильно загружены заказами и не могли быстро выполнить новые срочные заказы из-за границы.

Таким образом мы считаем совершенно установленным тот факт, что промышленный кризис в Соединенных штатах, назревавший уже в 1927 г., был отсрочен вследствие изменения характера цикла при империализме, был отсрочен перенесением заказов на основной капитал, на последнюю стадию промышленного подъема.

Прежде чем пойти дальше, мы хотим отметить здесь то интересное обстоятельство, что приблизительно такая же картина наблюдается сейчас и во Франции, где при депрессивном состоянии как сельского хозяйства, так и легкой промышленности тяжелая промышленность находилась в 1930 г. в состоянии подъема, и таким образом на примере и этой страны можно констатировать то же самое изменение в характере цикла. Это обстоятельство имеет огромное значение для прогноза в области конъюнктуры по отношению к Франции, которая пока еще не вошла в стадию настоящего кризиса, но которая будет охвачена кризисом после того, как процесс расширения основного капитала будет закончен.

Второй особенностью конъюнктуры в Соединенных штатах перед кризисом является тот факт, что промышленный подъем в это время не сопровождался ростом цен. Рост цен не был констатирован даже в отношении цен на стальные изделия, что видно хотя бы из следующей таблицы.

Цены на сталь и железо (по 14 продуктам из этих металлов) и их неизменность в период подъема

1925 г. . . .	38 83
1926 „ . . .	38,27
1927 „ . . .	36,41
1928 „ . . .	35,49
1929 „ . . .	36,49

(Survey of current business, August, 1930, p. 36)

Экономисту, знакомому с основными моментами в истории конъюнктуры капиталистического хозяйства за последнее столетие, прекрасно известно, что промышленный подъем всегда сопровождался ростом цен и что наиболее типичной была всегда динамика цен на продукцию металлургии. Отсутствие резкого повышения цен во время промышленого подъема в Соединенных

штатах казалось непонятной загадкой для всех экономистов, которые занимались конъюнктурой американского хозяйства. Между тем, с точки зрения нашей теории хозяйственного цикла при империализме, этот факт объясняется очень просто. Подъем в тяжелой промышленности Соединенных штатов в 1928/29 г. был связан с увеличением резервов основного капитала. Так как дело шло именно об увеличении резервов, то здесь не могло быть того ажиотажа и того сильного напора на рынок предложения, который так характерен для промышленного подъема эпохи свободы конкуренции, поскольку дело идет о производстве средств производства.

Из всего вышесказанного видно, что во всяком случае две загадки в истории конъюнктуры Соединенных штатов за последние годы находят свое полное объяснение: и загадка того, что депрессия 1927 г. была придушена новым подъемом, и загадка неизменности цен в период подъема.

Но из сказанного выше можно объяснить также и третью загадку, а именно внезапный обрыв конъюнктуры и развертывание всеобщего кризиса, который разразился с такой неожиданностью. Кризис разразился тогда, когда процесс увеличения основного капитала был в основном закончен. Тяжелая промышленность Соединенных штатов, развертывание которой отсрочило кризис в 1927 г., в свою очередь является ведущим началом в сторону кризисного обрыва. В буржуазной экономической литературе довольно широко распространено убеждение, что современный мировой кризис начался не в промышленности Соединенных штатов, а в странах, производящих сырье. В пользу этого положения приводится факт депрессивного состояния на рынке сырья, который существовал еще до второй половины 1929 г. Самый этот факт, конечно, не подлежит сомнению. Однако из этого факта делаются совершенно неверные выводы, вроде предыдущих. Страны, производящие сырье, являются экономической периферией тех стран, которые перерабатывают это сырье и которые имеют мощные центры тяжелой промышленности. Депрессивное состояние на рынках этих стран говорит о сравнительно медленном развитии стран, потребляющих это сырье, а тем самым вся проблема переносится именно в последние страны.

Фактически дело обстояло следующим образом. Военный и послевоенный подъем Соединенных штатов провоцировал целый ряд стран на расширение производства сырья. Это производство сырья выходило за пределы спроса вследствие того, что промышленное оживление после мировой войны носило однобокий характер в масштабе всего мирового хозяйства. Если бы все другие страны, кроме Соединенных штатов и Франции, развертывали свое производство в тех же пропорциях, как эти два государства, то на рынке сырья не только не было бы депрессии, а, наоборот, там наблюдался бы товарный голод.

Однако это депрессивное состояние на рынках сырья не развернулось во всеобщий кризис, пока решающий удар не был нанесен со стороны тяжелой промышленности Соединенных шта-

тов. Эта тяжелая промышленность отсрочила кризис на два с лишним года, она удержала высокую конъюнктуру в легкой промышленности Соединенных штатов, а тем самым не позволила депрессии на рынках сырья перейти в глубокий кризис сбыта. Наоборот, когда в тяжелой промышленности оживление закончилось, это изменение конъюнктуры распространилось на легкую промышленность и сильнейшим образом ударило по тем странам, которые производят сырье для легкой промышленности.

Подъем в тяжелой промышленности Соединенных штатов не только задержал кризис в странах, производящих сырье, но даже провоцировал некоторые из них на значительное расширение продукции. Если производство сырья в странах Северной Америки, Южной Америки и Азии принять в 1926 г. за 100, то положение в 1927 и 1928 гг. рисуется в процентном выражении в следующем виде:

	1926 г.	1927 г.	1928 г.
Северная Америка	100	94	98
Южная Америка	100	134	141
Азия	100	105	107

Но действительно ли первый поворот конъюнктуры начался с тяжелой промышленности Соединенных штатов, не является ли поворотным пунктом биржевая паника в октябре 1929 г.?

В настоящее время для каждого экономиста, который внимательно изучает цифры, должно быть совершенно очевидно, что кризисное состояние началось до октябрьской паники и что октябрьская паника разразилась уже после того, как началась депрессия, и разразилась в с л е д с т в и е т о г о, что началась депрессия.

Прежде чем мы приступим к доказательству этого факта, интересно будет сделать одно историческое сравнение. Если не считать послевоенного кризиса 1921 г., то ближайшим предшественником теперешнего кризиса в Соединенных штатах является кризис, который разразился в этой стране в 1907 г.

Прежде всего интересно отметить поразительное совпадение: особенно быстрое развертывание кризиса началось в 1907 г. также после биржевой паники, которая также произошла в октябре месяце. Исследование условий зарождения кризиса 1907 г. показывает, что он начался д о б и р ж е в о й п а н и к и, причем тяжелая промышленность вступила в период депрессий за несколько месяцев до октября. Если выплавку чугуна в Соединенных штатах с 1890 до 1914 г. принять за 100, то размеры продукции этого металла по месяцам 1907 г. дают следующую картину:

Январь	119,2	Июль	124,1
Февраль	118,3	Август	120,6
Март	134,4	Сентябрь	116,2
Апрель	117,9	Октябрь	116,8
Май	121,9	Ноябрь	96,2
Июнь	124,1	Декабрь	63,7

(Harry Jerome, Migration and business Cycles, New-Jork, 1926, p. 250).

В то же время индекс оптовых цен, повышавшийся до второго квартала включительно, обнаруживает снижение с третьего квартала. Мы видим таким образом, что снижение конъюнктуры началось в тяжелой промышленности еще за полгода до октябрьской паники, точно так же раньше начал падать и средний уровень цен. Октябрьская паника разразилась после того, как элементы начавшейся депрессии были уже налицо. В 1929 г. мы имеем поразительную аналогию с конъюнктурой 1907 г. как раз именно в этом отношении. Снижение конъюнктуры в 1929 г. начинается до октябрьской паники, хотя резкий обрыв вниз начинается только после октября, совершенно так же, как это имело место и в 1907 г.

Мы выше приводили уже индекс занятой рабочей силы в машиностроении текстильной промышленности. Из этой вышеприведенной таблицы читатель может видеть, что сокращение рабочей силы началось с машиностроения уже с июня 1929 г., в то время как в текстильной промышленности, начиная с июля по октябрь включительно, происходило увеличение. Мы берем только эти две отрасли, как наиболее характерные, потому что положение в других отраслях как тяжелой, так и легкой промышленности, было более или менее аналогично. Например, производство обуви в 1929 г. дает следующие цифры:

Производство обуви в 1929 г. (в млн. пар)

Январь	27,2	Июль	30,2
Февраль	27,9	Август	36,4
Март	30,9	Сентябрь	3 ,8
Апрель	29,3	Октябрь	37.1
Май	29,1	Ноябрь	27,7
Июнь	28,1	Декабрь	2 ,4

[Annalist, I, 16, 1931, p. 218).

То же самое можно видеть и из данных о размерах промышленного производства по углю, чугуну, стали, меди и нефти, как видно из следующей таблицы:

Размеры промышленного производства Соединенных штатов

Годы	В тысячах тонн			В метрических тоннах	
	Уголь	Чугун	Сталь	Медь	В млн. бар. нефть
1920	49 764	3 069	3 461	45 702	36 911
1921	38 283	1 389	1 628	21 716	39 349
1922	36 057	2 271	2 927	42 757	46 461
1923	49 736	3 363	3 682	63 029	61 034
1924	43 213	2 614	3 117	67 923	59 495
1925	43 988	3 058	3 737	71 617	63 645
1926	49 729	3 277	3 794	74 402	64 240
1927	45 197	3 036	3 675	73 2 9	75 094
1928	43 052	3 167	4 222	80 142	75 122
1929	45 510	3 580	4 599	89 151	83 800
1930	40 047	2 659	3 357	61 991	74 089

Размеры промышленного производства Соединенных штатов

По месяцам 1930 г.	В тысячах тонн			В метрических тоннах	
	Уголь	Чугун	Сталь	Медь	В млн. бар. нефть
Январь . .	51 543	2 873	3 857	76 613	79 453
Февраль . .	41 469	2 884	4 144	67 217	74 427
Март . . .	36 581	3 298	4 369	71 227	77 384
Апрель . .	36 991	3 233	4 221	69 651	77 175
Май . . .	38 012	3 285	4 089	68 883	80 176
Июнь . . .	35 287	2 981	3 495	62 736	76 513
Июль . . .	36 626	2 682	2 980	61 360	76 554
Август . .	37 967	2 564	3 145	60 507	74 853
Сентябрь .	39 848	2 313	2 914	62 130	70 977
Октябрь . .	46 517	2 200	2 764	63 883	72 696
Ноябрь . .	39 307	1 897	2 270	58 800	68 174
Декабрь . .	41 551	1 692	2 040	54 451	66 985

(Bulletin mensuel de Statistique, Société des nations, Génève, 1930)

Эти таблицы говорят тоже о том, что снижение конъюнктуры в металлургии началось еще до октябрьского биржевого краха и что это снижение предшествовало изменению конъюнктуры в легкой промышленности. Для полноты картины мы приведем также таблицу строительных контрактов за 1929 и 1930 гг. по отдельным месяцам.

Контракты на строительство по месяцам
(в миллионах долларов)

Месяцы	Всего		Строительство жилых домов		Промышленное строительство	
	1929 г.	1930 г.	1929 г.	1930 г.	1929 г.	1930 г.
Январь	406,5	324,0	138,1	66,1	63,1	38,3
Февраль	361,3	317,1	129,5	4,8	56,1	33,5
Март	484,6	456,1	196,9	101,5	55,8	74,3
Апрель	642,1	482,9	256,8	123,1	68,2	38,1
Май	587,8	457,4	192,0	116,6	80,8	54,6
Июнь	529,9	660,6	173,3	96,8	70,0	93,6
Июль	652,4	366,9	199,9	84,3	66,6	35,2
Август	488,9	346,6	146,1	82,7	75,3	20,7
Сентябрь	444,4	331,9	117,4	98,5	52,6	31,7
Октябрь	445,6	336,7	137,7	104,7	60,9	16,1
Ноябрь	391,0	253,6	113,5	80,8	39,7	17,6
Декабрь	316,4	249,4	114,0	70,9	69,4	15,2
За год . . .	5 750,8	4 523,1	1 915,7	1 10 ,3	756,5	468,9

(Federal reserve bulletin, February, 1931, p. 71)

Из этой таблицы видно, что наиболее характерным является промышленное строительство, которое показывает снижение после мая 1929 г.; по жилстроительству резкое снижение нам-

чается после июля, хотя при всем этом должно быть учтено влияние чисто сезонных причин. Что касается столь важной отрасли машиностроения, как автомобильная промышленность, то здесь снижение также началось до октябрьской паники и до того, как кризис охватил легкую промышленность. Что касается общего промышленного индекса, то он показывает снижение, начиная с июля.

Из всего вышесказанного вырисовывается следующая картина. Тяжелая промышленность задержала наступление кризиса в 1927 г. Тяжелая промышленность не только позволила легкой удержаться на достигнутом уровне, но и вовлекла ее в дополнительное расширение к концу промышленного подъема. Когда в тяжелой промышленности началась перемена конъюнктуры, то легкая промышленность еще не реагировала на это сжатие и автоматически сохраняла взятые темпы, причем, конечно, должны быть учтены влияния сезонных причин. Когда начавшийся поворот к кризису приводит к биржевой панике в октябре месяце, это дает толчок для резкого поворота всей конъюнктуры в сторону кризиса.

После того как кризисное состояние уже совершенно ясно обозначилось, весной 1930 г. делаются попытки удержать высокую конъюнктуру, которые терпят, однако, крах. В числе таких попыток надо указать на резкое увеличение строительства общественных зданий и сооружений за счет государственного и муниципальных бюджетов. Следующая таблица рисует более полно всю картину зарождения кризиса и ведущую роль в снижении конъюнктуры в тяжелой промышленности. К сожалению, в этой таблице отсутствуют суммарные данные по машиностроению, состояние дела в котором за этот год мы впрочем осветили выше.

Месячная продукция Соединенных штатов в 1929 г.

(средняя 1923—1925 гг. = 100)

Месяцы	Промышленн. товары	Минералы	Железо и сталь	Пищевая промышлен.		Цемент, кирпич, стекло	Резиновые изделия	Автомобили	Кожевенные	Текстильная
				1929	1928					
Январь . .	117	118	117	103	103	134	148	150	95	116
Февраль .	116	120	126	101	110	123	152	148	98	113
Март . . .	120	107	132	96	105	135	152	159	99	116
Апрель .	123	115	135	102	8	127	161	153	97	120
Май . . .	125	116	145	97	96	124	158	148	101	121
Июнь . .	129	113	155	96	93	134	162	162	113	1 1
Июль . .	126	114	151	96	89	38	141	142	114	118
Август . .	124	114	148	99	90	142	119	143	116	120
Сентябрь .	122	118	139	98	95	143	116	133	116	116
Октябрь .	117	118	124	96	98	141	114	113	113	118
Ноябрь . .	105	11	100	96	102	130	94	81	105	108
Декабрь .	96	116	90	95	104	117	80	49	93	96

(Abstracts, 1930)

[1] Средняя по пищевой в 1925 г. — 98, в 1926 г. — 97, в 1927 г. — 96, в 1928 г. — 98, в 1929 г. — 97.

Таким образом и эта таблица подтверждает то же самое, а именно, что кризис начался с тяжелой промышленности. Особенно большую роль в повороте конъюнктуры сыграло снижение производства в автомобильной промышленности.

Что касается автомобильной промышленности, то, поскольку она изготовляет грузовики, дело здесь идет исключительно о средствах производства, которые поступают в производительное потребление в форме транспортных средств для перевозки товаров. Наоборот, легковая машина может рассматриваться отчасти и как средство потребления и, что более важно, она является предметом в большинстве случаев индивидуального спроса. Сокращение спроса на легковые автомобили означает или очень большое перепроизводство за прошлый период, или сокращение спроса на них в результате сокращения платежеспособного спроса вообще. К лету 1929 г. о последнем явлении вряд ли можно было бы говорить, скорее мы имеем дело с первым, т. е. перепроизводством, при том же самом платежеспособном спросе всего общества. Однако это перепроизводство имело связь со всем подъемом 1927—1929 гг., причем и переоборудование основного капитала автомобильной промышленности также происходило в течение этого периода.

Следующей особенностью кризиса в Соединенных штатах является отсутствие первое время резко выраженного кредитного кризиса.

Здесь говорится о кредитном кризисе в собственном смысле, а не о той панике на фондовой бирже и не о дальнейшем падении ценных бумаг, которое продолжалось и после октября, прерываемое время от времени контртенденцией. По этому пункту мы более подробно будем говорить в другом месте, в другом выпуске нашей книги, где будут освещены проблемы обращения. В данной же связи мы заметим следующее: причины отсутствия резко выраженного кредитного кризиса в первые 1½ — 2 года кризиса, если не считать имевших место банковских банкротств, отчасти были уже указаны в экономической литературе, в том числе и т. Варга. Я упоминаю здесь, кроме уже указанных Варга и другими причин, еще и о некоторых дополнительных обстоятельствах, на которые не было обращено внимание. В целом причина перемещения в цикле момента кредитного и денежного кризиса сводится к следующему.

1. Огромные монополистические объединения, которые господствуют в современной хозяйственной жизни в передовых капиталистических странах, теряют часть своих капиталов во время кризиса, но не теряют кредита и в общем выдерживают кризисную бурю при ее первом натиске.

2. В эпоху монополизма, вследствие того что возрастание абсолютной массы создаваемой прибавочной стоимости относительно превышает темп увеличения капитальных вложений в производство, капиталистическая система имеет больше свободного ссудного капитала, чем в эпоху свободы конкуренции.

3. Так как одной из особенностей современного мирового кризиса является отсутствие повышения цен в период подъема, то в результате этого количество кредитных документов, в срав-

нении со всей массой продукции, было относительно меньше, чем в эпоху свободы конкуренции. В эпоху свободы конкуренции вздутие товарных цен в период подъема неизбежно вызывало увеличение кредитного обращения в известной пропорции не только с ростом обращающихся ценностей, но и в пропорции с общей ценой всей массы товаров. При сжатии производства, при переполнении рынка товарами и при погоне за наличными средствами платежа потрясение в области кредита было гораздо сильнее.

4. После мировой войны, которая чрезвычайно увеличила задолженность государств и, следовательно, количество ценных бумаг с фиксированной доходностью, относительно возросла та часть ссудного капитала, которая непосредственно не зависит в своем процентировании от хода производственного процесса и большей частью процентируется из государственных бюджетов. Это обстоятельство неизбежно должно ослаблять кредитный кризис вначале, поскольку он распространяется на в е с ь денежный рынок, и обострение резко ускоряется, когда начинают трещать бюджеты стран-должников.

5. Центром мирового кризиса являются Соединенные штаты, т. е. страна с огромными запасами золота. Банкнотное обращение здесь достаточно обеспечено, а уменьшение чекового обращения приводит к тому, что наличная масса циркулирующих денег не превышает или не сильно превышает потребности обращения.

Каким же образом кризис в Соединенных штатах превратился в мировой кризис и почему он неизбежно должен был превратиться в мировой?

Теоретически этот вопрос ясен из предыдущего. Если имеется налицо хозяйственный подъем в одной части капиталистической системы, которая развивается за счет другой, то все же этот подъем не может не вызвать на определенной стадии оживление хозяйственной деятельности и в другой части капиталистической системы. И наоборот, когда в ведущих странах хозяйственного подъема источники его оказываются исчерпанными, то кризис с наибольшей силой разражается именно здесь, где он начинается, и увлекает затем вниз все мировое хозяйство.

Фактически дело обстоит таким образом. Хозяйственный подъем в Соединенных штатах в период войны развертывался за счет воюющей Европы и за счет внешних рынков, утерянных Европой. Промышленный подъем в Соединенных штатах после войны закреплял позиции этой страны, приобретенные ею за время войны в области внешней торговли. Теперь это достигалось уже при наличии конкурирующей Европы, в том числе конкуренции со странами с падающей валютой и, следовательно, с демпинговым экспортом. Однако промышленный подъем в Соединенных штатах не мог не втянуть в расширенное воспроизводство страны, производящие сырье и предметы питания. Но увеличение производства этих стран означало в то же время увеличение их

экспорта. Увеличение экспорта означало увеличение импорта, прежде всего увеличение импорта из Соединенных штатов. Эти страны увеличивали свой импорт и из Европы, как увеличивали и свой экспорт в Европу. Иными словами, вовлекая страны, производящие сырье, на путь более быстрого расширенного воспроизводства, Соединенные штаты увеличивали в то же самое время емкость рынка этих стран для Европы.

В то же время увеличивалась и торговля Соединенных штатов с Европой. Соединенные штаты увеличивали как производительный, так в особенности потребительский спрос на продукцию Европы.

В целом все это означало вовлечение Европы в хозяйственное оживление со стороны Соединенных штатов и их экономической периферии. Это не значит, конечно, что у Европы не было никаких других стимулов к промышленному оживлению. Мы можем видеть весь этот процесс из следующих таблиц, дающих распределние экспорта и импорта в Соединенных штатах по отдельным странам:

Распределение экспорта Соединенных штатов по странам
(в миллионах долларов)

Годы	Северная Америка	Южная часть Северн. Америки	Южная Америка	Азия	Европа	Океания	Африка
1911 . .	274,5	—	—	—	—	—	—
1913 . .	420,4	197,0	141,1	140,4	1 499.0	53,7	29 0
1914 . .	350.5	178,0	124,5	140.7	1 486,4	56,2	27,9
1915 .	306,1	170,9	99,3	139,2	1 971,4	53 0	28,5
1916 . .	613,4	311,1	220,2	387,7	3 813,2	82,7	44,0
1917 . .	839,3	422,3	311,8	469,4	4 061.7	77 4	51,3
1918 . .	900,2	25,2	302,7	498,4	3 58 6	104,5	59,1
1919 . .	749.9	545,8	44 ,7	771.7	5 187,6	125.5	97,9
1920 . .	984,8	944,3	62 ,9	871,5	4 466.0	171,6	1 5,6
1921 . .	60 4	529 1	273,3	532,6	2 363 8	112,7	72,8
1922 . .	8 4	332,2	226.0	448,9	2 083,3	101,9	55,7
1923 . .	660,5	425 6	269,3	511,4	2 093,4	146,4	60,6
1924 . .	633 8	456,1	314.2	514,5	2 445 3	156,5	70,2
1925 . .	658,6	479,7	402,6	486,5	2 603,7	189,4	89,0
1926 . .	747,6	428,7	443.5	564,5	2 310 1	212,7	101,2
1927 . .	845,3	407,7	438,1	559,6	2 313,7	193,7	107,0
1928 . .	924,1	397,1	480,8	654,5	2 374,9	180,0	116.7
1929 . .	961,4	433,4	539,3	643,2	2 340,8	192,0	130,5

Настоящие таблицы (распределение импорта см. на стр. 127) со всей отчетливостью рисуют эту картину. Из таблицы импорта Соединенных штатов мы видим, что наибольший рост импорта в Соединенные штаты дают: северная часть Северной Америки, а именно с 337,6 млн. долл. в 1921 г. до 514,3 в 1929 г.; Южная Америка — с 295,6 млн. за то же время до 639,7; Азия — с 617,8 до 1 280,2 млн.; Африка — с 40,3 млн. до 108,6 млн. долл.

Таким образом наибольший рост хозяйственных связей с Соединенными штатами показывают страны, которые являются объектом экономической экспансии Соединенных штатов. Хо-

Распределение импорта Соединенных штатов по странам
(в миллионах долларов)

Годы	Северная Америка		Южная Америка	Азия	Европа	Океания	Африка
	северная часть	южная часть					
1913 . .	121,7	240,1	217,7	297.5	892 8	16.5	26,4
1914 . .	162,0	265.3	222,6	305,1	895,6	23,9	19,1
1915 . .	161 0	312 0	261,4	271,7	614,3	28,5	24,9
1916 . .	240,1	418,2	427,6	550,8	633,3	59 5	61,8
1917 . .	419,1	452,8	598.8	820,6	551,1	36,8	73,0
1918 . .	457,6	516,9	610,9	939,3	318.1	102,7	85,6
1919 . .	500,1	657,6	687,5	1 107,7	750,5	88,6	112.1
1920 . .	614,6	1 048 0	760,9	1 396,6	1 227,8	80,0	150 2
1921 . .	337,6	417,2	295,6	617,8	764,9	35 4	40,3
1922 . .	366,5	455,9	358,7	826,8	991,2	48,5	64.9
1923 . .	418,3	583,1	467,4	1 019,8	1.157,0	59,2	87,0
1924 . .	402,0	593,1	466,0	930,7	1 096,0	48 9	72,9
1925 . .	458,7	521,7	518.7	1 319.1	1 238,1	77.8	92,1
1926 . .	485,5	526,0	567,9	1 400.7	1 285,×	68,3	96 4
1927 . .	485,4	500,9	518,2	1 256,7	1 276,4	54,5	93 2
1928 . .	499,9	460,7	569,4	1 168.9	1 248,7	53,4	90,2
1929 . .	514,3	467,1	639,7	1 280 2	1 332,6	56 5	108,6

(Abstracts, 1930).

зяйственный подъем Соединенных штатов означал увеличение спроса на продукцию этих стран со стороны Соединенных штатов, т. е. означал рост рынка для них в Соединенных штатах. А с другой стороны, сами Соединенные штаты расширяли для себя рынок в этих странах.

Что касается торговли Соединенных штатов с Европой, то приведенные таблицы показывают и здесь некоторый рост, но гораздо более медленный. Экспорт Соединенных штатов в Европу с 1921 г. не увеличился по стоимости, а если учесть некоторое падение индекса цен, то этот экспорт даже сократился. Наоборот, экспорт европейских стран в Соединенные штаты показывает хотя и не быстрый, но зато непрерывный рост. С 1921 г. экспорт Европы в Соединенные штаты увеличился с 764,9 млн. в 1921 г. до 1 332,6 млн. долл. в 1929 г.

В то же время за период хозяйственного подъема по ту сторону океана экспорт Европы в страны-производительницы сырья хотя и медленно, но непрерывно увеличивался. Например, Канада развивала свой импорт на протяжении пяти лет перед кризисом в следующих размерах:

	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Из Соедин. штатов .	509,7	608,6	687,0	718,8	868,0
„ Англии	157,0	163,7	163,9	18 ,4	194,0
„ Европы	51,4	59,6	78,0	85,8	92,7

(The Canada Yearbook, 1930, p. 557, 558).

Эти цифры, относящиеся к импорту Канады, характерны и для других стран такого же типа по ту сторону океана. Эти страны больше ввозили и больше вывозили из Соединенных штатов, чем из любой другой страны, но в то же время они увеличивали свои хозяйственные связи также и с Европой. В этом отношении довольно характерно распределение экспорта Германии.

Внешняя торговля Германии

(в миллионах марок)

Годы	Ввоз	Вывоз	Годы	Ввоз	Вывоз
1913	11 655	10 892	1927	15 839	11 746
1925	13 652	9 964	1928	15 679	13 228
1926	11 220	11 101	1929	14 027	14 215

Экспорт Германии

Страны	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Европа	7 978,6	8 987,8	9 9?4,1
Африка	456,9	280,3	311,9
Азия	826,1	923,1	1 041,8
Америка . . .	1 646,9	1 757,1	2 093,2
В том числе:			
Соедин. штаты	776,2	795,9	1 991,1

(Statistisches Jahrbuch, 1930, S. 234, 235)

Цифры, характеризующие направление экспорта Англии и Франции рисуют в общем ту же картину.

Начавшийся кризис немедленно отозвался на внешней торговле Соединенных штатов, которая начала быстро сокращаться из месяца в месяц.

1930 г. дает следующие цифры экспорта и импорта Соединенных штатов:

Месяцы	Экспорт	Импорт	Месяцы	Экспорт	Импорт
1930 г.			1930 г.		
Январь . .	41 ?,8	31 ?,0	Июль . . .	261,9	2?8,1
Февраль . .	348,9	281,7	Август . .	293,9	218,3
Март . . .	369,6	300,5	Сентябрь .	311,0	226,3
Апрель . .	331,8	307,8	Октябрь . .	327,1	248,2
Май	319,8	284,7	Ноябрь . .	285,4	203,7
Июнь . . .	290,3	320,2	Декабрь . .	273	209

Сжатие импорта Соединенных штатов означает сокращение рынка сбыта как для стран из периферии Соединенных штатов, так и для Европы.

С другой стороны, экономический кризис в странах, производящих сырье, приводит к резкому сокращению их экспорта и импорта, в том числе к сокращению импорта из Европы. Огромное сокращение внешней торговли стран Южной Америки, Ав-

стралии, Новой Зеландии, Индии и т. д. достаточно освещено в экономической литературе, чтобы на этом останавливаться. Следует только отметить, что в большинстве случаев резкое, скачкообразное сокращение торговли в этих странах наметилось после того, как определился кризис в Соединенных штатах. Это доказывает, что эти страны играли пассивную роль в кризисном процессе. Несмотря на депрессивное состояние важнейших видов промышленного сырья, производство в этих странах держалось на повышенном уровне и только с началом кризиса в Соединенных штатах хозяйственная конъюнктура в них резко полетела вниз. Как показывает динамика цен на сырье, хотя хлопок, кожа и в особенности шерсть начали падать в цене еще до начала кризиса в Соединенных штатах, однако общий кризис как таковой начался в этих странах после начала кризиса в Соединенных штатах. Наибольшие срывы цен на сырье произошли между сентябрем и декабрем 1929 г., т. е. после биржевой паники в Соединенных штатах.

Таким образом всю картину в целом можно представить себе так. Центром подъема являются Соединенные штаты, которые увлекают на путь оживления страны-производительницы сырья. Это оживление передается в Европу, которая также начинает расширять производство, хотя гораздо более медленным темпом. Перелом конъюнктуры в Соединенных штатах намечается уже к моменту депрессии 1927 г. С другой стороны, перепроизводство сырья точно так же дает себя знать до начала кризиса в Соединенных штатах. Однако заключительный аккорд всего послевоенного подъема — оживление в тяжелой промышленности и особенно машиностроении — перекрывает начавшуюся депрессию, оттягивает кризис в странах, производящих сырье, в то время как вовлеченная в оживление Европа продолжает увеличивать производство вплоть до самого кризиса. Исключение представляет одна лишь Франция, о которой мы скажем отдельно. Сравнительные данные конъюнктуры в Соединенных штатах, в Канаде и в европейских странах можно видеть из следующей таблицы, где размеры производства за 1928 г. приняты за сто:

Страны	1929 г.	1930 г.	1930 г.				1931 г.
			Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь
Франция . . .	110	110	108	107	106	106	105
Соедин. штаты	107	88	82	80	77	74	—
Великобритания	103	96	88	—	—	91	—
Германия . . .	02	86	80	80	79	79	—
Канада	112	—	89	90	90	—	—
Польша . . .	100	—	84	85	82	79	—
Швеция	123	—	135	114	110	—	—

(La Statistique générale de la France, t. XX)

Из этой таблицы видно, что кризис более или менее равномерно развертывается в Соединенных штатах, в Германии и Англии, в то время как Франция еще очень мало затронута кри-

зисным состоянием, хотя смена конъюнктуры там уже наступила в половине 1930 г. Для того чтобы лучше осветить положение французского хозяйства, мы приведем цифры, характеризующие объем промышленного производства этой страны, начиная с 1925 г.

Индекс реального объема промышленного производства
(средняя месячная)

Годы	Общий индекс	Металлообрабатывающая пром.	Металлургическая пром.	Добывающая пром.	Текстильная пром.
1913	100	100	100	—	100
1925	107	115	101	104	85
1926	124	132	113	114	94
1927	109	114	112	107	90
1928	127	138	125	117	99
1929	139	157	129	123	92
1930	140	157	125	123	85
Месяцы					
Апрель	144	161	129	124	87
Май	144	161	132	121	—
Июнь	144	162	128	—	—
Июль	141	161	124	—	—
Август	139	159	125	—	80
Сентябрь . . .	137	156	120	—	—
Октябрь . . .	136	152	120	—	—
Ноябрь	135	149	119	—	—
Декабрь	134	146	118	119	85
Январь (1931) .	133	144	118	—	—

(Ibid, p. 168).

Что касается внешней торговли Франции, то она падает и по экспорту и по импорту, хотя по экспорту падает быстрей. Индекс оптовых цен продолжает падать, хотя в своем падении он отстал от мирового индекса цен, в то время как перед началом кризиса индекс цен во Франции стоял ниже мирового, что обеспечивало благоприятные условия для французского экспорта[1].

Несмотря на огромный избыток денежного капитала во Франции, мы видим резкое сокращение инвестиций нового капитала. Очень резко уменьшились инвестиции внутри страны, в то время как внешние инвестиции, по своим размерам, почти не изменились в сравнении с 1928 г. О движении инвестиций во Франции дает представление следующая таблица, показывающая размеры эмиссии в процентах в сравнении с 1926 г.

Годы	%%	Годы	%%
1926	100	1930 Январь . .	164
1928	139	» Декабрь .	112
1929	197	1931 Январь . .	77
1930	154	» Февраль .	65

Из приведенной выше таблицы мы видим, что если брать общий индекс промышленной продукции, то перелом в сторону

[1] В отношении Франции правильней пока говорить о сильной депрессии, а не о настоящем кризисе, который еще впереди.

кризиса наступил во Франции с июля, однако конъюктура в отдельных отраслях оказывается совершенно различной. Текстильная промышленность начала снижать производство уже с 1929 г. Вообще вся легкая промышленность находится сейчас в более депрессивном состоянии, чем тяжелая промышленность. Сельское хозяйство Франции в связи с неурожаем, с одной стороны, и в связи с катастрофическим падением мировых цен на сельскохозяйственные продукты, с другой стороны, находится также в весьма депрессивном состоянии, несмотря на целый ряд мер протекционистского характера, принимаемых правительством для защиты сельского хозяйства от иностранного импорта.

И в то же самое время металлообрабатывающая промышленность показывает огромный рост и высокую конъюнктуру вплоть до августа 1930 г., когда наступает падение.

Вся эта картина поразительно напоминает ситуацию, которую мы видели в Соединенных штатах перед кризисом. И здесь легкая промышленность и сельское хозяйство обнаруживают признаки снижения конъюнктуры до начала кризиса, в то время как высокая конъюнктура удерживается в металлообрабатывающей промышленности, т. е. в главной отрасли по изготовлению основного капитала, а также в других отраслях тяжелой промышленности, прежде всего в металлургии и каменноугольной промышленности.

Чрезвычайно характерно также, что в экономической литературе отмечается то интересное явление, что Франция в настоящий момент увеличивает ввоз некоторых металлоизделий из-за границы. Если во Франции процесс развертывается таким же образом, как в Соединенных штатах в начале кризиса, то явление это вполне понятно. Очевидно Франция заканчивает процесс восстановления и расширения основного капитала, не отказываясь для этой цели от импорта подешевевшего оборудования из-за границы. Если дело обстоит именно так,— а это положение еще нуждается в дополнительных доказательствах, то тогда французское хозяйство, начиная, примерно, с июля месяца прошлого года, находится приблизительно в тех же условиях, в каких хозяйство Соединенных штатов находилось в 1929 г. с июня месяца до октябрьского биржевого краха. Я не хочу этим сказать, что во Франции также произвойдет нечто вроде октябрьской биржевой паники, которая имела место в Соединенных штатах, тем более что падение ценности бумаг, хотя и более скромное, чем в Соединенных штатах, уже произошло в 1930 г., однако есть все основания рассчитывать на близкое развертывание кризиса во Франции в тяжелой промышленности, кризиса, который потащит за собой вниз все хозяйство страны и еще больше усилит кризисное состояние в других европейских странах. В настоящее время нельзя еще предсказать, достигнет ли этот кризис такой остроты, какой отличался кризис в Соединенных штатах. Несомненно только то, что исключительное положение, в котором находится сейчас Франция, скоро должно притти к концу. Франция позднее Соединенных штатов вступила на путь подъема, поскольку она переживала до 1927 г. кризис денежного обращения, кото-

рый сильно ослаблял ее в хозяйственном отношении. Но те предпосылки, которые лежат в основе промышленного подъема Франции, в общем и целом того же порядка, как и предпосылки причин, вызвавших подъем в Соединенных штатах. Франция не только использовала покупательную силу своего внутреннего рынка и рынка своих колоний, но она развивалась за счет побежденных Германии и Австрии, и в этом смысле ее промышленный подъем был в известной степени связан с результатами войны. Для каждого цикла промышленного подъема нужно известное время. Теперь одностороннему развитию Франции, представляющей исключение в Европе, приходит конец. В экономической литературе уже отмечается начало депрессивного состояния в легком машиностроении. Дальше всех от кризиса более или менее свободно было лишь тяжелое машиностроение, но и оно, очевидно, доживает последние месяцы перед кризисом. Из острова, о который разбиваются волны мирового кризиса, Франция может превратиться в такой же его очаг в Европе, как и Германия. Вряд ли нужно доказывать, что этот кризис не только резко обострит кризисное положение в Европе, но и будет иметь свое влияние на все мировое хозяйство.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПЕРСПЕКТИВЫ

Нет сейчас вопроса более животрепещущего, чем прогноз конъюнктуры мирового хозяйства на ближайшее время. Экономические органы всех стран с величайшим вниманием следят за биржевыми бюллетенями и рассматривают в телескоп каждое увеличение цен на товарной бирже, желая угадать первые признаки оживления. Однако до сих пор все предсказания перелома конъюнктуры, которых делалось немало, оказались ложными. Небольшое оживление на нью-йоркской бирже с каким-либо видом товаров обозреватели немедленно регистрируют как важный симптом перелома конъюнктуры, проглатывают пилюлю неудачи в своем прогнозе, чтобы повторить его снова на каком-либо изгибе кривой. Искать прогноза в биржевых бюллетенях—это все равно, что отгадывать смысл картины во всю стену путем рассматривания в микроскоп одного сантиметра площади за другой.

Только отойдя от конъюнктуры сегодняшнего дня и только вооружившись теоретическим пониманием хозяйственного цикла при империализме, только поняв как общие, так и специфические причины современного мирового кризиса как кризиса всей системы, можно перейти к построению прогноза, этой самой опасной для авторов и самой деликатной части научного исследования.

Трудности прогноза сейчас исключительно велики особенно потому, что современный циклический кризис капитализма протекает в рамках другого более общего кризиса — предсмертного кризиса всей капиталистической системы как таковой, который оказывает сильнейшее обратное действие на собственно

экономический кризис. Как невозможно исследовать теперешний хозяйственный кризис только как чисто экономический процесс,—так же невозможно и делать чисто экономический прогноз, не беря всей капиталистической системы и ее состояния в целом. Но взять систему в целом — это значит давать общий прогноз, а не только экономический.

Так как переживаемая нами эпоха есть эпоха социальной революции, т. е. эпоха сугубо переходного характера, эпоха нарушения закономерностей «нормального» хода вещей в капиталистическом обществе, то невозможен прогноз на основании установившейся повторяемости явлений плюс вариантные отклонения, вытекающие из накопившихся изменений на данной исторической ступени. Теперь происходит как раз взлом установившихся закономерностей, на сцену выступают специфические закономерности переходного периода в смысле закономерностей распада капиталистической системы и ее насильственной ликвидации под ударом пролетарских восстаний и войн. Никогда положение не было столь сложным, столь запутанным, столь трудным для прогноза, так как приходится иметь дело с целым рядом тенденций и контртенденций в совершенно неожиданных и небывалых сочетаниях и не имевших прецедентов в прошлом. Вот почему так труден общеполитический прогноз в такую эпоху, поскольку он имеет дело с месяцами и годами, а не десятилетиями. Вот почему труден и общеэкономический прогноз, поскольку в такие эпохи особенно трудно,— а с точки зрения исследовательской методологически ошибочно и прямо вредно отделять экономику от политики, экономические отношения и процессы от социально-политических.

Все социальные отношения капитализма, находящегося на стадии гибели, потрясаются еще и мировым экономическим кризисом, а в каждом элементе этого экономического кризиса есть элементы общего кризиса капитализма, элементы того большого «цикла», который протекает от резко обнаружившегося упадка и гниения системы до ее ликвидации.

Из капиталистического кризиса в эпоху свободы конкуренции система выходила чаще всего вследствие приступа к обновлению основного капитала со стороны легкой промышленности.

Если этот фактор отсутствует и если не принимать во внимание возможности исключительных обстоятельств, как переворот в технике, или если дело идет о национальном хозяйстве — открытие новых больших рынков и получение заказов извне,— то остается лишь другой источник выхода из кризиса: истощение запасов на предметы потребления[1] и сжатие производства

[1] Интересно отметить, что если во время инфляции и в ожидании дальнейшего роста цен потребители покупают даже такие товары, какие им в данный момент не нужны в огромных количествах, превышающих текущие потребности, и тем отчасти спасают свои деньги от обесценения, то во время кризиса при твердых валютах происходит обратный процесс: потребители не покупают даже таких товаров, какие им нужны, ограничиваясь минимальными закупками самого необходимого, ожидая дальнейшего падения

средств производства ниже уровня спроса на них, в частности сжатие производства основного капитала ниже уровня годовой его амортизации во всем хозяйстве.

Это естественный предел сжатия производства, а, следовательно, и грань, после которой может начаться оживление, если система не будет ликвидирована или в той части, где не будет ликвидирована пролетарскими революциями.

Это оживление может начаться потому, что хотя при империализме погоня за прибылью как стимул к расширению производства дает гораздо меньшие результаты в деле использования новых производственных сил, однако этот стимул все же продолжает действовать, хотя и с гораздо меньшим эффектом.

Обращаясь к современному мировому хозяйству, прежде всего к Соединенным штатам, как очагу кризиса, мы видим, что здесь увеличение и обновление основного капитала уже произошло в последней фазе подъема. Монополистический капитализм, вследствие изменения в характере цикла теряет механизм выхода из кризиса, который существовал в эпоху свободы конкуренции. Это положение применимо и к настоящему кризису. Капитализм Соединенных штатов не может рассчитывать на выход из кризиса с этого конца. С другой стороны, не произошло и никакой революции в технике, которая могла бы привести к моральному износу значительных масс капитала, а следовательно к большим заказам на новый основной капитал. На расширение внешних рынков на новых территориях надежд нет. Таким образом остается ожидать, что капитализм Соединенных штатов должен будет пройти самый тяжелый и достаточно длинный путь сжатия производственного аппарата до такого предела, о котором мы говорили выше. Отрасли II подразделения должны сжаться настолько, чтобы приспособиться к новым пропорциям потребления и, кроме того, чтобы рассосались уже имеющиеся запасы. Отрасли, изготовляющие основной капитал, могут сжаться до уровня годовой амортизации основного капитала.

Возникает вопрос, какие размеры физического сжатия продукции необходимы для хозяйства Соединенных штатов, чтобы был достигнут предел кризисного сокращения производственного аппарата и были рассосаны товарные запасы от периода подъема?

Нет ничего трудней ответа на этот вопрос, ввиду как недостаточности ряда необходимых статистических данных, так и вследствие переплетения массы второстепенных факторов, действующих в разных направлениях. Тем не менее, беря перспективу в грубых чертах, можно выставить такую гипотезу. Объем производства в Соединенных штатах должен сжаться самое меньшее до уровня, предшествовавшего настоящему подъему, т. е., примерно, до уровня 1922 — 1923 гг. Затем должно закончиться еще дополнительное сжатие конъюнктурного характера, сжатие, задача которого заключается в рассасывании излишних

ц е н. Поэтому, при переломе и при повышении цен потребительские закупки должны резко расшириться, так как все будут стараться не упускать для закупок момент наибольшей дешевизны.

товарных запасов. Если посмотреть на индекс промышленной продукции Соединенных штатов за последнее десятилетие и сравнить его с данными продукции по месяцам 1930 г., то это основное сжатие производства почти уже закончено к концу второй половины 1930 г., поскольку декабрь дает уровень продукции ниже такового за все последние девять лет. Можно думать, что хозяйство Соединенных штатов заканчивает в настоящий момент то дополнительное сжатие, которое должно рассосать излишние товарные запасы. Поэтому уровень продукции в Соединенных штатах вряд ли уже значительно упадет в сравнении с его теперешним уровнем. Но улучшения конъюнктуры не приходится ожидать в настоящем году, поскольку 1931 г. будет годом того дополнительного сжатия, которое захватит и 1932 г., причем в отдельных отраслях не исключено некоторое временное оживление, не меняющее конъюнктуры в целом. Наиболее интересным годом с точки зрения выхода из кризиса будет по всем признакам 1932 г. Именно в следующем, т. е. 1932 г., и еще ясней в 1933 г. с полной очевидностью должно выясниться, действительно ли капиталистическая система утеряла свой механизм выхода из кризиса, свойственный эпохе свободы конкуренции, и есть ли у нее в этом отношении какие-либо резервы.

В связи с этим вопросом необходимо отметить следующее. В эпоху свободы конкуренции переход от кризиса к депрессии происходил, как мы видели, в результате процесса переоборудования, который начинался на наиболее жизненных и сильных предприятиях. В современных условиях хозяйственной конъюнктуры Соединенных штатов для таких больших заказов на основной капитал нет экономических оснований. Однако, поскольку хозяйство Соединенных штатов вынуждено приспособляться к снизившимся ценам мирового рынка, оно будет вынуждено к ряду мер, направленных к удешевлению себестоимости. Сейчас еще трудно сказать, в чем будет заключаться эта послекризисная рационализация. Прежде всего дело закончится очень большим нажимом на рабочий класс и снижением уровня заработной платы, что уже и сейчас проводится в широких размерах. Во-вторых, надо ожидать ликвидации целого ряда средних предприятий, или существующих вне трестовских объединений, или работавших внутри трестов. В-третьих, промышленность Соединенных штатов будет, очевидно, еще больше нажимать на стандартизацию и массовое производство, т. е. на те методы снижения себестоимости, которые до сих пор ставили промышленность Соединенных штатов в исключительно благоприятные условия по сравнению с европейской, особенно с английской промышленностью. В-четвертых, наконец, не исключено то, что это приспособление к упавшим ценам побудит и к некоторому обновлению оборудования в тех случаях и в тех отраслях и предприятиях, где этот процесс не был закончен в период добавочного промышленного подъема, а также в тех случаях, где он не представлял непосредственной необходимости при индексе цен, превышавшем на 40—50% довоенный уровень.

Наконец, необходимо упомянуть здесь об одном довольно существенном резерве, которым может воспользоваться промыш-

ленность Соединенных штатов и который заключается в возможности отнять у Европы, прежде всего у Англии целый ряд новых рынков. В настоящее время уровень цен в Англии делает ряд отраслей английской промышленности неконкурентоспособными на мировом рынке. Так как Англия уже не способна провести в широком масштабе рационализацию своей промышленности, то происшедшее снижение мирового индекса цен может расчистить для Соединенных штатов путь в целый ряд рынков, которые поглощали английские продукты. В аналогичном положении находится в настоящий момент и Франция, индекс цен которой в золотом измерении выше индекса мировых цен, в то время как еще недавно, особенно в период инфляции 1926 г., он был значительно ниже мирового индекса. Чем дольше будет оттягиваться момент общего кризисного обрыва конъюнктуры во Франции, тем больше Франция потеряет своих внешних рынков в пользу тех из своих конкурентов, которые сумеют приспособиться к новому низкому уровню мировых цен. Очень резкое сжатие французского экспорта за последние месяцы имеет под собой двоякую причину. С одной стороны, причина этого заключается в общем кризисном сжатии импорта со стороны стран-получателей, которые вообще уменьшают объем своей внешней торговли. Но это сжатие имеет под собой и другую причину, гораздо более опасную для французского капитализма, — а именно сжатие вследствие потери части рынков в пользу других стран. Французский капитализм начинает терять рынки даже внутри самой Франции. Это видно из того, что французский экспорт сокращается значительно быстрей импорта и что во Францию увеличивается ввоз более дешевой немецкой продукции по ряду товаров.

В итоге всех этих процессов те страны, которые сумеют приспособиться к низкому уровню цен, окажутся в лучшем положении в сравнении со странами быстрого упадка, подобно Англии. Соединенные штаты имеют все основания сохранить свое преимущество и свою руководящую экономическую роль во всем мировом хозяйстве, хотя общий уровень продукции Соединенных штатов очень сильно снизится и процесс перехода от кризиса к депрессии будет чрезвычайно медленным, чрезвычайно долгим и чрезвычайно мучительным.

В нашей экономической литературе много раз указывалось на то, что современный кризис закончится чрезвычайно длительной депрессией, без перспектив скорого нового подъема. Этот прогноз в основном является совершенно правильным. Мне кажется, что в настоящей работе я привел несколько новых доказательств правильности этого положения.

Как мы уже говорили выше, на территории Европы мы имеем в лице Франции страну, которая имеет огромный удельный вес в европейской экономике и которая еще не вступила в полосу настоящего кризиса. Если говорить о биржевом кризисе, то в 1930 г. Франция испытала два раза понижение стоимости ценных бумаг, хотя размеры падения были далеко не пропорциональны американским. Размеры продукции французской промышленности, прежде всего легкой, начавшаяся позд-

ней депрессия в тяжелой, конъюнктура сельского хозяйства, снижение погрузки на железных дорогах и ряд других признаков, в том числе и продолжающееся понижение оптового индекса, говорят о депрессивном состоянии французского хозяйства. Однако это депрессивное состояние до сих пор еще не перешло в кризисное состояние, между тем это неизбежно должно случиться. Мы имеем уже целый ряд крахов во французских колониях. Мы имеем все основания думать, что во Франции, так же как в Соединенных штатах, высокая конъюнктура, которая удерживалась в тяжелой промышленности и в особенности в машиностроении, задерживала наступление общего кризиса. Быть может, не в те сроки, как в Соединенных штатах, но кризис в этих ведущих отраслях народного хозяйства неизбежно должен разразиться в ближайшие месяцы, во всяком случае на протяжении года, и тогда во всей Европе наступит новое обострение, новое углубление кризисного состояния, на этот раз уже под ударами не американского, а французского кризиса. Достаточно посмотреть на цифры французской торговли с Европой, которая остается значительной несмотря на большую емкость внутреннего рынка, чтобы видеть, что предстоящий кризис во Франции очень сильно заденет ряд европейских стран и еще больше ухудшит в них хозяйственную конъюнктуру.

Буржуазные экономисты Европы высказывают ту мысль, что вывести мировое хозяйство из кризиса могут только Соединенные штаты. Из предыдущего мы видим, что Соединенные штаты действительно были в состоянии, во-первых, вытащить на путь некоторого оживления послевоенную Европу, точно так же как были в состоянии столкнуть ее обратно в состояние кризиса. После этого кажется естественным, что Соединенные же штаты одни только и могут добиться перелома в конъюнктуре мирового хозяйства, если их собственное хозяйство вступит на путь оживления. Однако все эти надежды являются малообоснователь ными в том отношении, что если Соединенные штаты развивались до сих пор за счет остальной части капиталистического целого, то и выходить из кризиса они будут точно так же за счет остальной части капиталистического целого. Этот процесс может принять самые различные формы, но он совершенно неизбежен, как неибежен и его конечный результат, а именно — ускорение загнивания капитализма в ряде стран, которые не смогут конкурировать с Соединенными штатами в рационализации производства и которые выйдут из этого кризиса с еще более уменьшенной квотой мировой торговли.

Что касается Европы, то здесь не исключено такое положение, что вследствие наступления запоздалого кризиса во Франции и в результате более высоких цен на французскую продукцию Германия может сильно выиграть за счет сокращения внешней торговли Франции, не говоря уже о том, что она имеет все основания удовлетворять еще больший процент советского спроса на мировом рынке.

Трудно делать экономические прогнозы, не увязывая их одновременно с политическими прогнозами. Если мы это делаем отчасти, то главным образом в интересах упрощения изложения, а также и потому, что хотя бы и условный и неполный экономический прогноз сделать легче, чем прогноз общесоциальный. В действительности же трудно себе представить, чтобы настоящий кризис не имел таких глубоких политических последствий, которые уже врываются и еще сильней ворвутся завтра со страшной силой в хозяйственную область и произведут здесь крупнейшее опустошение. В первую очередь мы имеем здесь в виду экономические бои рабочего класса за удержание прежнего уровня существования, а затем возможность наступления непосредственной революционной ситуации в странах, где положение капитализма является наиболее безысходным.

Если просмотреть цифры, относящиеся к уровню английской продукции за период после войны, то всем известно, каким провалом на общей кривой, хотя и медленного, но все же подъема, выступает 1926 г. Этот 1926 г. может повториться прежде всего, в самой Англии. Характерной особенностью положения в Англии является то, что здесь хозяйственный кризис прежде всего приводит к огромному обострению социальной борьбы. Так как снижение оптовых цен не сопровождается не только пропорциональным, но вообще сколько-нибудь значительным снижением розничных цен, а снижение продажных цен немедленно отражается на балансах предприятий, заставляет их терпеть колоссальные убытки, то первой реакцией капитала на это положение является стремление к снижению заработной платы. Снижение цен на уголь толкает углепромышленников к понижению и без того низкой заработной платы углекопов. Прорвавшийся недавно в этой отрасли стачечный конфликт был улажен компромиссным путем, однако проблема осталась нерешенной, и возможность всеобщей стачки углекопов висит постоянной угрозой над Англией. Снижение доходности английских железных дорог побудило предпринимателей снизить на несколько миллионов фонд заработной платы железнодорожников, насчитывающих в своих рядах больше полумиллиона человек. Столь же напряженным является положение дел в текстильной промышленности, которая уже пережила упорную и победоносную стачку ткачей в шерстяной промышленности; так же напряженно положение в машиностроении и химической промышленности В случае повторения нового 1926 г. английское хозяйство будет глубоко сброшено вниз от теперешнего уровня, который в свою очередь является весьма пониженным в сравнении даже с кризисным 1924 г.[1].

Огромные социальные столкновения неизбежны однако прежде всего в Германии, где выброшенная огромная армия безработных все увеличивается и должна достигнуть 4—8 млн.

[1] Эти строки были уже набраны, когда разразился финансовый и денежный кризис в Англии, переходящий в политический кризис. Поход на пособия безработных со стороны «общенационального» правительства Макдональда и усиление натиска на зарплату работающих делают очень вероятным повторение 1926 г., на этот раз возможно в «улучшенном» издании.

зимой 1931 г., в то время как общее положение может в любой момент создать непосредственно революционную ситуацию, а вместе с тем и возможность прорыва капиталистической цепи на этом звене.

Если кризис разразится и во Франции, если здесь появятся миллионы безработных и предприниматели начнут поход на теперешний уровень заработной платы, то и здесь можно ожидать огромных потрясений, которые в первую голову сильнейшим образом повлияют на дальнейшее снижение промышленного производства.

Огромные оборонительные массовые стачки возможны и в Соединенных штатах, хотя здесь снижения заработной платы достигнуть легче, чем в Европе, вследствие того, что уровень заработной платы здесь был в свое время самым высоким в мире.

Предстоящие грандиозные конфликты должны будут еще больше потрясти капиталистическую систему, и так уже в достаточной степени расшатанную под напором всеобщего кризиса. Всеобщий экономический кризис монополизма грозит превратиться в (общий) кризис всей капиталистической системы, причем, как это было в 1917 г., капиталистическая цепь прорвется на том звене, которое окажется самым слабым и где больше всего созреют и будут организованы субъективные силы пролетарской революции.

Говоря о прогнозе в отношении мирового хозяйства, нельзя забывать, какую роль играет в мировом хозяйстве Советский союз. Как экспортеры мы жестоко страдаем от мирового кризиса. Как импортеры мы, вследствие тысячи преград, которые ставят нам капиталистические страны в деле кредитования и т. д., выигрываем гораздо меньше, чем теряем как экспортеры. Сокращение экспорта означает для нас сокращение импорта. Пассивность нашего торгового баланса мы можем покрывать либо вывозом производимого нами золота, либо путем получения долгосрочных кредитов. Как экспортеры мы не можем рассчитывать на сколько-нибудь значительное и скорое изменение конъюнктуры, поскольку вообще исключено быстрое промышленное оживление во всем мировом хозяйстве, а тем самым увеличение спроса и увеличение цен на объекты нашего экспорта. Наша доля в мировой торговле слишком мала, чтобы мы могли повлиять на капиталистическую систему с этого конца. Но мы влияем на нее с другого конца. Наша хозяйственная система показывает образец того, что может дать социалистическая организация труда. В годы жесточайшего хозяйственного кризиса, перепроизводства и безработицы в капиталистическом мире мы показываем исключительно быстрые темпы развития и испытываем резкий дефицит и в средствах производства и в рабочей силе. Мы подрываем капиталистическую систему уже самым фактом нашего существования и развития. Употребляя знаменитое выражение Маркса, мы указываем капиталистическим странам «картину их собственного будущего».

Теперешний мировой хозяйственный кризис длится уже больше двух лет. Если мы бросим беглый взгляд на предыдущие кризисы капиталистической системы, то увидим, что в сред-

нем кризисное состояние редко длилось больше 1½ года. Это сравнение настоящего с кризисами прошлого интересно во многих отношениях, но здесь надо всячески предостеречь от попыток «выехать» в прогнозах на аналогиях с прошлым, поскольку здесь сравниваются два далеко различные процесса. На основании аналогии с прошлым, в частности на основании сравнения с кризисом 1907 г., который также начался на территории Соединенных штатов, мы должны были бы ожидать улучшения конъюнктуры приблизительно год спустя после начала перелома в сторону кризиса, а через 2 года — полного разгара нового промышленного подъема. Если считать переломом конъюнктуры июль месяц 1929 г., то настоящий кризис уже оказывается продолжительней кризса 1907 — 1908 гг. больше чем на год, не говоря уже о том, что мы не только не имеем никаких признаков серьезного улучшения, а имеем больше симптомов дальнейшего ухудшения, не говоря уже о том ухудшении, который может вызвать предстоящий кризис во Франции. Все данные говорят за то, что ближайшие годы, во всяком случае ближайшие 2 — 3 года будут годами обострения кризиса и в лучшем случае глубокой депрессии.

В числе других прогнозов огромное значение имеет вопрос о том, какое влияние будет иметь это обстоятельство на приближение новой мировой войны. В настоящее время руководящие круги всех капиталистических стран и все капиталисты вообще живут в ожидании близкого перелома конъюнктуры. Из прошлого они знают, что кризисы повторяются периодически и что за кризисом следует оживление. Поскольку настоящий мировой кризис не привел к войне уже в самом его начале, он тем самым нисколько еще не гарантирует нас от возможности этой войны на следующей стадии развития этого кризиса, которая прежде всего будет войной против СССР. Сейчас капиталистические круги ожидают нового подъема и от него ждут выхода из современного невыносимого положения. Но согласно нашему прогнозу, все эти капиталистические надежды являются самоутешением банкротов.. Подъема в близком будущем не будет. А поскольку не будет такого подъема, есть все основания опасаться, что капиталистические классы различных стран мира, загнанные со своей системой в длительный экономический тупик, потеряв надежду на скорый подъем, будут искать выхода в военных авантюрах. Вот почему есть много оснований думать, что через год — два, поскольку будет длиться теперешнее кризисное состояние, опасность новой мировой войны и в первую голову войны против СССР будет значительно больше, чем теперь. В капиталистических кругах может победить с известного времени лозунг: лучше кризисный конец, чем кризис без конца.

ОТДЕЛ ШЕСТОЙ

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФАШИЗМА

Ход событий в Германии, которая находится под угрозой фашистской диктатуры, особенно остро ставит вопрос о правильном теоретическом анализе корней фашизма. Вопрос этот надо обсудить во всем объеме. Теоретически правильное освещение его, использующее ряд новых фактов, настоятельно необходимо для нашей практики, т. е. для правильных прогнозов нашей политической борьбы и соответствующих тактических выводов.

Когда фашизм впервые появился на исторической сцене, он представлялся многим одной из форм самообороны капитала в борьбе с развертывающейся пролетарской революцией. Исторический ход событий за последние полдесятка лет показал однако, что такая точка зрения неверна: она рассматривала фашизм как явление, гораздо более поверхностное и эпизодическое для буржуазного общества, чем это оказалось на деле. Теперь есть все основания полагать, что фашизм представляет собой не только одну из форм мобилизации буржуазных сил в борьбе с пролетариатом, а всеобщую тенденцию капиталистической системы к смене буржуазно-демократической формы государства, окончательно сложившейся в XIX веке, фашистской формой государства. Мы ставим своей задачей показать, что фашизм не только есть форма буржуазного государства периода монополистического капитализма, последней стадии существования капитализма, но хотим также показать, как неизбежно фашистская форма государства прокладывает себе путь при приостановке развития производительных сил буржуазного общества.

Сначала несколько слов о социальной природе буржуазной демократии. Буржуазная демократия есть такая форма государства, когда капиталистический класс в состоянии господствовать над рабочим классом, допуская всеобщее избирательное право в парламент, относительную свободу печати, собраний, союзов и даже в довольно широких размерах свободу стачек. Как общее правило такая политическая система устанавливается в эпоху классического капитализма, в эпоху свободной конкуренции, быстрого технического прогресса и сравнительно очень большой эластичности экономической системы с точки зрения перехода от одного цикла расширенного воспроизводства к другому. Непосредственно после буржуазных революций буржуазия оказывается еще слишком слаба, чтобы допустить демократический

режим. На уровне развития производительных сил в борьбе с пролетариатом и разоряемой мелкой буржуазией она еще нуждается в помощи недобитого феодализма, нуждается в конституционной монархии, в ее военно-политической организации и вообще в классовом союзе с бюрократией и помещиками против пролетариев города и деревни. Этот период имеет для нас теперь известный интерес как раз потому, что тогда собственные экономические силы буржуазии были недостаточны для господства над трудом: буржуазия нуждалась в известном увеличении своей силы путем компромисса с классами, представляющими другую систему эксплоатации. Она нуждалась в цензовой системе выборов и в частой практике голого насилия государственной власти над пролетариатом в его экономической борьбе. Все это в общем и целом было признаком слабости буржуазии, которая не успела еще подчинить своей системе господства все общество.

Наоборот, в период расцвета капитализма, в эпоху свободной конкуренции и быстрого прогресса техники экономическая мощь буржуазии настолько возросла, все социальные отношения настолько перестроились в буржуазном направлении, рыночная система регулирования хозяйственных процессов настолько укрепилась, что капиталистический класс в состоянии был обеспечить себе необходимый уровень эксплоатации и капиталистическую дисциплину труда, не прибегая к постоянному государственному вмешательству в производственный процесс для защиты капитала, за исключением периода особо обостренной классовой борьбы. Юридическое признание свободы стачек со стороны буржуазии, хотя и никогда не реализованное полностью на практике, было в сущности формальным признанием подавляющего перевеса сил буржуазии над пролетариатом в экономической борьбе. Для капиталистического класса достаточно было собственности на средства производства, охраняемого буржуазным государством, бича голода, который гонит рабочего на фабрику и удерживает его на месте, резервной армии промышленности и всей системы свободной купли-продажи рабочей силы, чтобы обеспечить себе необходимые размеры прибавочной стоимости. Когда рабочий класс напирал в экономической борьбе, у капиталистов было достаточно резервов не только для экономического давления на пролетариат, но и для уступок: непрерывный прогресс техники при расширении рынков сбыта приводил все время к увеличению относительной прибавочной стоимости. Кроме того эксплоатация колоний давала для капитала добавочные ресурсы для повышения заработной платы без ущерба для темпа накопления. В общем теория и практика манчестерства, представлявшего собой программу борьбы с пережитками феодализма в общественной системе и систему общественной политики победоносной буржуазии, были в то же время продуктом самоуверенности буржуазии, гордого сознания ею своей силы и слабости пролетариата в экономической и политической борьбе.

Что касается политической области, то хотя буржуазия проводила демократизацию государственной системы не по собственной инициативе, а под давлением пролетарских и мелкобуржуаз-

ных масс населения, однако ее уступчивость в этом отношении также была показателем скорее ее силы, чем ее слабости. Она была столь сильна экономически и социально, что могла итти на демократизацию, ничем существенно не рискуя ни в экономической, ни в политической области. В классических работах Ленина, посвященных вопросу буржуазной и пролетарской демократии, блестяще вскрыт весь этот механизм господства буржуазии над наемным трудом при государственной системе буржуазной демократии.

В общем для этого периода можно дать такую краткую формулу. Периоду классического капитализма и свободы конкуренции, периоду развернутого действия закона стоимости в экономике соответствует буржуазная демократия в политике. Буржуазная демократия может существовать лишь постольку, поскольку необходимый для капитала уровень эксплоатации гарантируется капиталом, несмотря на ту относительную свободу экономической борьбы, которую обеспечивает эта форма государства.

Все только что сказанное абсолютно необходимо иметь в виду, когда мы подходим к анализу социальной формы фашизма. Если фашизм действительно не эпизодическое явление, а новая форма буржуазного государства, то для понимания его природы необходимо спуститься с поверхности политических фактов и отношений к самому фундаменту производственных отношений капитализма. Новая форма буржуазного государства не может возникнуть и сменить старую, имеющую за собой очень большую давность, если этого не требуют изменившиеся отношения в основном социальном узле капиталистической системы — в сфере господства капитала над трудом в процессе производства и распределения.

Фашизм из эпизодического явления превращается в новую форму государства именно тогда, когда капитал не может господствовать над трудом и обеспечить необходимый ему уровень эксплоатации прежними методами классического капитализма и методами первого этапа империализма. Эти старые «классические» методы господства капитала над трудом оказываются недостаточными потому, что монополистический капитализм в период упадка и гниения всей буржуазной системы встречается с совершенно новыми препятствиями для расширенного производства. Эти препятствия упираются во всю его структуру, какая складывается к периоду развернутого монополизма, и оказываются непреодолимыми для этой системы. Они могут быть лишь временно ослаблены совершенно исключительным нажимом на рабочий класс. Этот нажим должен увеличить нормы эксплоатации пролетариата и сбросить уровень его жизни не только относительно, но и абсолютно ниже достигнутого до сих пор, разгромив предварительно все силы его организованного сопротивления.

Не останавливаясь подробно на этом пункте, я хочу повторить и отметить лишь самое существенное в области препятствий для расширенного капиталистического производства. Производительные силы капитализма достигли такой ступени

развития и концентрация производства зашла настолько далеко, что дальнейшее развитие производительных сил встречает в монополистической структуре непреодолимую преграду. В эпоху свободной конкуренции капиталистическая система была гораздо эластичней. Под давлением свободы конкуренции капиталистические предприятия вынуждены были снижать цены в случае кризиса сбыта и тем обеспечивать возможность выхода из кризиса с меньшим сокращением производственного аппарата. В случае глубоких кризисов низкие цены душили отставшие предприятия, а крупнейшие вводили новое техническое оборудование и этим обновлением основного капитала подготовляли предпосылки для выхода из кризиса и для начала нового подъема. Монополистические предприятия периода империализма, руководимые теми же самыми стремлениями к прибыли, идут по линии наименьшего сопротивления. Они отвечают на кризис сбыта не снижением цен, а сокращением производства, вследствие чего монополистическая форма организации производства закупоривает развитие производительных сил общества и чрезвычайно затрудняет процесс расширенного производства. Неравномерное развитие капитализма не только во всем мировом хозяйстве, но и внутри отдельных стран, т. е. между «преуспевающими» и «хиреющими и старыми» отраслями производства, достигло такой остроты, длительное существование монополии накопило такое количество препятствий для расширенного воспроизводства, что для открытия шлюзов производительной силы нужны совершенно незнакомые капитализму и совершенно недопустимые для него методы концентрации накоплений и их распределение внутри национальных хозяйств и во всем мировом хозяйстве в целом. Самый тип капиталистической организации предприятия как основной хозяйственной ячейки системы отжил свой век, как отжила свой век существующая система стихийного рыночного распределения новых накоплений, которая действует на рынке капитала. Этот архаический метод распределения новых инвестиций, не подчиненный задаче производства для потребления, является второй причиной, вследствие которой производительные силы мира резко сталкиваются со всей структурой, со всем действующим механизмом капиталистической системы.

Пропускная способность капиталистической системы в отношении производительных сил так мала, необходимость пропускать эти силы сквозь Дарданеллы средней нормы прибыли и сквозь другие структурные преграды, возведенные в куб капиталистическим монополизмом, достигла такой остроты, что такое положение ведет во всем мировом хозяйстве к систематически возрастающему, органическому, абсолютному омертвлению все большей части капитала и рабочих сил, т. е. к увеличению неиспользованного основного капитала, залежей сырья и абсолютной безработицы. Капиталистическая структура хозяйства, монополистическая форма организации труда и системы обмена превращаются в детский костюм для взрослого. Взрослое тело искусственно вгоняется в этот костюм, разорвать который и сшить новый, социалистический, может лишь пролетарская революция, как

это произошло в СССР. Поскольку она запаздывает своим приходом, капитализм либо производит кровавые хирургические операции, уменьшение своего тела, путем империалистической войны, как это было в 1914 — 1919 гг. и как это он грозит повторить в новой войне, либо капиталистические страны в период «мира» в бешеной конкурентной борьбе за свою «квоту» в мировой торговле начинают нажимать на самый грубый метод снижения себестоимости — на уменьшение фонда заработной платы в доходе общества. Капитализм делает это в период своего упадка, когда полное использование всех средств производства и всех рабочих сил общества для него невозможно вследствие той узкой пропускной способности для расширенного воспроизводства, которая вытекает из всей структуры монополистического капитализма. Использование всех имеющихся в наличии производственных сил могло бы дать ему в десять раз больше прибавочной стоимости в сравнении с тем, что он в состоянии выколачивать путем снижения теперешнего уровня зарплаты из сниженного количества рабочих сил. Такое использование наличных производительных сил противоречит стремлению к прибыли на сегодняшний день. Оно означало бы огромные капитальные вложения в такие отсталые отрасли, как напр. английская угольная промышленность, быстрейшую индустриализацию колоний, отказ от системы удержания высоких цен в период кризиса, иными словами отказ от всего того, что составляет душу предпринимательства и основной регулятор в распределении новых капиталов.

Но если для современного капитализма, с ограниченной свободой конкуренции и с искаженным действием закона стоимости, как регулятора производства, этот путь закрыт, и его механизм не может освоить им же созданные мощные производительные силы, тем настойчивей он рвется пойти по линии наименьшего сопротивления и на суженном базисе общественного производства он заменяет ослабление своей экономической мощи удваиванием аппарата своей политической силы и своего политического давления на пролетариат. Это тем более возможно для него с организационно-политической точки зрения, что монополистический капитализм чрезвычайно усиливает связь трестов и других капиталистических объединений с буржуазным государством и концентрирует орудия экономического, политического и культурного давления на пролетариат и на все общество в руках небольшой эксплоататорской верхушки, подчиняющей себе бюрократию реформистских профсоюзов и так называемых социалистических партий.

Этот процесс, наметившийся с развитием монополистических тенденций капитализма, после войны чрезвычайно усилился, находя свою завершенную форму в фашизации государственного аппарата и в фашизации профсоюзов, т. е. в превращении их из орудия экономической борьбы пролетариата, или по крайней мере орудий организованной продажи рабочей силы на рынке рабочей силы, в органы прямого удушения пролетарского

сопротивления, в функциональные органы капитала, имеющие своей непосредственной задачей увеличение нормы эксплоатации. Манчестерство в области отношения труда с капиталом в экономике и буржуазная демократия в политике идут по пути своего исчезновения одновременно именно потому, что современный монополистический капитализм, капитализм упадка и гниения, капитализм растущего омертвления средств производства, не может уже господствовать над трудом и увеличивать норму эксплоатации, не прибегая к удваиванию силы государственного аппарата угнетения, не увеличивая средств внеэкономического давления на рабочий класс. Количество занятых в производстве рабочих уменьшается. Непроизводительное потребление буржуазной системы растет. Тем более необходим для капитала нажим на этих еще занятых в производстве рабочих, чтобы подогнать нормы их эксплоатации к потребностям капиталистической системы распределения. В этом смысле можно утверждать и можно доказать на богатейшем материале последних лет, относящемся к ряду капиталистических стран, что тенденция фашизации государственного аппарата, что тенденция к смене буржуазной демократии фашистской диктатурой, либо к перерождению демократии в фашизм, есть всеобщая тенденция монополистического капитализма наших дней. Глубокие корни этой тенденции лежат не столько в организационно-политическом воздействии монополистического капитализма на современное общество, сколько в той закупорке развития производительных сил, в той сократившейся пропускной способности для расширенного воспроизводства, какая вытекает из экономической структуры монополистического капитализма. Основная причина именно в этом, хотя, разумеется, государственная система монополистического капитализма и все его аппараты организационно-политического и культурного давления на общество чрезвычайно ускоряют этот процесс. Иначе трудно было бы объяснить, почему фашизм не восторжествовал уже тогда, когда вообще эпоха полной свободы конкуренции осталась позади.

Но эта общая тенденция современного капитализма к фашистской форме государства и к фашистским методам господства над трудом с неодинаковой силой и по-разному пробивает себе путь в отдельных капиталистических странах. Быстрей всего и решительней всего этот процесс развертывается в тех странах, где по вышеуказанным экономическим причинам крупная буржуазия раньше вынуждена усиливать давление на пролетариат концентрированной мощью всего политического аппарата угнетения. Медленнее фашистские тенденции пробиваются в тех капиталистических странах, которые находятся в стадии большего «процветания», которые имеют какие-либо дополнительные резервы и которые еще могут некоторое время маневрировать, не прибегая к слому старой формы государства.

Вот те общие положения, исходя из которых мы можем не только объяснить всю сумму фактов, относящихся к фашизму в отдельных странах, но и сделать некоторые существенные прогнозы.

Если брать основные капиталистические страны мира, то с точки зрения силы и зрелости тенденций к фашизации их можно разделить на три группы:

1. Страны, где уже установился фашистский режим, как Италия.

2. Страны, которые идут по пути фашизации, но где этот процесс еще не завершился, как Германия.

3. Наконец страны, где элементы фашизма зреют, но еще не пробиваются наружу с достаточной силой и потому эти страны считаются обывательским общественным мнением благополучными по части фашизма и «опорой» демократии. Кроме того, если говорить не только об основных странах капитала, следовало бы назвать еще группу стран, где существует режим, представляющий собою суррогат фашистского режима, а кроме того еще страны, если так можно выразиться, лжефашизма.

К первой категории стран принадлежит Италия. Здесь фашизм, независимо от того, к а к он пришел к власти — потому, что хотя это и очень важный, но совершенно особый вопрос — удержался и укрепился главным образом благодаря тому, что тяжелая промышленность Италии находится в исключительно неблагоприятных условиях, поскольку лишена собственных железной руды и угля и поэтому должна перекрывать проистекающий отсюда рост себестоимости производства путем нажима на уровень жизни пролетариата. Чтобы отстоять свою «квоту» в мировой торговле, крупная буржуазия, которую не удалось победить в движении 1920 г. вследствие слабости пролетариата и его компартии, вынуждена была здесь, раньше чем в других странах, перестроить взаимоотношения между трудом и капиталом, лишить пролетариат его средств обороны, придавить его всем аппаратом насилия и уменьшить себестоимость производства прежде всего путем снижения заработной платы. Наилучшей иллюстрацией этого положения является динамика заработной платы итальянских рабочих с 1922 г. по настоящее время. Эти насильственные резкие снижения заработной платы дают возможность итальянской крупной промышленности кое-как удерживать за собой те рынки, которые были завоеваны итальянской промышленностью в лучшие времена для капиталистического развития. В некоторых случаях это позволило даже итальянской буржуазии расширить производство и экспорт выше довоенного. Историческое призвание фашистской формы государства в Италии как раз и состояло в том, чтобы в результате перестройки государственного аппарата и обезоружения пролетариата помочь итальянской буржуазии сбалансировать как в области себестоимости производства, так и в сфере взаимоотношений с мировым рынком. Тот факт, что вначале фашистские силы Муссолини не представляли организации, созданной крупным капиталом, не имеет никакого значения. Социальная необходимость пробивает себе путь в классовом обществе самыми причудливыми путями. В данном случае мы не объясняем того, какими извилистыми путями приходят фашистские силы к власти и из кого они рекрутируются. Объяснению подлежит другой факт: почему они сохраняются у власти и почему эти новые кад-

ры лучше способны выражать новые потребности капитализма и потому складываются в тот тип государства, который нужен крупному капиталу данной страны.

Фашизм правда имеет еще и другую задачу: он должен идейно и организационно сплотить страну для новой мировой бойни; одна и та же причина делает необходимым и появление фашизма и неизбежность новой мировой империалистической войны.

Что касается Германии, то в отношении угля и железа она находится в гораздо более благоприятных условиях, чем Италия, хотя с потерей Эльзас-Лотарингии ее положение в этом отношении значительно ухудшилось. Германия гораздо более индустриализованная страна, чем Италия, с гораздо более высокой техникой, с гораздо лучшей организацией промышленности и с гораздо более твердыми позициями на мировом рынке. Это есть ее резервы, позволявшие ее капиталистам обходиться более медленным и менее резким снижением заработной платы. И последние снижения заработной платы в ряде отраслей Германии также были достигнуты без фашистского переворота в системе государственного управления и в системе непосредственных отношений между трудом и капиталом (хотя и при фашизации социал-демократия, в руках которой пока находится руководство большинством профессионально организованных рабочих). Но условия существования германского капитализма являются специфически неблагоприятными в другом отношении. Во-первых, Германия должна уплачивать репарации в размере 1 700 млн. марок ежегодно. Каждый грамотный экономист понимает, что означает для равновесия хозяйственной системы эта сумма платежей, извне навязываемых капиталистической стране. Во-вторых, Германия вынуждена платить свыше миллиарда марок процентов на заемный капитал и в виде дохода, получаемого из других иностранных инвестиций в Германии. До войны Германия имела перевес своих вложений капиталов за границей над вложениями заграницы в ее хозяйстве на 20 млрд. марок, что обеспечивало ей приток добавочной прибавочной стоимости из-за границы и соответствующим образом влияло и на темп ее накопления и на уровень заработной платы. Теперь она имеет перевес иностранных инвестиций над ее собственными инвестициями за границей, примерно на 17 млрд. марок[1]. Это вызывает утечку за границу прибавочной стоимости свыше миллиарда. По приблизительным вычислениям германских экономистов, Германия вынуждена иметь перевес по торговому балансу вывоза над ввозом на 2½ млрд. марок, чтобы сбалансировать свой платежный баланс. Такое неблагоприятное положение Германии по части соотношения ее собственного и иностранного капитала в ее промышленности получилось отчасти потому, что в период инфляции Германия «распродала» за бесценок огромную часть своего оборотного капитала и вынуждена была восстанавливать его потом путем краткосрочных займов. Когда приток

[1] Wirtschaft und Statistik, 1930. Februar. Более свежие данные есть в только что вышедшем отчете Базельской конференции банкиров. Raport du comité, constitue sur recommadation de la conférence de Londres 1931. Bâle, p. 5, 6, а также таблицы в приложении.

этих займов превышал утечку процентов за границу, то платежный баланс Германии в этом пункте имел для нее благоприятное сальдо. Наоборот, теперь, когда приток капиталов сокращается и капиталисты ставят перед собой задачу уменьшить свою задолженность, а выплачиваемые проценты все возрастают, положение резко ухудшилось. Положение еще более обострилось вследствие мирового кризиса, который ухудшил условия реализации для всех экспортирующих стран, особенно остро для тех, которые вынуждены вывозить в определенном размере во что бы то ни стало, независимо ни от каких конъюнктур.

Отсюда особенно обострившиеся в последнее время стремления германской буржуазии к снижению заработной платы рабочих и служащих, к урезыванию государственного бюджета во всем, что касается затрат на обслуживание народных масс, отсюда стремление к увеличению налогов на заработную плату и к уменьшению обложения помещиков и капиталистов, словом, вся та система мероприятий правительства Брюнинга, которую можно считать началом осуществления экономической фашистской политики. Германская буржуазия стремится к достижению известного равновесия в хозяйственной жизни страны на капиталистической основе, ставя перед собою задачу обеспечить себя на длительный срок фашистской нормой эксплоатации труда, разрывающей со старым уровнем жизни рабочих и обеспечения определенного уровня накопления для буржуазии и проведения фашистского бюджета вне зависимости от того, какая часть рабочих сил Германии и какая часть ее основного капитала будет находиться в состоянии омертвления. Для достижения этой цели, к осуществлению которой уже приступлено в Германии, есть два основных пути: перестройка отношений между трудом и капиталом на фашистской основе с помощью социал-демократии, которая сама в этом случае превращается в аппарат осуществления переворота. Мы употребляем здесь слово переворот потому, что дело идет здесь о серьезнейшем изменении отношений между трудом и капиталом по существу, независимо от того, произойдет ли это со стрельбой или без стрельбы. В этом случае социал-демократия, возможно при поддержке некоторой части буржуазии, которая по международным и другим причинам предпочтет фашизацию более эволюционным методом, обуздает организации Гитлера и сохранит остатки парламентских учреждений и внешнюю видимость профсоюзных объединений рабочих и выполнит фашистскую экономическую программу буржуазии. Выполнением этой программы социал-демократия купит сохранение кое-какого демократического этикета в стране, а главное — сохранение своего аппарата на службе капитала.

Второй путь германской буржуазии для достижения равновесия в хозяйственной жизни страны состоит в более быстром и более решительном проведении своей программы. Тогда аппаратом этого проведения будут гитлеровские организации, которые превратятся в основные кадры фашистского государства. Это государство проведет программу германской крупной буржуазии по классическому итальянскому образцу. Разумеется, весь ход событий может в корне измениться, если вся эта борьба внутри

буржуазного лагеря создаст возможность для победоносного выступления пролетариата под руководством коммунистической партии в качестве третьей силы. Но во всяком случае, состоится ли осуществление фашистского переворота в отношении между трудом и капиталом через специальные кадры фашистов, или же через фашизацию социал-демократии, которая должна будет тогда сама покончить в дальнейшем с демократией,—этот вопрос ничего не меняет в существе самого процесса, которым уже охвачена эта страна.

Что касается стран пока более благополучных по фашизму, как Франция, Англия и Соединенные штаты, то это благополучие объясняется тем, что капитализм этих стран находится экономически в более благоприятных условиях, и потому капиталистические классы этих стран не были пока вынуждены к установлению открыто фашистской дисциплины труда и фашистского уровня заработной платы. Ресурсы американского капитализма, опирающегося на самую передовую технику в мире, на самую мощную промышленность, на обширный внутренний рынок и на большие доходы от заграничных инвестиций — эти ресурсы достаточно известны. Это не мешало впрочем американским капиталистам, с их организациями ку-клукс-клана и пр., применять все время фашистские методы борьбы с сопротивлением рабочего класса, не меняя системы государственного порядка.

Франция имеет избыток свободных капиталов, располагает емким внутренним рынком, получает, а не платит репарации и соединяет низкую довоенную плату рабочих, установившуюся при отсталой довоенной технике, с новейшей техникой реконструированной крупной промышленности, усиленной присоединением Эльзас-Лотарингии. Отсюда низкий уровень экспортных цен Франции до мирового кризиса и сравнительно большая сила сопротивления разразившемуся мировому кризису. Насколько хватит названным двум странам этих резервов, это покажет дальнейшее развертывание мирового кризиса, особенно когда он разразится со всей силой и во Франции.

Что касается Англии, то ее старомодная демократия держится еще главным образом благодаря той поддержке, которую получает английский капитал от своих инвестиций в колониях, доминионах и др. странах. В Англии больше чем в какой-либо другой стране подвинулся вперед процесс омертвления части капитала и рабочих сил страны. В настоящий момент, под влиянием мирового кризиса, этот процесс омертвления прогрессирует с огромной быстротой. Никто незнает, когда и чем кончится теперешний кризис. Ни консерваторы, ни либералы [1], ни рабочая партия не имеют никакой ясной программы выхода из тупика. Сполл-

[1] Либералы выпустили интересную предвыборную платформу под заглавием «How to tame the unemployment», которая является программой частичного решения проблемы безработицы, но она не дает никакого общего решения экономической проблемы современной Англии на капиталистических путях. К этой программе либералов, к манифесту группы Мосли, к протекционистским планам консерваторов и отсутствию всяких планов у рабочей партии я постараюсь вернуться в той части книги, которая будет посвящена конкретному описанию мирового капитализма после мировой войны.

зание страны ко все более и более низкому уровню производства идет самотеком, не встречая никакого организованного сопротивления. Разочарование в парламентаризме охватывает все более и более широкие круги буржуазии и перебрасывается даже на часть представителей рабочей партии. В этом отношении чрезвычайно характерен манифест группы депутатов-лейбористов во главе с Мосли, образовавших отдельную партию, манифест которой хотя и представляет собой причудливую смесь протекционизма, «планового хозяйства» и радикальных жестов против американских кредиторов, однако содержит один самый важный пункт, в котором пробивается «дух времени». Этот пункт заключается в предложении вручить экономическую диктатуру пяти министрам, имеющим право проводить свои мероприятия без парламента. Так как дело идет здесь не о диктатуре пролетариата—а внеклассовой диктатуры не бывает,—то следовательно, дело сводится к предложению начать осуществление фактического типа диктатуры буржуазии. В Англии сейчас даже многие твердолобые не любят слова диктатура, но положение может измениться в очень короткий срок. Теперешнее положение в Англии не терпимо надолго ни для буржуазии, ни для пролетариата. Нарастающие огромные экономические забастовки могут создать положение, когда и Англия пойдет в той или иной форме по пути Германии, чтоб закончить методами Италии. Эпоха, которую переживает современный капитализм, есть эпоха больших и внезапных неожиданностей. Совсем не исключено наконец то, что если в ближайшую избирательную кампанию консерваторы получат абсолютное большинство, а хозяйство страны будет все дальше и дальше катиться вниз, то эта партия сумеет осуществить фашизацию в отношении между трудом и капиталом, с соблюдением всех английских традиций во всем, что касается формы, т. е. будет иметь «долгий» фашистский парламент.

В заключение я хотел бы напомнить читателю одно очень важное место из Маркса, которое имеет прямое отношение к нашей теме. В III томе «Капитала» Маркс писал: «Непосредственное отношение собственников средств производства к непосредственным производителям — вот в чем всегда раскрываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя, а следовательно и политической формы суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства» («Kapital», 2 Auflage, III B.).

Маркс говорит, правда, здесь о различных экономических формациях и свойственных им форм государства, но сказанное здесь им, с соответствующими органичениями, относится и к эволюций формы государства внутри данной системы хозяйства, в данном случае внутри буржуазной системы. Введение фашистской дисциплины труда вносит существеннейшее изменение как раз «в непосредственное отношение собственников средств производства к непосредственным производителям». Изменение это так глубоко, что для осуществления его нужна другая форма буржуазного государства. Фашизм опасен именно тем, что он слишком глубоко фундирован во всей обстановке загнивающего капитализма. С этой точки зрения паденне Примо де Ривера в Испании и побе-

да республики в этой стране не должны возбуждать никаких иллюзий насчет легкости ликвидации фашизма. В Испании не было фашизма развитой капиталистической страны, а был лже-фашизм. Диктатор правил по полномочию клики генералов не разгромил синдикатов (он имел с ними договор о своего рода modus vivendi), в Испании не создался фашистский аппарат власти и новой организации силы. Поэтому этот режим так легко пал. Итальянский фашизм так легко не исчезнет.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА и РОСТ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

Среди буржуазных экономистов широко распространен взгляд, что современный мировой кризис связан с слишком быстрым ростом материальных размеров производства в сравнении с ростом народонаселения. Это положение в корне извращает действительное положение вещей. Длительное и огромное перепроизводство в современном капиталистическом обществе является отражением глубокой диспропорции не между быстрым ростом продукции и медленным увеличением народонаселения, а диспропорции между размерами материальной продукции и размерами платежеспособного спроса, т. е. размерами рынка, который все более и более суживается в условиях монополистического перерождения капитализма. Наоборот, если говорить о размерах материальной продукции капиталистической системы в ее отношении к росту народонаселения, то здесь дело обстоит исключительно неблагоприятно.

Если до мировой войны темп увеличения продукции значительно обгонял рост народонаселения, то теперь рост продукции еле поспевает за ростом населения, а в известные периоды даже отстает от него. Этот факт имеет исключительно важное значение для общей оценки капиталистической системы на теперешней стадии ее исторического существования. Этот факт есть доказательство того, что эта система не только не может удержать уже достигнутые темпы экономического развития, но что это развитие вообще приостанавливается.

Посмотрим, как фактически обстоит дело.

Для характеристики положения мы возьмем данные по росту продукции и по росту народонаселения начиная с 1913 г.

В меморандуме издания Лиги наций «Memorandum on the production and trade 1923 — 1929», Généve, 1930» мы находим попытку подсчитать по агрегатному методу движение мировой продукции сырья и продовольствия. Наряду с другими данными мы находим там следующую таблицу, которая показывает движение продукции, выраженной в неизменных ценах, с пересчетом один раз по ценам 1918 г., другой раз по ценам 1916 г.

Годы	По ценам 1916 г. млн. долл.	По ценам 1929 г. млн. долл.
1913 . .	49 571	46 565
1920 . .	52 671	49 044
1924 . .	53 306	49 665
1925 . .	57 661	53 806

Годы	По ценам 1916 г. млн. д лл.	По ценам 1929 г. млн. долл.
1926 . .	57 925	53 916
1927 . .	60 531	55 871
1928 . .	62 776	58 018

Эта таблица дает только часть реальной мировой продукции, потому что не дает данных по перерабатывающей промышленности, транспорту и т. д. Однако это обстоятельство несущественно меняет дело, потому что по части можно более или менее точно схватить динамику целого. Для нашей цели в данном случае важны как раз не полные данные об абсолютных размерах всей продукции, а данные о динамике ее возрастания. Во всяком случае таблица меморандума не преуменьшает, а скорее преувеличивает быстроту возрастания продукции мира, потому что в таблице слишком большую роль играют товары, которые показывают наиболее быстрый рост продукции, вследствие чего общий темп роста неизбежно должен оказаться выше реального, взятого в отношении всей мировой продукции.

Но и эта таблица, прикрашивающая действительное положение вещей, является совершенно убийственной для современной капиталистической системы.

Возьмем первое десятилетие с 1913 по 1923 г. В это десятилетие входит мировая война со всеми ее тяжелыми последствиями для мирового хозяйства, в особенности для хозяйства Европы. С этой стороны десятилетие как будто бы исключительное. Но так как сама война не есть случайная катастрофа, а вполне закономерное потрясение капиталистической системы, вытекающей из загнивания капитализма на монополистической стадии его существования, то эти десять лет являются не исключительными, а как раз характерными для эпохи упадка капитализма. Из случайной катастрофы, если таковая могла быть, и из созданного ею экономического упадка капиталистическая система должна была бы выйти в 2—3 года, если принять во внимание все ее потенциальные производительные силы. В действительности Европа только в 1925 г., т. е. через 13 лет, достигла довоенного уровня производства. Так медленно поправляются только старческие организмы, частые и серьезные болезни которых не являются случайностью.

За это десятилетие мировая продукция показывает рост с 49 571 млн. долл. по приведенному в меморандуме условному подсчету до 52 671 млн. или на 6,2%, исходя из цен 1926 г., и на 5,3%, исходя из цен 1928 г., в обоих случаях взятых как неизменные.

Как изменилось за это время население мира?

В абсолютных цифрах это изменение было таково

Население земного шара (в тыс. чел)	Годы	Население
	1913 . . .	1 756 826
	1914 . . .	1 894 874
	1918 . . .	1 962 000

Население земного шара в настоящее время возрастает несколько меньше одного процента в год, если считать и Китай, о

котором нет сколько-нибудь надежных данных (как впрочем нет их и о некоторых других, хотя и менее важных пунктах), и возрастает на 1,2% в год, если исключить из рассмотрения Китай. Годовой прирост народонаселения с 1910 по 1928 г. было около одного процента, а всего за эти 18 лет народонаселение возросло на 17%. С 1913 по 1924 г. народонаселение возросло на 6%, т. е. рост был ниже среднего, вследствие успешной «ликвидации» избыточного народонаселения земли во время мировой войны. Из этих цифр мы видим, что на протяжении рассматриваемого периода рост материальной продукции мира е л е п о с п е в а л за ростом народонаселения, если принимать во внимание ненадежные цифры относительно Китая; рост продукции отставал от роста даже уменьшенного методами войны народонаселения, если исключить из рассмотрения Китай и по продукции и по народонаселению. Наконец, если взять только Европу, то здесь уровень производства а б с о л ю т н о и з н а ч и т е л ь н о с н и з и л с я з а р а с с м а т р и в а е м о е д е с я т и л е т и е, с 16 646 млн. долл. до 14 531 млн. Здесь динамика движения народонаселения и общей продукции была совершенно катастрофической для капитализма и его материальной культуры.

Годы с 1923 по 1929, а тем самым и итоги с 1913 по 1929 г. были более благоприятными для капитализма. Цитируемый нами меморандум Лиги наций спешит с удовлетворением отметить (стр. 9), что в то время как народонаселение мира увеличилось с 1913 по 1928 г. на 10%, производство средств потребления и сырья возросло за это время приблизительно на 25%, а мировая торговля увеличилась на 22%. Если по размерам производства сырья и предметов питания судить о всем производстве, то эта оптимистическая таблица означает, что материальное положение человечества в целом (отвлекаясь от грабительской системы распределения), увеличилось на полтора процента в год на душу населения. Действительно есть чем похвалиться!

Однако хвалиться для капиталистов было бы преждевременно даже и этими воробьиными успехами. Дело в том, что и 1918 г. и 1919 г., взятые как конечный пункт сравнения с 1913 г., дают совершенно ложное представление об успехах капитализма, потому что это годы — на гребне экономического оживления. С таким же правом мы могли бы взять для сравнения и кризисный 1930 г. и путем сравнения уровня его продукции с 1913 г. притти к заключению, что за это время народонаселение увеличилось на 12%, в то время как продукция почти не изменилась.

Попробуем сделать более научное сопоставление. Так как теперешний мировой кризис является таким же закономерным явлением для капитализма, как и мировая война, то и второе десятилетие после 1931 г., вследствие сокращения производства, вызванного этим кризисом (который к тому же еще может перейти в дальнейшем в новую мировую войну), оказывается десятилетием огромных хозяйственных потрясений. Если мы привлечем к рассмотрению и прошлый год и настоящий, 1931 г., если мы будем исходить из допущения, что кризис в 1931 г. даст не меньшее

сжатие производства, чем это имело место в 1930 г., если, наконец, сжатие производства для этих двух лет мы возьмем в размере его сжатия в таких руководящих странах мирового хозяйства, как Соединенные штаты, Германия и Англия, то это дает нам возможность принять уровень мировой материальной продукции в размерах приблизительно 1913 г. При таком допущении и беря уровень продукции в 1929 г. равным предыдущему 1928 г., мы получим следующий результат. Средняя производства за весь период, в переводе на измененные цены 1928 г., будет равна 52 900. В сравнении с 1913 г. это дает увеличение на 12%. Но с 1913 по 1931 г. включительно население должно возрасти на 13%, что дает не только не увеличение, а снижение продукции в сравнении с ростом народонаселения.

Но если даже взять среднюю от 1925 до 1929 г., с одной стороны, и 1930 и 1931 годов, с другой (взятых на уровне продукции 1923 г.), то это дает увеличение продукции на 15%, т. е. рост продукции оказывается почти на уровне роста народонаселения.

Что означают эти убийственные цифры?

Они означают, что капиталистическая система приостановила увеличение материального благосостояния всего общества, взятого как целое, что она приостановила фактически рост производительных сил, поскольку он находит свое выражение в увеличении реального производства благ на душу населения. Все это означает, что в 1930 и 1931 гг. человеческое общество, увеличившее количество населения на 13%, отброшено к уровню жизни 1913 г., т. е. отброшено почти на двадцать лет назад. Мы не говорим уже о том, что эта абсолютная приостановка развития производительных сил, выражающаяся прежде всего в абсолютной приостановке увеличения продукции на душу населения, при буржуазной системе распределения и в частности при огромном росте непроизводительного потребления всей системы означает систематическое ухудшение условий жизни для трудящихся масс, т.-е. для подавляющего большинства населения.

Эта система неспособна уже просто прокормить человеческое общество. Ей нехватает теперь только попытки поправить свои дела мировой войной!

Все признаки, в том числе и этот, подводящий материальные итоги капиталистического хозяйства за 20 лет, говорят о неизбежном и очень близком крахе капитализма.

Дело лишь за рабочим классом!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ВСЕОБЩИЙ КРИЗИС КАПИТАЛИЗМА

В предыдущих главах мы уделили много места анализу особенностей хозяйственного цикла при империализме, в частности особенностям, которые обнаруживает в этом отношении мировой кризис 1930 — 1931 гг.

Самый важный вывод, к которому мы пришли, заключается в том, что капиталистическая система при монополизме испыты-

вает чрезвычайное ослабление стимулов к расширенному воспроизводству по сравнению с эпохой свободы конкуренции и потеряла, вследствие изменения хода цикла, важнейший механизм стихийного выхода из кризиса. Это обстоятельство делает настоящий кризис крайне длительным, глубоким и чрезвычайно опасным для всей капиталистической системы. Этот кризис не может закончиться обычным образом, т. е. перейти через период депрессии в подъем. Во-первых, сам кризис будет длиться дольше, чем все предшествующие ему кризисы, а последующая депрессия вообще не имеет шансов перейти в подъем.

Все это должно до крайности обострить противоречия, которые и до этого кризиса раздирали с огромной силой буржуазное общество, давно уже находящееся в состоянии загнивания и полной приостановки развития производительных сил.

Первое, самое важное, противоречие современного капитализма есть систематический рост избыточного рабочего населения при одновременном огромном росте неиспользованных средств производства. Этот процесс, особенно характерный для послевоенного капитализма, крайне обострился во время настоящего кризиса. Как уже отмечено в программе Коминтерна, дело идет не об увеличении конъюнктурной, а о структурной, т. е. абсолютной безработице, о выталкивании из производственного процесса навсегда. Маркс гениально предвидел развертывание этого противоречия капиталистической системы, когда рост избыточного рабочего населения происходит вместе с ростом избыточного капитала, т. е. вся система как таковая оказывается находящейся поперек дороги экономическому развитию общества. Маркс не предвидел только того долготерпения, которое проявил пролетариат передовых промышленных стран, когда обнаружилось общее банкротство капиталистической системы. Он писал на эту тему следующее: «Чем более развиваются призводительные силы, тем более впадают они в противоречие с тем узким базисом, на котором покоится потребление. При наличии таких противоречий в самом базисе совсем не является противоречием тот факт, что избыток капитала связан с возрастающим избытком населения. Ибо, если избыток капитала соединяется с избытком населения, то в этом случае хотя масса производимой прибавочной стоимости могла бы и возрастать, но именно поэтому возрастает противоречие между теми условиями, при которых эта прибавочная стоимость производится, и условиями, в которых она реализуется («Kapital», III, 2 Auflage, Hamburg 1894, S. 226). В другом месте того же III тома Маркс делает замечание, как бы специально написанное в предвидении теперешней ситуации в капиталистическом обществе: «Такое развитие производительных сил, которое уменьшало бы абсолютное число рабочих, т. е. фактически позволяло бы нации совершать свое производство в меньшее количество времени, привело бы к революции, потому что большинство населения оказалось бы вышедшим в тираж» («Ausser Kurs setzen würde», Jbid, S. 246).

Теперь капитализм «сдает в тираж» новые и новые миллионы рабочих, одновременно омертвляя все новые и новые массы капитала. Но тем самым и сам капитализм должен скоро выйти в

тираж. Если чуть не четвертая часть всего мирового пролетариата оказалась лишней для капитализма, то это доказывает лишь, что сам капитализм давно уже стал лишним в ходе исторического развития и пережил все положенные для него сроки.

Второе противоречие современного капитализма, до крайности обостренное кризисом и неизбежно с ним связанным сокращением национального дохода, заключается в том, что капитализм должен размещать на все более и более сужающемся базисе эксплоатируемых рабочих все увеличивающееся непроизводительное потребление капиталистической системы, в том числе расходы по ликвидации первой мировой войны и по лихорадочной подготовке второй. Это вынуждает капиталистов, уже выбросивших прочно из производственного процесса более 30 млн. рабочих, систематически снижать уровень жизни работающей части пролетариата. Сопротивление рабочих масс, прерывающих производственный процесс стачками, еще более суживает размеры производства и еще более обостряет все социальные противоречия. Насколько подрывают капиталистическое хозяйство массовые стачечные конфликты, можно видеть из того провала, каким выглядит на кривой хозяйственной конъюнктуры послевоенной Англии 1926 год, год великой стачки. Столкновения такого же масштаба назревают в ряде стран, в частности очень близка к их повторению современная Англия.

Мы уже говорили выше и объясняли, почему во время этого кризиса, не в пример предыдущим, оптовые цены не вызывают соответствующего снижения розничных. Снижение оптовых цен урезывает прибыли капиталистов, часто заставляя их вести предприятия совсем без прибыли или в убыток. Это неизбежно вызывает стремление к понижению заработной платы, в то время как стоимость жизни продолжает оставаться на прежнем уровне, либо падает гораздо меньше того уровня, до которого предприниматели стремятся снизить заработную плату. При свободе конкуренции сжатие заработной платы происходило после падения розничных цен. Теперь общий поход на заработную плату начался до снижения розничных цен, что делает борьбу вокруг заработной платы исключительно ожесточенной.

Сжатие производства и падение цен на продукцию сельского хозяйства, как на предметы потребления, так и на промышленное сырье, до крайности обостряет аграрный кризис. Сельское хозяйство, особенно за океаном, расширившее свою продукцию в период высоких цен на предметы питания и сырье и сделавшее значительные капитальные вложения, в большинстве на заемный капитал, теперь вынуждено сжимать производство и увеличивать омертвление основного капитала, уже вложенного в эту отрасль. Мелкие производители, не могущие сбыть свою продукцию даже по ценам 90-х годов прошлого века, не в состоянии вернуть свои затраты, не в состоянии получить плату за труд, не в состоянии покупать необходимейшие промышленные товары, и в то же время они обязаны покрывать свои долги, которые были сделаны при другом индексе цен и которые теперь являются петлей на их шее. Мелкие производители деревни разоряются миллионами, и вместе с тем, ввиду неслыханной по своим размерам без-

работице в промышленности, они не могут искать куска хлеба в городе, который был раньше постоянной отдушиной для избыточного населения деревни. Всеобщий кризис капитализма, обостренный циклическим его кризисом, потрясает все социальные отношения не только в городе, но и в более консервативной и более спокойной деревне. Так как размеры государственных бюджетов находятся в прямой зависимости от размеров национального дохода, а сокращение производства при кризисе означает резкое сокращение этого дохода, то повсюду мы видим нарастание элементов финансового кризиса. Бюджеты большинства стран сводятся с огромными дефицитами. Доходы падают, расходы, особенно на безработных, возрастают. Такая страна, как Англия, которая кредитовала весь мир, теперь выпрашивает заем во Франции или в Соединенных штатах. Австралия отказом платить по государственному долгу заявила о своем финансовом банкротстве [1]. Мелкие государства, страдающие и от аграрного и от промышленного кризиса и в то же время увеличивающие свои вооружения, залезают все больше и больше в неоплатные долги, подобно балканским государствам и Польше, выклянчивающим один заем за другим у Франции. Сегодняшние банкроты занимают усердно у завтрашних банкротов. Вместе с тем огромные долговые обязательства, накопленные со времени мировой войны и в связи с ее ликвидацией, возросли для всех должников в той же мере, в какой пали мировые цены. Время этих обязательств, непосильное даже в годы хозяйственного оживления, теперь становится совершенно невыносимым [2]. Безмерно раздутые титулы на доход всяких видов вступают во все растущее противоречие с сокращающимся размером реальных стоимостей, производимых в обществе, где насильственно выброшены из производства десятки миллионов людей и где неизбежно будут брошены без обработки десятки миллионов гектаров раньше обрабатываемой площади. Как чудовищная военно-эксплоататорская машина древней Римской империи обвалилась в свое время на свой сузившийся и истощенный экономический базис, подталкиваемая вниз напором варваров, так эксплоататорская пирамида современного капитализма созрела для такой же участи и лишь ждет достаточно сильного удара со стороны восставших пролетарских масс.

Кризис в странах, производящих сырье и средства потребления, многие из которых находятся либо на положении колоний, как Индия, либо на положении стран, зависимых от мощных капиталистических стран, как государства Южной Америки, приводит к обострению национального движения в колониях, к непрекращающимся «революциям» в странах Южной Америки; вся периферия европейского и американского капитализма находится

[1] Все это писалось до резкого обострения финансово-кредитного кризиса в июле 1931 г. Теперь к сказанному прибавилось много новых и более важных фактов.

[2] Эту сторону хорошо понимают и буржуазные экономисты, например, Кэйнс. См. его ст. в Nation, а также двухтомную работу «Treatise on Money» (London, 1931).

в стадии глубокого брожения, борьбы за освобождение, либо непрекращающейся гражданской войны, как Китай.

Но и положение в Европе является крайне неустойчивым для капитализма и все больше и больше обостряется. Отнюдь не случайно, что давно уже прогнившая королевская власть в Испании ретировалась без боя во время мирового кризиса. Не случайны более глубокие, чем раньше, проявления социальной борьбы в Южной Америке и успехи коммунизма в Китае. Не случайно, наконец, что наиболее энергичное подготовление к интервенции против СССР, т. е. к грандиозному взрыву классовой борьбы невиданных в истории размеров, ведется в разгар кризиса.

Вся атмосфера в Европе насыщена запахом пороха и удушливых газов. Ширится и углубляется всеобщее разочарование в капитализме, даже среди непролетарских кругов, даже среди многих из его вчерашних апологетов. Сами капиталисты не знают, что их ожидает завтра. Положение является настолько неустойчивым, особенно в самом слабом месте капиталистической цепи—в Германии,—что крупнейшие события и величайшие потрясения могут произойти в любую минуту. Никто этому не удивится, психологически к этому готовы все...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА и СССР

В деле обострения всеобщего кризиса капитализма Советскому Союзу принадлежит совершенно исключительная роль. Буржуазная печать больше всего кричит в связи с этим о нашем демпинге; между тем мы как раз меньше всего угрожаем капитализму со стороны нашей внешней торговли, а скорее наоборот.

Во-первых, обвинение нас в валютном демпинге является совершенно безграмотным с точки зрения экономической науки. В основе всякого валютного демпинга лежит разрыв цен внутри экспортирующей страны от золотых цен мирового рынка и импортирующих стран с твердой валютой. А в основе этого разрыва лежит продажа рабочей силы ниже стоимости и растрата без восстановления части основного, а иногда и оборотного капитала страны, эксплоатирующей при падающей валюте. К нашей внешней торговле вообще нелепо приложение такого критерия, который предполагает экономику, регулируемую законом стоимости, а не сознательном планом, в том числе и планом внешней торговли. Наш экспорт нелепо расценивать под углом «стоимостного равновесия», потому что закон стоимости вообще перестает действовать в нашей экономике. Мы ввозим и вывозим, руководствуясь задачей выполнения оптимального плана индустриализации в наикратчайший срок. Правда, вся наша экономика и в частности движущие пружины нашего экспорта есть нечто новое и совершенно небывалое в экономической истории, но это обязывает к изучению этого нового в его специфических особенностях, вме-

сто того чтобы с тупоумной ограниченностью применять к этому новому шаблоны из сферы капиталистических отношений.

При демпинге страны с падающей валютой происходит систематическое снижение заработной платы, в то время как у нас, несмотря на временные затруднения с продовольствием, происходит рост заработной платы в ее целом, и ее систематическое увеличение составляет важнейшую заботу партии и государства и существеннейшую часть всех наших хозяйственных планов. Во время валютного демпинга происходит, в условиях дезорганизации всей калькуляции, проедание части основного и оборотного капитала страны. У нас, наоборот, происходит увеличение основного и оборотного капитала темпами, неслыханными для всего периода капиталистического развития.

Но еще важней даже не это, а то обстоятельство, что мы вывозим не для накопления золота и не для накопления долговых обязательств к нам со стороны других стран, а для того, чтобы немедленно всю выручаемую валюту употребить на закупки оборудования для строящихся заводов и для самого необходимого сырья. Мы являемся страной, которая, в отличие от других стран, не сократила своего импорта даже в период мирового экономического кризиса. За ряд лет мы имеем в балансе нашей внешней торговли не активный торговый баланс, а равновесие между экспортом и импортом и даже иногда превышение импорта над экспортом, в то время как царская Россия имела огромный голодный активный баланс внешней торговли для покрытия своей внешней задолженности, от которой мы свободны, за исключением очень скромных обязательств по долгосрочным кредитам за заказанное оборудование. И с этой стороны капиталистам как будто бы не на что жаловаться.

Обвинение нас в том, что мы продаем сырье дешевле других экспортирующих стран, если даже это верно, совершенно нелепо с капиталистической точки зрения, потому что вся экономическая политика промышленных стран в области внешней торговли была построена на поощрении ввоза дешевого сырья. Если мы ввозим дешевое сырье, то от этого могут пострадать отдельные группы капиталистов, экспортирующие то же самое сырье, но весь капиталистический класс может только выиграть, тем более, что к стыду наших товарищей, ведающих импортом, мы отчасти по нашей вине, отчасти вследствие общих трудностей, с которыми встречается наша торговля, до сих пор еще больше теряем на падении цен на предметы экспорта, чем выигрываем на падении цен предметов импорта. И здесь капиталистам не на что жаловаться, тем более что никто им не мешает покупать сырье по более высоким ценам и худшего качества у наших конкурентов.

В нашей печати уже говорилось о всей вздорности обвинения нас в том, что мы можем опрокинуть капитализм дешевыми ценами через рычаг 3%-го участия во внешней мировой торговле. Сами мы несколько выше расцениваем силу сопротивления капитализма.

Но если бы даже по выполнении пятилетки мы оказались в состоянии экспортировать по более дешевым ценам не только сырье, но и фабрикаты, в том числе и машинное оборудование,

ведь мы не будем вывозить ради накопления золота. О возможном употреблении золота при социализме Ленин в свое время очень выразительно сказал в своей знаменитой статье на эту тему, и сказанное им остается в полной силе. Мы будем, следовательно, вывозить, чтобы ввозить. Если мы будем много вывозить, то это значит, что также много будем и ввозить. Структура нашего экспорта, разумеется, изменится в сравнении с теперешним положением и изменится, конечно, в сторону роста вывоза готовых изделий; той настоятельности в экспорте, которая существует теперь, тогда уже не будет. Наша торговля будет больше, но наша зависимость от внешнего рынка вообще будет меньше; мы будем увеличивать вывоз того, что является продуктами второй, а не первой необходимости (что будет показателем высокого уровня благосостояния масс и роста их потребностей). Однако вышеназванное положение будет при всяких условиях оставаться в силе: мы будем вывозить, чтобы ввозить.

Правда, когда мы рационализуем наше производство настолько, что будем производить в смысле затрат труда значительно дешевле, чем капиталистические страны, в нашей внешней торговле мы будем обменивать меньшее количество труда на большее количество труда. Но, во-первых, это будет не через год, а во-вторых, это будет выполнением с превышением пожеланий тех, кто кричит о нашем валютном демпинге, поскольку валютный демпинг означает обратное соотношение: обмен большого количества труда импортирующих стран с твердой валютой. Такой баланс по размену труда будет как раз осязательным и очевидным доказательством преимущества социалистической экономики над капиталистической.

В этом преимуществе и заключается вся суть дела. Капиталистов беспокоит в данное время не это будущее наше преимущество перед ними во внешней торговле, а то уже реальное преимущество, о котором кричат все столбцы цифр, характеризующих темпы нашего экономического роста. Сначала буржуазные газеты кричали, что все наши статистические данные есть сплошное надувательство. Когда на этой позиции надувательства своих читателей им нельзя уже было удержаться, они внесли усовершенствование в свою ложь и стали кричать о том, что мы исчисляем наш бюджет и нашу продукцию в инфляционных рублях, в то время как в действительности у нас происходит систематическое уменьшение продукции. Когда и этот аргумент перестал действовать, поскольку мы даем исчисления нашей продукции либо в прямом натуральном измерении, либо в неизменных ценах 1926 г., и соответствующие цифры стали появляться во всех обозрениях мировой конъюнктуры, в самых солидных буржуазных изданиях, тогда начался пересмотр всей системы аргументации против Советского Союза. На страницах одной белогвардейской газеты совершенно открыто обсуждался недавно вопрос, что выгодней говорить о Советском Союзе: то ли, что пятилетка кончится крахом, то ли, что она будет выполнена и опасность капитализму угрожает именно оттого, что она обязательно будет выполнена. В настоящий момент наиболее солидные буржуазные

органы, не только либеральные, но и такие твердолобые, как английский «Times», переориентировались в своей агрументации именно в этом последнем направлении и преимущественно развивают «классовое сознание» буржуазии указаниями на то, что наши успехи есть факт и что именно от этого капиталистической системе грозит смертельная опасность.

В связи с этим изменением в приемах борьбы с Советским Союзом наши официальные данные о состоянии нашего хозяйства стали чаще появляться во всяких обзорах и даже становятся объектом сравнительного изучения с хозяйственной конъюнктурой других стран. С этой стороны довольно интересен тот меморандум Лиги наций о производстве и торговле, о котором уже была речь выше.

В некоторых своих частях это издание Лиги наций представляет собой прекрасный пропагандистский документ в пользу коммунизма. Наряду с другими интересными данными мы находим здесь любопытную таблицу, дающую сравнительный индекс роста промышленной продукции в различных странах, начиная с 1925 года по 1929 год включительно. В числе стран, включенных в этот список, находится и наш Союз. Эта таблица относится как раз к тому периоду, когда капиталистическое хозяйство переживало подъем в одних своих частях и оживление в других. С этой стороны таблица является крайне оптимистической для капитализма. И тем не менее темпы нашего развития выделяются на этой таблице как нечто совершенно исключительное, совершенно неслыханное. Мы приведем здесь эту таблицу, которая является лучшей пропагандой коммунизма, которую только можно себе представить.

Индекс промышленной продукции в различных странах

Страны	1925	1926	1927	1928	1929
Америка:					
Канада	100	117	125	138	154
Соед. штаты . . .	100	104	102	107	113
Европа:					
Франция	100	117	102	118	130
Германия	100	95	120	120	122
Польша	100	98	122	138	138
Швеция	100	103	108	104	127
Швейцария . . .	100	95	112	117	111
Великобритания .	100	—	107	1 6	112
СССР	100	141	172	208	240

(Memorandum)

Эта замечательная таблица имеет тот недостаток, что она не дает пессимистических для капитализма цифр, относящихся к 1930 г. Этот год дает для Соединенных штатов в декабре 82, если исходить из уровня 1923 —1925 гг., взятых за 100. Такое же резкое снижение дают все другие страны, например, Англия дает 98,7 за весь 1930 год в сравнении с уровнем 1924 года, взятом за

100, в то время как IV квартал 1930 года дает 93. С другой стороны, огромные успехи, которые сделала наша промышленность на протяжении 1930 г., поднимают нашу цифру в этой таблице с 240 за 300 с лишним. Все эти данные вряд ли нуждаются в комментариях.

Пропагандистское значение наших хозяйственных успехов неизмеримо. В эпоху глубочайшего как циклического, так и общего кризиса капитализма эти успехи кричат о себе, как завтрашний день каждой страны, которая осуществит у себя социалистическую революцию и освободит производительные силы от капиталистической оболочки. Все объективные предпосылки для ликвидации капитализма и социалистической перестройки общества налицо, в особенности в Европе. Все дело только за рабочим классом. Среднего рабочего удерживает от революции инерция прошлого, неуверенность в завтрашнем дне после переворота вследствие зависимости каждой капиталистической страны от мирового рынка, отчасти боязнь прыжка в неизвестное: «не будет ли еще хуже, справимся ли сами с хозяйством». Все социал-демократические партии играли до сих пор главным образом на этой психологии рабочего-середняка. Нашими успехами мы разрушаем все эти психологические преграды для переворота, а о ликвидации прежнего уровня жизни заботятся сама буржуазия и социал-фашисты. Преимущества социалистической организации хозяйства блестяще доказаны нашим опытом. Никакого прыжка в неизвестное будущее здесь не будет. Наоборот, как раз дальнейшее существование капиталистической системы сулит неизвестное будущее, потому что никто не в состоянии предсказать, какие ужасы может принести трудящимся массам умирающий общественный строй. Каждой стране, где победит рабочий класс, обеспечен хозяйственный и военный союз с СССР, обеспечен импорт необходимого сырья и предметов питания и во всяком случае обеспечено их увеличенное производство силами объединившихся социалистических стран до размеров необходимого. Пусть другие страны объявят блокаду новой социалистической страны: теперь она не пропадет от этого, теперь у нее есть мощный союзник и социалистический тыл на Востоке.

Во всяком случае рабочий класс в Европе в своей борьбе за власть рискует несравненно меньше, чем рисковали наши рабочие в Октябрьские дни 1917 г.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКА

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 3

Отдел первый

Глава I. Экономический крах капитализма 5

Отдел второй

Глава II. Расширенное воспроизводство и кризисы при свободе конкуренции 19
Глава III. Депрессии и кризисы при монополистическом капитализме . . . 27
Глава IV. Монополизм в системе снабжения. Непроизводительное потребление 56
Глава V. Общие итоги 58

Отдел третий

Глава VI. Схема хозяйственного цикла при свободе конкуренции 66

Отдел четвертый

Глава VII. Схема хозяйственного цикла при монополизме 85
Глава VIII. Экономический кризис монополистической системы и мировая война 97

Отдел пятый

Глава IX. Мировой экономический кризис 1930—1931 гг. 101
Глава X. Перспективы 132

Отдел шестой

Глава XI. Социальные основы фашизма 141

Отдел седьмой

Глава XII. Капиталистическая система и рост народонаселения 153
Глава XIII. Всеобщий кризис капитализма 156
Глава XIV. Капиталистическая система и СССР 160

2p. 50r.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ. ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

МИРОВОЙ КРИЗИС 1929—1931

Сборник под редакцией Л. КАШАРСКОГО и В. СЕРЕБРЯКОВА

Стр. 128. Ц 2 р.

СОДЕРЖАНИЕ. Всеобщий кризис капиталистической системы — Л. КАШАРСКИЙ. Под знаком мирового кризиса — В. СЕРЕБРЯКОВ. Развитие кризиса в САСШ — Е. КАЧУРИНЕР. Экономический кризис в Англии — М. БОРТНИК. Экономический кризис во Франции — В. СЕРЕБРЯКОВ. Современный кризис в Германии — М. ДУХОВНЫЙ и С. РОЗИН. Развитие экономического кризиса в Латвии — Я. МЕРГИН. Эстония в тисках экономического кризиса — Г. ПЕГЕЛЬМАН. Экономический кризис финского капитализма — И. ЛЕХТИНЕН. Экономический кризис в колониях и полуколониях — К. ЛУКНИЦКИЙ.

ПРИЛОЖЕНИЕ. Задачи секций Коммунистического Интернационала в связи с углублением экономического кризиса и нарастанием в ряде стран предпосылок революционного кризиса (тезисы, принятые XI пленумом ИККИ).

БУРЖУАЗНЫЕ ЭКОНОМИСТЫ О МИРОВОМ КРИЗИСЕ

Сборник под редакцией и со вступительной статьей Л. КАШАРСКОГО. Перевод Д. Страшунского

Стр. 176. Ц. 1 р. 75 к.

СОДЕРЖАНИЕ. Буржуазные экономисты о мировом кризисе. Вступ. статья Л. КАШАРСКОГО. Мировой экономический кризис (передовая «Magazin der Wirtschaft»). Конец американского процветания — Р. В. ГОЛЬДШМИДТ. Враг процветания. — С. ЧЕЙЗ. Особенности современного экономического кризиса — М. Р. АКО. Мировая депрессия 1930 года — К. СНАЙДЕР. Попытка диагноза — И. ШУМПЕТЕР. Мировое хозяйство в 1930 г. — Э. КЭННЕН. Кризис мирового хозяйства — К. ЗИНГЕР. Мировой денежный рынок и кризис — Д. М. КЕЙНС. Причины падения цен — Г. КАССЕЛЬ. Недостаток золота и мировой кризис — П. БЕРКЕНКОПФ. Главные причины великой инфляции и некоторые уроки ее краха — В. БЭКЕР. Вечное процветание? — В РЕПКЕ. Монополии и кризис — Г. БАЙЕР. Кризис сырья и мировое хозяйство — Д. БРЕХ. Причины и пути преодоления кризиса — Д. М. КЕЙНС. Отказ от свободного хозяйства — Э. ВАГЕМАН.

ИНСТИТУТ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА и МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

И. ВАРЬЯШ

МИРОВОЙ КРИЗИС В ЦИФРАХ

Вступительная статья Ю. Гольдштейна.

Стр. 128. Ц. 1 р 50 к.

ОГИЗ — КНИГОЦЕНТР

ОГИЗ—КНИГОЦЕНТР

Е. ВАРГА, В. МОТЫЛЕВ, Л. МЕНДЕЛЬСОН

ПРОБЛЕМЫ МИРОВОГО КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА

СБОРНИК СТАТЕЙ

М.-Л. Соцэкгиз. 1931. Стр. 196. Ц. 1 р. 50 к.

Гюнтер РАЙМАН

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ УПАДКА КАПИТАЛИЗМА

Перевод с немецкого Александри

М.-Л. Соцэкгиз. 193 . Стр. 184. Ц. 1 р. 75 к.

Гюнтер РАЙМАН

МИРОВОЙ КРИЗИС КАПИТАЛИЗМА

Перевод с немецкого

М.-Л. Соцэкгиз. 1931. Стр. 72. Ц. 75 к.

А. ЛОЗОВСКИЙ

МИРОВОЙ КРИЗИС и ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БОРЬБА

(Серия „Мировой кризис и положение рабочего класса". Выпуск I).

М.-Л. Соцэкгиз. 1931. Стр. 231. Ц. 2 р. 25 к.

АГРАРНЫЙ КРИЗИС

Сборник статей. КНИГА I

Австралия. Англия. Канада. Латинская Америка. С.-А. Соед. Штаты.

М. Междун. Аграрный ин-т. 1931. Стр. 261. Ц. 2 р. 50 к.

Продажа во всех магазинах и отделениях КНИГОЦЕНТРА и КООПКНИГИ. Почтовые заказы (без задатка) исполняет КНИГА-ПОЧТОЙ Москва, 64. Покровка, 28.